

Экспресс времён

Михаил Ландман

Михаил Ландман

Экспресс времён

*Стихи. Воспоминания.
Друзья — о Михаиле Ландмане*

Михаил Ландман
Экспресс времён

*Анна и Софья Ландман
выражают глубокую признательность
Елизавете и Наталье Букатиным и Нелли Гурвич
за щедрую помощь, благодаря которой издание этой книги
стало возможным. Большое спасибо Лилии Гойзман
за помощь в подготовке иллюстраций к печати.*

Михаил Ландман

Экспресс времён

*Стихи. Воспоминания.
Друзья — о Михаиле Ландмане*

Иерусалим
Волшебный фонарь
2024

УДК 882-1
ББК 84Р7
Б76

Михаил Ландман

Экспресс времён: Стихи. Воспоминания. Друзья – о Михаиле Ландмане / Михаил Ландман; редактор-составитель Мая Халтурина. – Иерусалим, 2024. – 336 с., ил.

ISBN 978-5-903505-77-7

Эта книга впервые знакомит читателя с поэзией и мемуарной прозой переводчика Михаила Ландмана (1931–1997). В юности он жил в Вильнюсе, затем в Москве. В 1991 году вместе с семьёй репатриировался в Израиль.

Переводил стихи и прозу с польского, румынского и чешского языков. Его блестящий перевод сказки Яна Бжехвы «Академия пана Кляксы» многократно переиздавался, последний раз – в 2019 году. Собственные стихи всегда писал «в стол», при его жизни они не издавались. Воспоминания Михаила Ландмана о Марии Петровых, выдающейся русской поэтессе и переводчице, тоже публикуются впервые. В течение многих лет Ландман дружил с нею, в её доме познакомился с Анной Ахматовой.

Особый раздел книги составили воспоминания друзей о Михаиле Ландмане, в которых отразились не только личность этого яркого, талантливого человека, но и портрет эпохи. Издание иллюстрировано многочисленными фотографиями из семейного архива.

© Ландман М.Х., наследники, текст, фото, 2024

© Авторы воспоминаний, текст, 2024

© Халтурина М.В., составление и комментарии, 2024

© «Волшебный фонарь», макет, 2024

Стихи разных лет

*Портрет Михаила Ландмана работы Артура Креслова.
1951 год. Бумага, карандаш*

I

На языке травы

* * *

Мне бы сына — да возьмут в солдаты.
Мне бы дочь — останется вдовой.
Ходит по земле колдун проклятый,
Бродит по земле волшебник злой.

Превращает он в золу жилища,
В пепел превращает он людей.
Весело ль тебе у пепелища
Руки греть, жестокий чародей?

27 сентября 1962

Ландман тоскует по родине

Рубаху мою из нейлона
Пора мне, товарищи, снять.
Поеду в деревню, на лоно —
Еврейское детство искать.

Поеду слоняться без дела
У речки по имени Збруч
И в воду бросаться несмело
С высоких насупленных круч.

А если искать меня будут
И явится в гости чекист,
Скажите: «Уехал отсюда
На родину, в Подволочиск.

По дикому пастбищу рыщет
Среди разворованных плит.
Еврейское кладбище ищет.
Поёт, причитает, скулит».

Эс из гевейн а ингелэ
Клейн ви а фингелэ.
Эр от геат цвей зейдес,
Зей обн фарфалн ун эйдес.

Фалн, фалн, фалн трээн,
Фалн аф ди липн.
Цвишен штибэлэх ун штэрн
Из а мэнч геблибн.*

23 апреля 1961

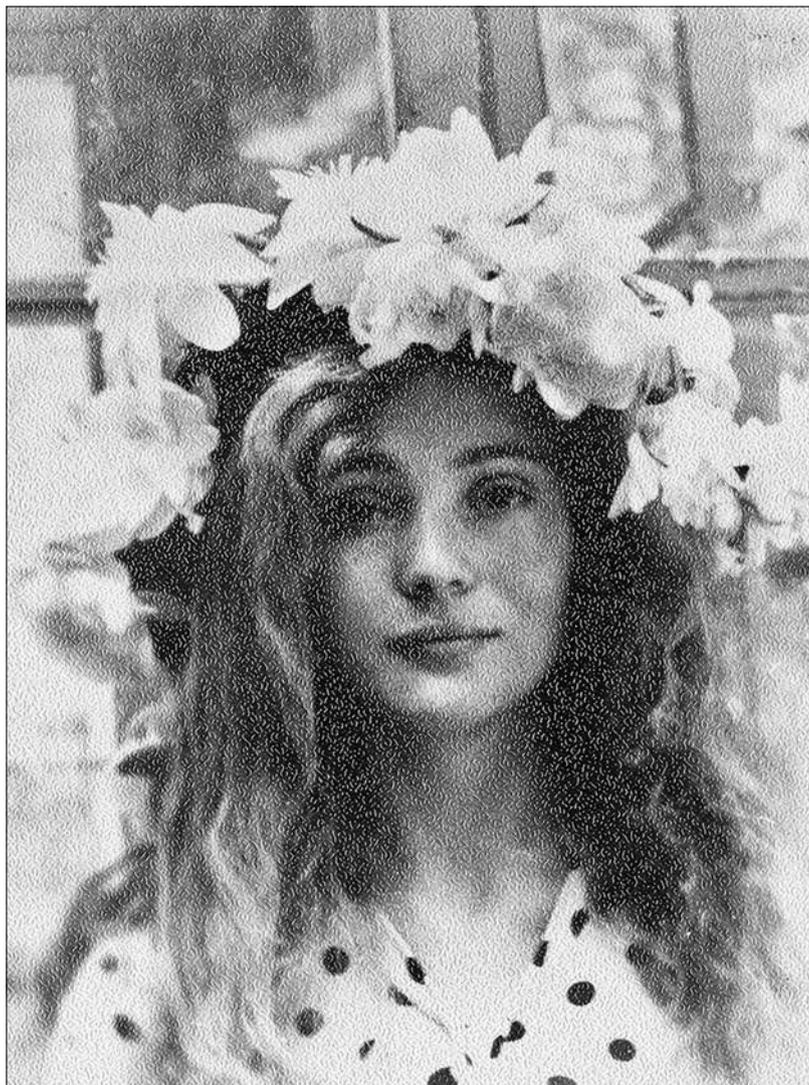
---

* Был мальчик,
Маленький, как пальчик.
Было у него двое дедушек,
Они пропали без свидетелей.

Падают, падают, падают слёзы,
Падают на губы.
Между домишками и звёздами
Человек остался...

(Идиш)

*Здесь и далее, кроме специально оговорённых случаев, —
примечания редактора.*

*Софья Ландман.
Село Плюты Киевской области,
1963 год*

Гимн

Я пишу о моей жене,
Не инфанте и не княжне,
Инфантильной, немного хрупкой,
Рыжекудрой, слегка смешной,
Занятой в жизни игрой не крупной,
Ставшей из жалости мне женой.

Я пишу о моей супруге,
Друге в несчастье и в счастье — друге,
Ею, как жемчугом, дорожа,
Ласковой голосом и руками,
Не украсившей мой лоб рогами,
Девушке, в гневе нежней ужа.

Я пишу о моей любимой
Женщине, ни с кем не сравнимой,
Шьющей и штопающей мою
Жизнь, изрешеченную долгами,
Перед судьбою и перед вами
Чьим должником себя сознаю.

29 мая 1961

* * *

Живи, как скрипка,
Молчком, молчком,
Пока не придёт скрипач.
Пока с улыбкой
Смычком, смычком
Тебе не прикажет: «Плачь!»

Октябрь 1973

Пролог

Hast du Begriff von Öd' und Einsamkeit?
Goethe. Faust

Имеешь ли ты понятие о глуши и уединении?
Гёте. Фауст

О, теснота, чуть-чуть посторонись!
Придай значенье моему «заснуть бы»!
Неразделимы поезда и жизнь:
Бегут по рельсам и развозят судьбы,
А пассажир, премудрый, как пескарь,
Лежит пластом и сторожит плацкарт.

Куда он едет — к брошенной жене?
Чего он ищет — связей и опоры?
Чудак! Он наклоняется ко мне:
«Какой командированы конторой?»
Он спрашивает — у меня, заметь! —
Чего хочу я: *быть* или *иметь*.

Да, мальчику во мне хотелось — *быть*!
Да, старику во мне *иметь* хотелось!
Мудрец сказал бы: «Здесь рука судьбы».
Умелец скажет: «Просто мягкотелость».
Но видит Бог, лежу я, сбитый с ног,
Не потому, что не умел, — не смог!

Как звонко ударяют буфера!
Рвани стоп-кран — и время станет шалым:
Поэт перенесётся во вчера,
Герои разберутся по началам,
А эти строфы двинутся гуськом
Рыбачить, плавать, шляться босиком.

Эй, машинист! Нажми на тормоза!
Останови экспресс, не то проскочим!
Я ждал всю жизнь. Я проглядел глаза.
Я бредил днём. Я просыпался ночью.
Любимый мой! Останови экспресс!
Мне нужно в это время позарез!

Так память детства мучает и жжёт.
Устал я жить среди тупиц и пьяниц!
Сейчас решусь и совершу прыжок,
И брошу всё: поклонниц и племянниц!
Родства не знаю, дружбы не вожу,
В любовь не верю, злобу обхожу.

Висеть бы мне в лесу на рукаве,
Когда б не ты — благодаренье року! —
Весёлая легенда о траве,
Влюбившейся в железную дорогу.
Висеть бы мне в лесу на рукаве
Или валяться с пулей в голове!

Но тишь пришла, спокойная, как смерть.
Спит под гипнозом папоротник в чаще
И дремлет древний дуб, стоящий средь
Уснувших ив и средь осин дрожащих,
И прикорнул на берегу камыш...
Услышь меня, пока всё спит, услышь!

Поговорим на языке травы!
Забудемся! Пускай летят столетья,
Как перекаати-поле через рвы,
Как мимо сердца пролетает сплетня.
Надвинем глубже на уши колпак!
Так делал Блок, так делал Пастернак.

Благословен блуждающий во мгле
В такие дни, когда сама планета
Кружится, словно дичь на вертеле,
Ослепшая от разума и света,
И лишь один взъерошенный фонарь
Заглядывает в вечность, как в словарь...

... Что, просветитель, изучает он?
В какие дебри проникать намерен?
Он кто? Алхимик? Иль хамелеон?
Седой Мерлин иль просто сивый мерин,
С надеждой на удачливый подлог
Проникший в этот скомканный пролог?

Входи! Будь гостем повести моей,
Тебе найдётся место в караване!
А я покамест навещу друзей
На кладбище моих воспоминаний.
Вознагражу и мёртвых, и живых
За то, что я присвоил души их.

Я брал у всех взаймы, что только мог:
Слова, и настроения, и темы.
Жизнь, говорил я, вечности пролог...
Но есть пролог, и нет самой поэмы.
Пока живёшь, лепи из слов слова.
А чуть умолкнешь — вырастет трава.

1958–1960

II

Поезда и судьбы

Экспресс времён*

Экспресс времён пришёл на первую платформу.
Я взял себе билет до станции «Забудь».
Чудесный мой состав бесплотен и бесформен,
Крушенью не бывать, спокоен долгий путь.

Сиреневый туман над нами проплывает,
Над тамбуром горит зелёная звезда.
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,
Что с девушкою я прощаюсь навсегда.

Напомнит стук колёс всё то, что ты сказала,
Что выцвела любовь, как ситцевый платок,
Что ты устала жить под сводами вокзала,
Где каждый поцелуй — недопитый глоток.

---

* Стихотворение написано в соавторстве с Михаилом Ярушешем.

Сиреневый туман над нами проплывает,
Над тамбуром горит зелёная звезда.
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,
Что с девушкою я прощаюсь навсегда.

Пусть шутят надо мной мальчишки в гимнастёрках,
Пусть пьяный гармонист подыгрывает в такт.
Им правды не узнать. И скоро будет стёрто
Лицо моей земли от атомных атак.

Сиреневый туман над нами проплывает,
Над тамбуром горит зелёная звезда.
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,
Что с девушкою я прощаюсь навсегда.

1951

Мандарины

Девушку эту я знаю давно,
У нас с ней особые счёты.
Девушку эту водил я в кино
Часто после работы.

Шли мы по улице нашей старинной,
А на всех лотках
Мандарины, мандарины
Продавались на всех лотках.

«Мальчик, — сказала однажды она, —
Самый любимый на свете!
Может, сегодня вместо кина
Купишь мне штуки эти?..»

Шли мы по улице нашей старинной,
А на всех лотках
Мандарины, мандарины
Продавались на всех лотках.

Пленники муз

1

Два Бетховена

Растрёпанный, угрюмо сдвинув брови,
Идёт по снежной улице Бетховен.
А ночь жива одним вытьём собак.
Но вот навстречу выступают люди:
«Приветствуем! Куда шагаешь, Людвиг?»
Он молча им кивает на кабак.

Тоску его не выразить словами,
И в музыке не выгребет печаль.
Они стоят, качая головами.
Но как читать Бетховену мораль?

Проходит ночь. К полудню день стремится.
Он снова дома. Он смертельно пьян.
Отбросив прочь недопитый стакан,
Он на тахту потёртую ложится

И смотрит вверх...

Над ним висит портрет:
Растрёпанный, угрюмо сдвинув брови,
С портрета смотрит Людвиг ван Бетховен,
Великий композитор и поэт.

Старый художник

Щёки впалы. Губы сжаты плотно.
 Голова седа... Художник стар.
 Кажутся ему его полотна
 Просто порчей красок и холста.
 Временем лицо его корёжит.
 Каждый день поставлен на учёт.
 И творец простить себе не может,
 Что мазня его переживёт.

6-7 января 1954

Завещание

Памяти Петрарки

Солнце скачет по аллеям парка,
 Плещется в кудрях его листвы.
 Узнаю лицо твоё, Петрарка,
 В профиле вороньей головы!

И в лучах серебряного света
 На скамейке, брошенной в цветы,
 Стих любого твоего сонета
 Слышу я как голос правоты.

Все давно живут мудрей, богаче,
 Недоступней моему перу.
 Я же современником Боккаччо
 В атомном сражении умру.

Не оставлю ни единой строчки,
Подвигом людей не полоню.
Весь умру. До капельки! До точки!
Деревом, сгоревшим на корню.

Если же на кладбище планеты
Выживут хотя бы две души,
Завещаю им твои сонеты,
Купленные нынче за гроши.

Может быть, понадобится пища
Их ещё не мёртвому уму.
И тогда планета-пепелище
Поклонится духу твоему.

1958

4

...Беатриче! Беатриче!
Стал я робок и лиричен.

Я зову тебя, мальчишкой
Сидя на последней парте.
Я уснул над лучшей книжкой,
Сплю, как спят мальчишки в марте.

Снятся белые снега мне,
Снятся пудели и мопсы,
Снятся птицы, снятся камни,
Снятся жёлтые мимозы.

Не проснусь я, видно, больше
Ни в Америке, ни в Польше,
Ни в далёкой Палестине
В доме матери, в пустыне.

Не проснусь я, не отвечу:
Жив ли я ещё на свете
Или, мир взвалив на плечи,
Скрылся я во мглу столетий?

Где я, други? Может, брежу?
Может, лёжа без движенья,
Я, больной, воображенье,
Словно хлеб засохший, режу?

...Беатриче! Беатриче!
Глянь, как много птиц на крыше!
Голубиное каприччо
Завели они... Ты слышишь?

Вьются звуки, что колечки,
И от этих звонких песен
Рвут свои оковы речки,
Горы сбрасывают плесень.

...Беатриче! Беатриче!
Я видал: бросались даже
Подмосковные пейзажи
Под вагоны электричек.

А под вечер сетью улиц
Без дорог и по дорогам
Шли и, словно дети, дулись
Люди, брошенные Богом.

И над миром обречённым,
Миром, шедшим к катастрофе,
Отчеканил кто-то чёрта —
Алигьери Данте профиль.

* * *

Между мной и тобой, между мной и тобой
Электрички гудят иерихонской трубой.
Потому-то мой клич, потому-то мой плач
Не слышать на земле переделкинских дач...
Только ветер ему подвывает в степи,
Телефонные трубки сидят на цепи,
А часы суетливо стараются нас
Увести, оттянуть от «сейчас».

Но напрасны усилия! Дай только срок –
Приползут мои строки к тебе на порог,
Перепомянут участок, облепят крыльцо,
И тебе не прорваться сквозь это кольцо.
А прорвёшься – они поползут по пятам.
Переселишься в город – разыщут и там.
Заберутся в сознание твоё и во сны,
Потому что тебе они посвящены.

* * *

Брось, огорчаться не надо!
Важности нет никакой!
Снится тебе канонада
Майской грозы за рекой,
Мокрые шляпки ромашек,
Влажные стебли травы...
Голые мальчики пляшут
У водосточной трубы.

Спи! Эти сны неопасны!
Это безвредные сны.
Знай, что ночные соблазны
Юношам припасены.
Мучит их жажда лишений,
Манит их горечь невзгод.
Ты же послужишь мишенью
Шуток, издёвок, острот...

Спи, не достойный тревоги!
Спи на пороге весны!
Спи, да пошлют тебе боги
Самые лучшие сны!..

1956

* * *

Как много странствий ждёт тебя. Тем более,
Что жизнь кольцом измен обручена.
И в тихий садик, пахнувший магнолией,
Холодные слетелись вечера.

Они как судьи над тобой, и, кажется,
Вот-вот сурово пробасят в упор:
«По новому закону за бродяжество
Суд вечеров выносит приговор».

И зашумят деревья укоризненно,
И бунт листвы пройдёт по чердаку,
И суд приговорит тебя пожизненно
К родной земле, к родному очагу.

1957

* * *

Геннадью Лисину

...Устало, недоверчиво, чужо
Пространство смотрит на летящий поезд,
Где спит начало повести моей.

На цыпочках проходят по перрону,
Сверяя точность поездов, часы
И сквозь пенсне двойное озирают
Собравшихся... Их тысячи. Их тьмы:
Событья, даты, знаки препинанья,
Остроты, выдумки и имена...

Октябрь жуёт обрывки разговоров
И покрывает инеем вокзал.
И сотни тысяч красных светофоров
Таращат равнодушные глаза.

Но поезд едет. Нет, не едет — мчится!
Не мчится — порывается лететь!
Проводники высовывают в двери
Поблекшие осенние флажки.

Мелькая — мимо пролетают реки,
Мелькая — мимо пролетают горы,
Мелькая — мимо пролетает мир.

...Я сам бы повесть написал не скоро,
Я слов и обхождений не люблю.

Но эта мне сама летит навстречу,
Сама она на полпути ко мне.

И, странным заражён гостеприимством,
Я прислоняюсь головой к окошку
И думаю... О чём? Да всё о том —
Что мне давно пора остепениться,
Свой угол, как другие, обрести.
Что туфли надо брать на номер больше:
Пусть не совсем красиво, но не жмут.
Что мясо потому вкусней котлеты,
Что в мясе — мясо, а в котлете — хлеб;
Что жизнь до тех пор жизнь, пока живётся,
А если не живётся, жизнь — не жизнь.
И разные подобные же мысли,
В КОТОРЫХ ПОЛНО ОТРАЗИЛСЯ ВЕК.

И вдруг — признаться, не совсем неожиданно! —
Стук в дверь. И на порог вступает гость.
Или, вернее, гостья. В модном платье
И в завитках некрашенных волос.
Я раскрываю гордые объятия
И, шаркая ногами, лебежу:
— Ах, рад! Прошу садиться! Расскажите,
Поведайте мне по порядку... Нет,
Вам отдых полагается с дороги!
Вот здесь вода, умойтесь. Там — утюг.
Расчёска на трюмо, есть щётка, пудра,
Духи «Кармен». Вы любите «Кармен»?

И гостья оккупирует кровать,
Ту, на которой сплю я четверть века...
И тишина проветривает ямб.

А повесть пишут, видимо, другие!..

Осенний сквер

Как-то выбился из-под пера
Незадачливых мыслей осколок...
В старом сквере стоят вечера
Холодней и черней богомолоч.
И монашкой присела тоска
На скамейку с изогнутой спинкой,
Где словечко похабное финкой
Чья-то вырезала рука.

Здесь бывало когда-то светлей,
И узор трафаретного ситца
Солнце клало кистями лучей
На колени, на плечи, на лица
Полудевочек-полуневест,
Словно выставленных в витрине,
Тайно грезящих о мужчине,
Что неспелые ягоды ест.

Но насупился солнечный сквер,
Кровля сделалась серой и мокрой.
Осень вновь на старинный манер
Всю листву перемазала охрой,
Развела на воде дождевой
Мелкий гравий дорожки короткой,
И случайный прохожий подмёткой
Эту жижу уносит домой.

Письмо без единой слезы

Немало пота выжмет паровоз
Из чёрных пор шахтёра-работяги,
Пока сполна оплатится провоз
Клочка шутя исписанной бумаги,

Где в горечи, прикинувшись шутом,
Выкидываю фортели и штуки...
А поезд, прогремев на виадуке,
Летит в туннель ныряющим кротом.

Ты зря не спишь, назойливый почтарь,
Принюхиваясь к этим горьким строкам.
Усни! Себя напрасно не мытарь:
Я их писал в отчаянье глубококом.

В моих стихах ты не найдёшь хулы
На гражданство разбитого корыта.
Смотри, хоть колея к душе открыта,
Но насыпь-то из пепла да золы!

Я спрашиваю у себя порой:
Какому чёрту я солил похлёбку?
Давно пора лежать в земле сырой,
Червями прополаскивая глотку.

Но мешкает расчётливый гонец...

Между домов и звёзд

1

Моег гранитный берег влага,
Стынет асфальта талый воск.
Я не в пустыне — в Москве, бродяга,
Между домов брожу и звёзд.

Я прохожу по фонарной чаще,
С виду — законов не чтущий вор.
Мне тишина вселенной слаще
Звоном, чем весь монетный двор.

Что мне монеты звон в кармане?
Снега и то милее горсть!
Мутно свечение звёзд в тумане.
Мутно свечение звёзд...

4 декабря 1959

2

По городу брожу? Нет, кратеру!
В вулкане мяса и железа.
С замашками мистификатора
И с внешностью головореза.

По улицам? Нет, лицам странствую!
Мой взгляд застенчив и циничен.
Мои глаза, как мухи шпанские,
Порхают по щекам девичьим.

Апрель 1962

3

Я у Чистых прудов с нечистотами рядом
На скамейке бульварной сижу, ротозей,
Протрезвевший до пепла. Слежу за парадом
Лебединым. За мною гудит «Колизей».
Я в тени. Нет прохожих. Сужаются рамки
Беспредельного таянья. И ощутим
Лёд душевный. И явно занижены в ранге
Сны бессонные, стаяй летящие в Тим.

* * *

Я тоскую в Москве по глазам твоим кротким,
По рукам твоим нервным, по щекам твоим гладким,
По твоей двухэтажной Вороньей слободке.
И рисую твой профиль курносый в тетрадке.

Я хотел бы с тобой покататься на лодке
И по лесу бродить допоздна без оглядки,
И распить четвертинку (не много ведь?) водки,
И ловить твои взгляды, движенья, повадки.

Что мне делать в Москве без тебя? Холод жуткий.
Одиночество. Темень. А проблески редки.
Без тебя не хмелят и спиртные напитки.

Без тебя мир недвижим, как вид на открытке.
И хотя я пишу свой сонет ради шутки,
Я мечтами с тобой, там, у нашей беседки.

ВОСЬМИСТИШИЯ

Цикл первый

1

Мелкий дождик в раю умывает цветы,
Пахнет влажной землёю и горькою мятой.
И пока не делили на «ты» и «не ты»,
Всё живое — едино. Что дышит, то свято.

А потом... Кто узнает, что было потом?..
Мелкий дождь моросит в переулке горбатым,
Умывает асфальт, и прохожих, и дом,
Где живём и не верим, что мы виноваты.

2

Полжизни сон — то детства, то любви,
То размышлений о любви и детстве.
И мнишь, что ты избранник меж людьми,
Лишь вынужденный пребывать в соседстве.

А в это время, крадучись, спеша,
Подходит смерть — царица беззаконья,
И в страхе просыпается душа
И смотрится в небытие спросонья.

20 ноября 1964

Душе моей плоть надоела,
 Постыла ей эта тюрьма.
 И просится в новое тело,
 В какое — не знает сама.

Как трудно ужиться мне с нею!
 Дичаю, впадаю в тоску.
 Утешить её не умею,
 Лишиться её не могу.

1 февраля 1963

Ум взыскал бы, да душа простит.
 Чем бы нас ни жгли и ни кололи...
 Даже чувства нестерпимой боли
 Принимают скомороший вид.

И когда в порыве исступленья
 Мы собою быть перестаём,
 Чудо нам приносит избавленье
 Под своим дурацким колпаком.

11 июня 1963

Леса переживут меня и вас.
 Река засохнет и водой нальётся.
 А мы где с вами будем? Кто из нас
 На эту землю доживать вернётся?

Сын Человеческий! Мы Твой завет
 Отстаивать от разума устали.
 Надежды наши сбудутся едва ли...
 За кругом жизни, может, тайны нет?

Михаил Ландман. Москва, начало 1960-х годов

III

Незримые сны

* * *

В начале было
страшное слово,
написанное кем-то
на бумаге.

А потом — слепое повиновение
палача и жертвы,
двух невольников
слова,
написанного на бумаге.

1960-е

* * *

Старость входит в мои покои,
Удивляется: «Что такое?
Где стихи твои? Где романы?
Видно, стал ты, как чёрт, богат.
Ну-ка выверни все карманы!»
Ни полушечки,
Ни палат.

Не горел. Не крошился в щебень.
«Как осыпался? Как зачах?
Вот стоишь, как усохший стебель.
Кудри где на твоих плечах?»

Отвяжись ты ко всем старухам!
Что ты каркаешь тут под ухом?
Что тебе до моих кудрей?
Тоже невидаль — шевелюра!
Если всюду царит халтура:
Что у рыцарей,
Что — царей.

Никакого не видно плана
В этих жизнью прошитых швах.
Бог творил нашу землю спьяна
Или путался в чертежах.

Где вы, ангелы? Где, Господни?
Зажирели вы, что ли, все?
Мы как в дьявольской преисподней,
Мы как в чёртовом колесе.

Из угла нас бросает в угол,
Головою о стены бьёт.
Наши лица страшнее пугал,
Глянешь в зеркало – дрожь берёт.

Безобразны мы и безмозглы!
Где тут разуму?.. Мясо, плоть...
Неужели таким вот создал
Человека с душой Господь?

29 декабря 1960

* * *

Ночь заблудилась в развалинах,
Где ночевала зима.
Искала девочка маленькая
Ветер, сошедший с ума.

Бродила в каменной рощице,
Аукала завтрашний день,
И, словно две брови сросшиися,
Висела над нею темь.

Тянулись гусиной стаей
Поверх антенн облака.
И льды отслоились пластами,
Литьём слюды и стекла.

Чего ей было бояться?
Ведь рядом высился дом.
И дождь жемчужным богатством
Стучался в её ладонь.

Была прошита площадка
Стежками её шагов,
А ветер походкой шаткой
Прошёлся вдоль облаков.

Он видел девочку тоже,
Но ждал, несчастный, весну,
Влюблённый в небо до дрожи
И в кожи голубизну.

Михаил Ландман. Вильнюс, конец 1950-х годов

Бывает порой поэтам
Такая любовь дана,
Когда неоновым светом
Забрызганы все дома.

Когда, как призраки, бродят
Поэты среди витрин
И солнцем летним бредят –
Ах, жёлтым, как мандарин.

Март 1960

Российский повеса

Жить в квартире скушно нестерпимо,
Жить на свете много веселей.
Я апрельской ночью выпью пива,
Закушу полдюжиной сельдей.

Я скажу работнице буфета:
— Вам пошла бы кофточка из фетра
Или лучше кофточка из плюша,
Только я ведь не богаче бурша.

И ответит мне она, краснея
Лунами своих сибирских щёк:
— Да катись ты, милый, на хрен с нею!
Оплати-ка мне сначала счёт.

За деньгами я в карман полезу,
Брошу на прилавок — и пойду
На Руси изображать повесу
Скользкими подошвами на льду.

17 марта 1960

* * *

Душа забивается глубже в тело.
У живого — страх живого.
Причитанье — над глиной.
Рыданье — о камне.
Возвеличенье глины и камня.

И мерещится льняная даль
В косую нить дождя,
Оттого что первыми
Мертвеют глаза.

* * *

Когда ещё спят и пловцы, и пловицы,
И лысые тренеры плавания спят,
В московских бассейнах купаются птицы,
Бьют крыльями, плещутся и голосят.

И даже идущий из парка троллейбус
Не в силах у птиц пробудить интерес.
Так, верно, плескалась на острове Лесбос
И Сафо в весёлом кругу поэтесс.

30 мая 1961

Дятел

Я сейчас побегу! Доложу! Донесу!
Передачик засёк я сегодня в лесу.
Звук был глух и приятен. Невидимый дятел
В сук засохший неистово колошматил.
Дроть и рябь звуковая по лесу неслась.
Как он бил! Как стучал! Я наслушался всласть!
Я забьлся. Я был как во сне. Мне казалось,
Что вселенная вновь обращается в хаос,
Что растаяли формы, смешались цвета,
Улетучились запахи, нет ощущений.
Всё исчезло, от дерева и до куста,
От огромных дубрав до мельчайших растений.
Всё исчезло, всё скрылось, развеялось вдруг,
Только слух не исчез, только звук, только стук.

Барабанщик! Ударник лесного оркестра!
Он, казалось, был рядом и был повсеместно.
Где он прятался там, наверху, меж ветвей,
Громыханья ритмичного грамотей?
Он гремел! Грохотал!.. Даже море о скалы,
Даже град по листве, даже стрелы о щит,
Даже в окна участка дожди и фискалы
Не стучат, как по дереву дятел стучит.
Он стучит монотонно, как палкой старуха.
Он стучит с упоением, как ложкой малыш.
Он стучит беззаветно, упрямо и глухо,
Как и ты, моё сердце, стучишь.

* * *

Давай уедем к чёрту на кулички!
Сбежим от этой вязкой суеты,
Где наши сны кромсают электрички.
В котомку сунем фитили и спички
И будем за собой сжигать мосты.

Хочу, как миннезингеры в опале,
Пасти в горах макаровых телят,
Магнитофонной лентой сандалиии
Подвязывать, и не вино в бокале
Пить — в ладонях горный водопад.

Хочу бежать в миражную чашобу
Безлюдности, где я смирюсь с людьми,
Где позабуду доброту и злобу
И в ход пуцу (язык, присохни к нёбу!)
Беспроволочный телеграф любви.

Хочу, как бочка, пущенная с горки,
Как приговор в решенье с кондачка,
Как газовая печь во все конфорки, —
Жить лучше в сказке Рильке или Лорки,
Чем в истине про белого бычка.

Так некогда жил друг из Назарета.
Теперь не отыскать его следа.
Чужой и дикой кажется планета,
А мы — статисты Нового Завета,
И в этом наше счастье и беда.

Мы выпадаем, как листы из книги,
Но, как листы, ещё сохраним суть
Того, что отразилось в каждом миге
Сознания, и тщатся прощельги
В нас нашу суть, как лист, перечеркнуть.

Не исцеляют — растравляют рану,
Но бытие не тонет в забвении.
Нам некуда бежать!.. И словно спьяну,
Я погружаюсь в мутную нирвану,
Целуя руки — мысленно — твои.

1-2 июля 1962

* * *

Об этом рассказывать даже неловко —
Что рощи творят в сентябре!
Похоже, проходит в аду забастовка,
Мятеж на монетном дворе.

Листва, словно мёда тяжёлые сгустки,
Летит на коряги, на пни.
И так проявляется в этом искусстве,
Что можно завидовать только... Взгляни!

27 сентября 1962

Словарь

Слеп я, слеп. Мои поводыри –
Толкователи и словари.
С ними я вхожу почти на ощупь
В древнюю таинственную рощу,
Где под каждым корнем спрятан клад,
Где внезапно прозревает взгляд,
Где тяжеломерно и громоздко
Чистый смысл ложится в клетки мозга.
О, мой верный раб! Мой щедрый царь!
Вседержавный и живой словарь!
Путнику в тущобе словолеса
Ты не поводырь, а проводник.
Ты, как маг, овеществляешь вмиг
То, в чём мы не смыслим ни бельмеса.

Апрель 1962

* * *

Тане Макаровой

А вдруг искусство в нас заговорит
На языке таинственном — искусства?
А вдруг оно в душе расшевелит
Ни мне, ни вам не ведомые чувства?

Какой тогда немислимый позор
На душу ляжет тягостным укором
За всё, что мы творили до сих пор.
Каким оно покажется нам вздором.

Но дело в том, что даже сам поэт
Не постигает собственные тайны.
И все стихи — плоды его побед —
Как сны, неповторимы и случайны.

1963

* * *

На окнах налёт тополиного пуха,
И лето белее, чем лунь.
Тончайшим жужжаньем касается слуха
И дышит наркозом июнь.

Зарвавшийся ветер каштановой веткой
Царапнет стекло и сбежит,
А тень занавесок ажурною сеткой
Меж дверью и шкафом лежит.

И вдруг этот с детства привычный порядок
Увидишь чужим потому,
Что отзвуком более давних догадок
Ты будешь обязан ему.

Тогда пред тобою иных очертаний
Незримые сны проплывут.
И вспомнишь, что после столетних скитаний
Вернулся в домашний уют.

12-18 апреля 1963

Осенние ворота

1

Ах, осень, уймись, Бога ради!
Поправь свой нелепый наряд.
Ты видишь — у лужиц в овраге
Глаза вождельнем горят.

Горят! Мирового потопа
Не хватит их пыл остудить.
Уймись, золотая растрёпа!
Не лучше ли скромницей слыть?

Бродить под всеобщие ахи,
Чтоб волей твоей красоты
Деревья постриглись в монахи,
Аскетами стали кусты.

1961

2

Лучше в пекло! Лучше в Тартар!
Лучше волку на съеденье!
Лучше с жуликами в карты!
Лучше мальчиком за парту
Пережёвывать спряженья,
Чем вступать в осенний лес,
Где, как в огненной геенне,
Мной овладевает бес.

Непонятно, что творится!
Ни зверей в лесу, ни птиц!
Золотые колесницы,
Из каких вы небылиц?
Из какой забытой сказки,
Из каких забытых мест?
Золочёные коляски
Мчатся в поисках невест.

Мчатся, полные гостинцев,
И провозят через лес
До женитьбы падких принцев,
Вожделеющих принцесс.
Вспыхивая, как зарницы,
Мельтешат узоры спиц —
Так и тянет уцепиться
За колёса колесниц.

Ну а я себе иду,
Подхожу к пруду поближе.
Подхожу к нему и вижу...
Что же вижу я в пруду?
Знаю — скажете, что небо!
Но хотя звучит нелепо,
Вижу в зеркале воды
Облик Синей Бороды.

1962

3

Да это ж не осень, а шайка ворюг!
Вдогонку за ними, а то удерут!
В погоню! По следу! Да что ж вы, ей-богу,
Замешкались? Ну! Поднимите тревогу!

По рвам, по колдобинам, наперерез!
Да что же вы медлите? Что же стоите?
Бегите, покуда не поздно, бегите!
Вы видите этот ограбленный лес?

Сначала он был как наполненный сейф
Добротного старорежимного банка.
Потом стал как золотом вышитый шлейф,
Который мотает по сцене испанка.
Потом на евреев с печальной звездой
Он стал походить, на евреев из гетто.
Но полноте, лес ли?.. Ведь это – скелеты,
В надежде поднявшие руки с мольбой.

1961–1964

4

Марии Сергеевне Петровых и Арише

Шутка, что ли? Мелким бесом
Извиваться, путать след
Между мыслями и лесом
Столько лет! Столько лет!

По сентябрьской пуще, роще
Лупит осень в медный таз
И трепещущие мощи
Выставляет напоказ.

На малеевских аллеях
От скамьи и до скамьи
Льёт сентябрь огонь из леек,
Сыплет блёстки чешуи.

Посмотрите, в каждой кроне
То ли жгучая заря,
То ли тучный хвост драконий,
То ли шлем богатыря.

Это с сосен скачут белки!
Это люди в перестрелке!
Это – вдребезги фонарь!
Это брызжащий янтарь!

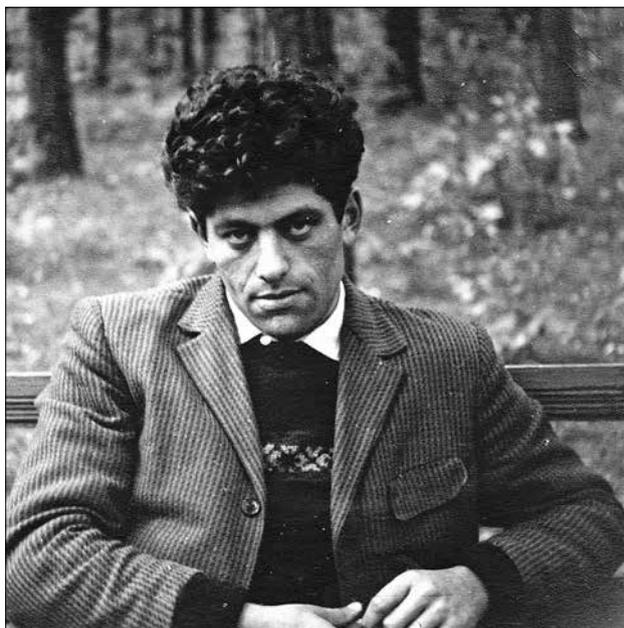
Здесь в лесном круговороте,
Запелёнутый в листву,
Весь из крови, весь из плоти,
Я, как дерево, расту.

1962

5

Куда ведут осенние ворота?
Должно быть, в топи, омуты, болота,
Где гомеопатические травы
Спасают лес от ядовитой мглы,
Где лешие, подвластные Дажьбогу,
Геологов выводят на дорогу
Назло всей чёрной магии дубравы
И бдительным наездницам метлы.

Куда ведут осенние ворота?
Здесь всё кругом окутала дремота —
Стоят леса таинственной «Тамани»,
Окопы шамкают беззубым ртом,
Полны рососою черепа и фляги,
И дышат влагой утренней овраги,
А тень моста колыхнется в тумане
Над булькающим карпами прудом.

Михаил Ландман. Поленово, 1964 год

Куда ведут осенние ворота?
Не знаю, но в неведомое что-то.
И, словно мисты в таинства мистерий,
Ты в собственную душу посвящён.
Ты весь раскинут пред собою рощей,
И нет тебя загадочней и проще.
Из глубины себя, со дна потери
Былых себя — ты людям возвращён.

Февраль 1963

* * *

— *Вы богоискатель?*
— *Нет. Я ищу... Где-то здесь, помнится,
была химчистка.*

Немилосердна Муза... Пиши!
Спешి! Не мешкай! Садись и чёркай!
К чертям тирады про мрак души,
Кому нужна твоя отговорка?

Ты думал — вечность? Ан дудки, блажь.
По капле море? По капле море?
От жажды только концы отдашь.
Из лоскуточков — не жизнь, а горе.

Уткнись в бумагу! Твори! Пиши!
Листы дырявя, кромсая перья.
А Бог, должно быть, с твоей души
За это снимет пятно неверья.

22 апреля 1964

Смерть

Это такая беда,
Что, не будь я мужчина,
Я бы заплакал от горя.
Больше не знать никогда
Женщин и запах жасмина,
И завывание моря...

10 сентября 1966

* * *

Внезапно проснулся
Чуть свет, в тишине.
Слегка прикоснулся
К холодной стене.

Взвилась, заклубилась
Молочная мгла,
Вертелась, кружилась,
Потом уплыла.

И вдруг заметались
Ожившие сны,
Рвались, отлеплялись,
Как тень от стены.

Они обретали
То контур, то цвет,
И дом оставляли
К предмету предмет.

Но страсть узнаваний
Меня не влекла.
Плодились в тумане,
Блуждали тела.

Вдруг стала прозрачной
И жизнь, как вода, —
Привычной, невзрачной,
Такой, как всегда.

7 ноября 1968

ВОСЬМИСТИЦИЯ

Цикл второй

1

В ладонях непонятливая глина
Податливей на нежность и умней,
Прильнула молча — жизнь неотделима
От рук, осмысливших существование ей.

Но бережно одаривая формой,
Вылепливая каждый лепесток,
Творец не с ней, не с замыслом покорным,
Он — инструмент, ему хозяин Бог.

2

Эскалаторы — в рай. Эскалаторы — в ад.
И какие усталые лица!
Этих бедных людей, как бельё, кипятят,
Как металл, заставляют калиться.

Да, кому-то приличный достанется куш!
Наживётся мифический скряга,
Если тратит бесценное золото душ
На какие-то мёртвые блага.

1964

Баллада прячется за сучья,
 Выглядывает из-за пня.
 И я не знаю, как ей лучше —
 Найти иль потерять меня.

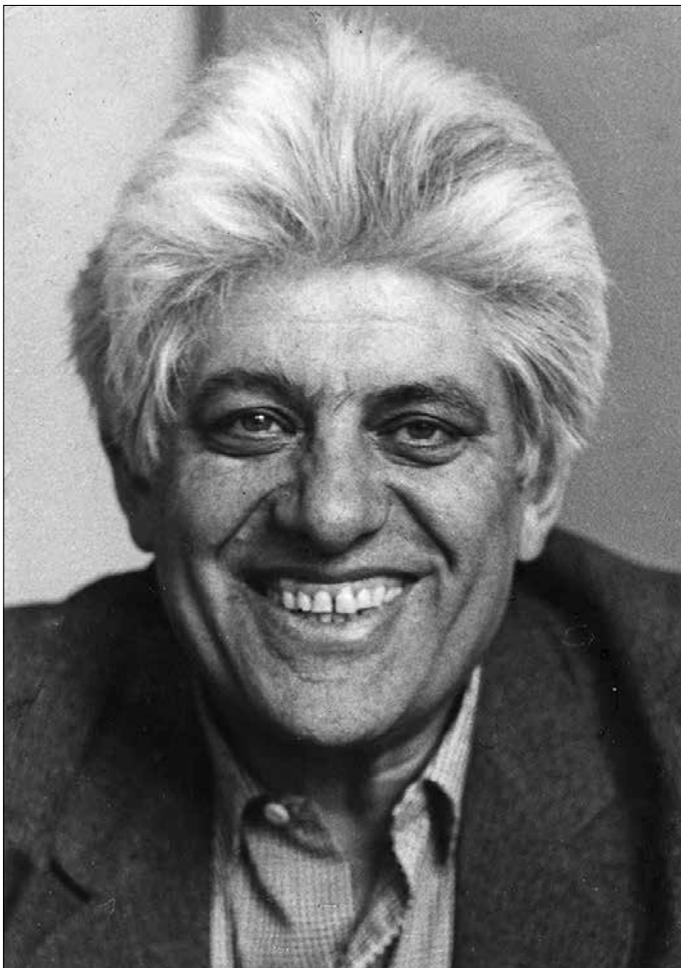
И я не знаю, как ей проще.
 Такая, право, с ней возня!
 А дым плывёт, плывёт над рощей.
 Но нет ведь дыма без огня?

На всё запрет, как палец на губах.
 А губы горячи и говорливы,
 К ним тянешься настойчиво впотьмах,
 Волнуясь ожиданием счастливым.

И кажется, что жизнь сейчас вздохнёт
 В назначенном для репетиций зале.
 И вправо занавес тихонько поплывёт,
 А влево — толпы, толпы на вокзале.

Нас всех порастрясло и укачало,
 А мы таим нелепые надежды,
 И все готовы жизнь начать сначала,
 Романтики, язычники, невежды!

Все ждём себе спасительную чашу,
 Прислушиваясь к истине вполуха,
 Пока для нас заваривает кашу
 Безносовая костлявая старуха.

Михаил Ландман. Конец 1980-х – начало 1990-х годов

IV

Отшельник ненужных
ИСКУССТВ

Циркуляр

Неправда тоща.

Одежда с чужого плеча
Сидит на ней мешковато.

Ушивать — нет большей обузы.

А где-то проходными дворами
Бродит раздетая правда!

Куда смотрят творческие союзы?

Да как они могут спокойно дремать на печи,
Когда голая правда бродит ночными дворами?

Поймайте её! Казните её, палачи,
Своими стерильно чистыми топорами!

Апрель 1970

Из тебя вытекают года,
Как вода из гранитных каналов.
Впережку то сон, то еда,
То работа, то отдых, то сон.

В суете коротаешь ты век
Поликлиник, гостиниц, вокзалов,
Магазинов, больниц, дискотек,
О которых писать не резон.

Январь 1969

3

В разгаре лета от жары
Буреют листья в сквере.
Подмышки кителя мокры
На милиционере.

Размяк асфальт, смердят дворы
И приуныли звери,
Забившись в холод конуры,
Ленивые тетери.

4

К воротам Тишинского рынка
Стоят, прислонясь, две мерзавки.
Глазами, острей, чем булавки,
Буравят прохожего инка.

А тот, от безделья зевая,
Глядит, как дородный шумер
Под ручку ведёт в кафетер
Девчущку из племени майя.

Цветы продают на базаре
Залётные неандертальцы.
Работают ловкие пальцы,
Лоснятся довольные хари.

А в тесной плетёной корзине
Гвоздики, и астры, и розы,
Приняв сексуальные позы,
Ютятся, как будто рабыни.

1970-е

* * *

Опущены шторы. Задвинут затвор.
Но мы всё не молкнем, ведём разговор —
О прошлом бесчестье, о нынешней лжи.
А память живуча, а раны свежи...

Уже отрешиться давно бы пора
От тщетной надежды и жажды добра,
От веры, что может рассветная рань
Проникнуть к нам ночью сквозь плотную ткань,

Развеять лучами зловещую мглу,
Сиять паутину заставить в углу,
Явить очертанья предметов... Да вот
И тьма не проходит, и сон не идёт.

10 сентября 1973

* * *

Не думай, что будет иначе.
Всё в яви, но точно во сне —
Прохлада заброшенной дачи
И тень деревца на стене.

И грядки с морковью, с укропом,
И шум электричек вдали,
А ты просквозишь по Европам
И спустишься в лоно земли.

Вот тут и проснётся щемящий,
Гнетущий, терзающий вой
Души твоей, в бездну скользящей,
Бесплотной, но жгуче живой,

Такой ослепительно зрячей,
Как будто пронзённой в упор
Тоской позаброшенной дачи,
Где тень деревца, как узор.

10 февраля 1974

* * *

Я плыл по берегу в тумане серебристом.
Снег падал на голову. Тёмная вода
Сдвигала представленья о ребристом
Мосте и уводила в никуда.

И церковка, и ветхие лачужки,
Тот деревянный быт, в котором рос
Не я, не вы – а древние старушки
Из эпоса – был недоступно прост.

И строгое пространство величаво
Стояло в мире об одной сосне.
Пригрезилось какое-то начало
В безмолвии, в тумане, в полусне.

Но тонко предвкушавшая морозы
Река, какой-то местный Енисей,
Как символ бездуховности и прозы,
Вмещала шумных уток и гусей.

Гамбринус

Памяти Тани Макаровой

К пивному залу, голубому залу,
Привыкшему и к спору, и к скандалу,
И к поцелуям, и к стихам, и к драке,
К блевотине и кой-чему похуже,
Однажды мы пришли спастись от стужи,
От скуки, как бездомные собаки.

Креветками мы заедали пиво,
И было всё кругом почти красиво.
А наш сосед (как видно, завсегда
Пивного зала) с буро-красной рожей,
Сам на креветку дохлую похожий,
Смакуя, пил напиток горьковатый.

Он для меня был прошлого деталью,
И я смотрел с насмешливой печалью,
Вникая в облик старого пьянчужки.
Вот он сидит, лицом одутловатый,
В сорочке грязной и одежде мятой,
И, наклонясь, сдувает пену с кружки,

Глядит в упор поблекшими глазами,
Жуёт слова брезгливыми губами,
И слышу я упрёк: «Живём нескладно!
Нелепо любим! Расстаёмся дико!
Ушедшая не в землю Эвридика!
Пленённая не богом Ариадна!..»

Я удивлён. Я сгрыз до крови ноготь.
Я слух напряг... Ослышался, должно быть!
Откуда мог у этого субъекта,
Который с виду грузчик или повар,
Возникнуть этот допотопный говор?
Откуда этот проблеск интеллекта?

Вы правы, это выдумка пустая!
Тоска о прошлом! В облаках витая,
Ищу тебя!.. Зову!.. Куда ни ринусь,
Нигде — увы! — не нахожу ответа.
По-видимому, наша песня спета...
Где ты? Где я? Где старичок Гамбринус?

1974

* * *

Ну высмей, ну высмей
Меня — что живу, как монах,
Что в песнях и в письмах
Я весь на свету, не впотьмах.

Что мне ежечасно
Мерещатся добрые сны.
Что небо, как чашу,
Держу в ожиданье весны.

Что весь я расхристан,
Но, благостный, вечно в долгу,
Ни зло, ни корыстно
Ни другу не лгу, ни врагу.

Что, сосланный в пустынь
Отшельник ненужных искусств,
Я жажду коснуться
Твоих освежающих уст.

7 февраля 1978

* * *

Сергею Рапопорту

Неужто — ты думал — такое
Досталось тебе одному:
Расхлёбывать чашу покоя
В чужом одичалом дому?

Швырни под пружинное детство
Истоптанный временем раж
И в вечность попробуй втереться,
Как бурая ветка в пейзаж.

Легко тебе станет? Не очень...
Орудует время ножом:
А ум до конца раскурочен!
А нерв до конца напряжён!

Март 1981

Из воспоминаний о Вильне

1

Л.И.

За костёлом Анны был ли, нет ли — снег.
Ничего не помню, помню только бег
По крутым ступеням в закоулки Бокшто,
Сумерек сгущённых тусклое стекло,
Треснувшее время... И вдобавок вот што:
Вырвало из жизни, в нежить завлекло...

Я ещё в ажуре. Я играю в прятки.
Мой сосед Алёша рвёт мехи трёхрядки.
Свай все на месте. Воздух чист и густ.
Мне уже нет смысла убежать из плена,
Всё равно пристрелят строчкой из Верлена,
Он сказал: «Всё скушно, кроме Ваших уст»...

Декабрь 1977

2

В кафедральную плоскую мыльницу
я вложил белое облако,
пенистое,
перистое,
плывущее на закат.

Михаил Ландман. Октябрь 1985 года

В кафедральную углую сахарницу
я вложил белое облако,
тающее,
чарующее,
сияющее —
цукат!..

Прощание

1

Памяти Марии Петровых

Рукой усталой проведу
По седине.
Осколок осени в пруду
Лежит на дне.

Стволы берёз, стволы осин
Со всех сторон,
Как будто ряд сутулых спин
В день похорон.

Вдруг из души истошный крик
Немой тоски,
Как будто в кожу он проник
И в позвонки.

Как будто сердце раскроил
Звериный звук.
И память кровью обагрил.
— Прощай, мой друг!

Где и когда прервётся нить,
Не увидеть.
Прощай! Теперь нам розно гнить,
Не увядать...

1979

Плач о камне

Памяти Гали Бальчюнене

Фиалкокудрая — где она?
 Канула в бездну камнем лежачим.
 Уже — какого! — коснулась дна.
 Рыдай о камне солёным плачем.

Камнем? Но камнем была скрижаль.
 И всё, что живо, взросло на камне.
 Земля иная мертвей — а жаль!
 Пусть ноша — камень, она легка мне.

1991

Памяти Алексея Дадьянова

Он был соткан из голоса свежего
 И души тоньше пуха лебяжьего,
 А его задубило, заснежило
 И вконец заморозило заживо.

Не спасли ни вино, ни товарищи,
 Ни давнишнее дружество с музами,
 Так и жил он уже не оттаявший.
 Может, даже земля и не груз ему.

Так залёг вечным сном озабоченный,
 Что ни слова не слышно из уст его.
 Только песни его на обочине
 По-есенински плачут без устали.

1997

Михаил Ландман с дочерью Аней. Москва, 1984 год

* * *

Заплаканные эти числа,
Насупленные числа эти
Осенних месяцев суровых,
Осенних месяцев сырых.
Мы так безгрешны, мы пречисты.
Мы первый день живём на свете!
И не случится дня второго,
И не случится дней вторых.

Мы прикасаемся к предметам,
Глядим направо и налево,
Мы первые слова лепечем
В свой первый и последний час.
И рая нет, и ада нету,
И, значит, утешаться нечем.
Есть только мы, Адам и Ева,
И осень, что глядит на нас.

Восьмистишия

Цикл третий

1

Погаснет свет. Замрут часы.
Умолкнет звон. Застынут стрелки.
Фемида вынесет весы,
И заколеблются тарелки.

Всё так банально, так старо —
И нету зла, и нету блага.
Лишь где-то ржавеет перо,
Желтеет пыльная бумага.

23 января 1970

2

Одуванчик уходит из жизни,
Безымянный, незримый, ничей.
Но куда он — в болотные слизи,
Головастиком в мутный ручей?

Не в тебя ли, крикливая птаха?
Или выше — туда, в синеву?
Или в нас, что, немея от страха,
Упираясь, уходим в траву?

1970

Будто печаль, будто в доме знакомом утрата,
 Будто бы книги с годами рассеянной стали.
 Как лихорадочно их по ночам ни листаю —
 Вспомнить не могут, что мне говорили когда-то.

Так равнодушны, бесстрастны, но в руки даются.
 Каждый, кто хочет, — возьмёт, полистает, истреплет.
 Так равнодушно теряют то строки, то мысли, то чувства,
 И остаётся невнятиц волнующий лепет.

Проклятая привычка жить.
 Стопа бумаги и копирка.
 С ночами дни сшивает нить —
 Дрожащая живая жилка.

Надеешься на новый лист,
 Раскроешь — нет, вчера исчёркан...
 И только воздух утром чист,
 И снега белая скатёрка.

Вернуться бы в город булыжных и сумрачных улиц,
 Где юность осталась и призраком бродит в ночи,
 Где некогда музы нечаянно мне улыбнулись.
 И дрогнуло сердце, но тут же сказала: «Молчи!»

Отшельником книжным живу, и в закрытые уши
 Ни звука не втиснуть. Был с песенным братством на «ты».
 Но время пахло таким леденящим удушьем,
 Что смолк, захлебнулся, прозрачной глотнув немоты.

Май 1977

*Мария Петровых (слева) и Анна Ахматова.
Москва, квартира Петровых, октябрь 1962 года*

Притаённая в тени

О Марии Сергеевне Петровых

Мария Петровых. Москва, 1963 год

*Марья Сергеевна, мне ужасно хочется
Увидеть вас старушкой-переводчицей...*

Осип Мандельштам
(шутливое стихотворение,
обращённое к Марии Петровых)

*Смысл жизни не в благоденствии,
а в развитии души.*

Мария Петровых
Записные книжки

Имя Марии Петровых я знал задолго до знакомства с ней.

Начну с предыстории, чтобы был понятен дальнейший ход событий. Я жил в Вильнюсе, писал стихи, пробовав свои силы в художественном переводе. И, сочтя себя вполне мастеровитым стихослагателем, замахнулся на непосильное для меня дело: решил переложить на русский язык поэму-сказку Саломеи Нерис «Эгле – королева ужей». Поэма оказалась мне не по зубам. И, промучившись несколько месяцев, я оставил эту затею.

Как-то, сидя в библиотеке, я случайно открыл русский сборник Нерис* и сразу же наткнулся на перевод злосчастной поэмы, причём сделанный с таким блеском, что я невольно устыдился. Перевод принадлежал М. Петровых. Имя мне было неизвестно. Я стал расспрашивать знакомых, кто это. Увы, никто не ведал. И вдруг нашёлся один знаток, он заверил меня, что это не поэт, а какая-то

---

* Вероятно, имеется в виду издание: Саломея Нерис. Стихотворения и поэмы: перевод с литовского. — Москва: Гослитиздат, 1953.

тетёха из Союза писателей, и в поэзии она ни бельмеса не смыслит, а работают на неё «негры». В те годы это было распространено, и я поверил.

Прошло несколько лет. Я переехал жить в Москву. И вот мне выпало счастье стать участником семинара молодых переводчиков. Руководителями семинара были Давид Самойлов, Вера Звягинцева и... Мария Петровых. С Самойловым я был шапочно знаком, Звягинцеву знал по двум сборникам стихов, даже помнил наизусть одно её юношеское стихотворение, которое начиналось весьма кокетливо:

Оттого, что в тень могилы
Надо будет лечь уснуть,
Я кладу, покуда, милый,
Голову тебе на грудь.*

Кроме того, Веру Клавдиевну я иногда видел на выступлениях поэтов, которые я считал своим долгом исправ-

---

* Стихотворение из сборника Веры Звягинцевой «На мосту» (Москва, 1922):

Оттого, что в тень могилы
Надо будет лечь уснуть,
Я кладу, покуда, милый,
Голову тебе на грудь.

Оттого, что жёлтой глиной
Навсегда закроют вход
В золотистые долины,
Я тебя целую в рот.

А когда отходишь, чётко
Я крещу упрямый след.
Милый, милый — там решётка,
Здесь — просторный белый свет.

Вера Звягинцева (слева) и Мария Петровых. Москва, 1960-е годы

но посещать. В те годы они были весьма частыми и проходили в книжных магазинах, в клубах и даже на эстрадах парков культуры.

У Звягинцевой был низкий, мужской голос и тот особый московский говор, который один мой друг смешно назвал «белогвардейским акцентом». Так говорили старые интеллигентные москвичи. Так говорили дикторы закордонного радио, вещавшие на русском языке. Но сама обладательница этого «белогвардейского акцента» была весьма верноподданная дама и даже, если мне не изменяет память, член партии, правда, с некоторым налётом модного в годы правления Хрущева лёгкого фрондирования. Доброжелательна, неглупа и образована. Свойская в общении...

И всё же, несмотря на перечисленные достоинства, никто из участников семинара в гости к ней не ходил и за пределами семинарских занятий дружбу с ней не вёл. Но уважали её как умелого стихотворца, представительницу старой школы, то есть литературной традиции начала века, и к мнению её прислушивались.

В назначенный день участники семинара собрались в холле Союза писателей. Многие были уже знакомы между собой или знали друг друга по публикациям. Здесь были Аля Орловская, переводчица ирландских саг и стихов из «Алисы в стране чудес», Юрий Айхенвальд, переводчик «Сирано де Бержерака», готовившегося к постановке в театре «Современник», Юрий Вронский, Нателла Горская, Евгений Головин, Анатолий Якобсон, Марина Тарасова, Инна Данилова, Тамара Жирмунская, Сергей Поликарпов, Михаил Ярмуш, Инга Шантырь, актриса театра Советской армии, Марк Самаев и некоторые другие, имена которых, к сожалению, мной забыты. Позднее сюда пришли Галина Андреева, Андрей Сергеев, Наум Олев...

Самойлов, как самый молодой и мобильный из руководителей, куда-то умчался, но быстро вернулся обратно с какой-то бумагой, очевидно, списком участников, обошел всех взглядом, ткнул пальцем в Поликарпова, Вронского и меня, буркнул: «Этих я знаю». Остальных стал проверять по списку, причём, очень деликатно, то есть подходил к каждому, спрашивал фамилию, интересовался, кто что переводил, задавал ещё какие-то вопросы. Но я не прислушивался...

Я в это время во все глаза пялился на Марию Сергеевну Петровых.

И было отчего. Вместо ожидаемой «тетёхи», какую я себе нарисовал, я увидел моложавую, изящную, хрупкую женщину с чёрной чёлкой и узкими карими глазами, внимательно всех оглядывающую. Она была не то в чёрном, не то в тёмно-синем бархатном, лихо заломленном набекрень «рембрантовском» берете. В руке чуть на отлёте держала длинный мундштук с дымящейся сигаретой. Я стоял перед ней и глупо ухмылялся. А она, то ли смущённая, то ли возмущённая моим наглым поведением, не отрываясь, смотрела на меня в упор, как бы желая погасить мою беспричинную ухмылку.

Увы, за свою дерзость при первой встрече я был сурово наказан: почти целый год я не был вхож в дом Марии Сергеевны, хотя другие участники семинара уже запросто у неё бывали, а мой ближайший друг Ярмуш, поддразнивая меня, расписывал прелести этого дома, простоту обращения в нём и смаковал, в свойственной ему игривой манере завязанного волокиты, привлекательность дочери Петровых – Арины.

Бывали мои товарищи и у Давида Самойлова. Толя Якобсон и Наташа Горская к нему хаживали, даже Ярмуш одно время зачастил. Но должен сказать, что Самойлов в ту пору сильно попивал, а напиваясь, становился развязным, шумным, малоприятным. Правда, относился он к нам хорошо, дружески, но его громкость почему-то меня раздражала, и я в эти мгновения его чурался.

Он несколько раз звал меня к себе в гости, жил он тогда в районе Новослободской, кажется, на площади Борьбы, вполне доступном месте, но меня туда, каюсь, совсем не тянуло.

Итак, ни Самойлов, ни Звягинцева не вызывали во мне любопытства. А Петровых к себе не приглашала...

* * *

Возможно, так продолжалось бы долго, если бы не смерть Пастернака.

На похороны в Переделкино стеклось очень много народа, хотя власти делали всё, чтобы ограничить этот поток.

Отменили почти все пригородные поезда по Киевской и Белорусской веткам. Под какими-то фантастическими предложениями перекрывали шоссейные дороги для частных машин.

Но мы с Ярмушем, предполагая возможность препон, приехали одной из самых ранних электричек и даже оказались среди тех, кто выносил гроб из дома. Правда, как

только мы вышли за ворота пастернаковской дачи, нас отеснили какие-то бравые ребяташки, никому не ведомые.*

Вообще с похоронами происходила какая-то гофманиада. На пути процессии почти вплотную друг к другу были кем-то поставлены с десяток громаднейших военных грузовиков. Гроб приходилось поднимать поверх машин, те, кто нёс его, забирались в кузова. Передавали гроб из рук в руки. Он плыл где-то высоко-высоко над головами людей, протискивающих в узкие проходы между грузовиками.**

Тут же распорядился какой-то парень с пронзительным голосом и в ковбойке навыпуск, он поминутно щёлкал фотоаппаратом, висевшим у него на шее. Мы поначалу

---

* Многочисленные фотографии похорон и мемуары очевидцев свидетельствуют, что гроб несли сыновья поэта Евгений Пастернак и Леонид Пастернак, а также сменяющие друг друга молодые люди, среди которых — Станислав Нейгауз, Лев Копелев, Вячеслав Иванов, Владимир Корнилов и другие.

** Нам не удалось найти подтверждения этому факту в других воспоминаниях, а также на тех фотографиях и видеозаписях похорон Пастернака, которые были нам доступны. Некоторые мемуаристы указывают, что около пастернаковской дачи и вдоль дороги на кладбище стояло много машин, но нам не встречались упоминания о военных грузовиках, специально поставленных на пути похоронной процессии.

«Дом поэта был окружён машинами, словно бензоколонка. Подъезжали новые машины, которым люди не сразу уступали дорогу». (Эдуард Пашнев. Похороны Пастернака // Кстати: Russian American News And Views (Сан-Франциско, США). — 2014. — 22 декабря. — URL: <https://kstati.net/poxorony-pasternaka/>)

«<..> Гроб от стола до ямы пронесли на руках — по шоссе и на гору, к трём соснам. Вдоль заборов во весь путь молча, мужчины без шапок, женщины в платках, стояли люди. Встречные машины вынуждены были пятиться, отступать перед гробом, утыкаться в кюветы и не смели торопить нас гудками». (Лидия Чуковская. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. — Т. 2: 1952–1962. — Москва: Согласие, 1997. — С. 397.)

приняли его за похоронного распорядителя из Литфонда, но, как потом выяснилось, эта тёмная личность была тоже никому не введена. Этаким типажом из Воландовой свиты (хотя в ту пору мы ещё не читали знаменитого булгаковского романа, он появился только шестью или семью годами позже).

Словом, творилось что-то чудовищное, почти невероятное. Машины так и не убрали с дороги, часть людей просачивалась в узкие щели между грузовиками, другая же, схлынув с дороги, ринулась через рыхлое вспаханное поле напрямик к кладбищу в обход процессии. Среди них оказались и мы с Ярмушем. Где-то сбоку от нас быстрым шагом, почти бегом, поспешал Святослав Рихтер.

И вдруг среди мчащихся по полю мы заметили Марию Сергеевну. Вид у неё был загнанный и испуганный. Маленькая, худенькая, она еле поспевала за мчащимися впереди людьми, и каждую секунду её грозила настигнуть волна несущихся сзади. Петровых на бегу поманила нас, да мы и без того уже спешили к ней на помощь.

— Пожалуйста, не оставляйте меня одну, — взмолилась она.

Мы подхватили её под руки и помогли бежать.

Об этих фантастических похоронах написано немало, да и будет ещё написано. Кроме ценителей поэзии, которые пришли проститься с любимым поэтом, кроме тех, кто под впечатлением нашумевшей истории с Нобелевской премией прибыл сюда в надежде стать зрителем нового всемирного скандала, кроме многочисленных сотрудников известных ведомств, находившихся здесь по роду службы, примчалась в Переделкино и просто случайная публика, падкая до любых зрелищ и происшествий.

Многолюдные похороны привлекли некоторых местных жителей. Группа таких людей стояла на кладбище позади нас. Одна из женщин со вздохом спросила:

— Кого ещё будем так хоронить? — и сама себе ответила: — Разве что детского писателя Корнея Ивановича.

На переделкинском кладбище могилы Чуковского и Пастернака в соседстве, как соседствовали они сами при жизни.

После похорон Мария Сергеевна позвала нас к себе, и я понял, что прощён. По дороге купили бутылку водки для обогрева, ибо изрядно озябли, да и хотели по традиции выпить за упокой души новопреставленного.

* * *

С этого дня я и стал бывать в доме Марии Сергеевны. Отношения становились всё более тёплыми, доверчивыми и перешли в крепкую многолетнюю дружбу. Разумеется, подружился я и с дочерью Марии Сергеевны Аришей.

Семинар, рассчитанный всего лишь на двухнедельную работу, так сблизил всех его участников, что мы продолжали собираться то ли раз в неделю, то ли раз в две недели в течение нескольких лет.

Позднее наши собрания привлекли переводчиков старшего поколения и превратились в еженедельные «Переводческие среды». Вели эти собрания известные в литературе люди: Арсений Тарковский, Аркадий Штейнберг, Вильгельм Левик, Лев Гинзбург, Давид Самойлов и многие, многие другие.

Были тут завсегдатаи, не пропускавшие ни одной встречи, были и случайные посетители, забегавшие, как говорится, на огонёк. Одни, прочитав своё произведение, пропадали навек, другие же становились постоянными членами этих сборищ. Круг людей всё время расширялся. Доступ на эти собрания был свободен. Каждый был волен привести кого угодно, не спрашивая на то особого соизволения. Это были ещё оттепельные хрущёвские и постхрущёвские годы, время Солженицына, бурного наплыва самиздата и тамиздата, первых публикаций о лагерях.

Петровых, если не занимала председательское кресло, обычно сидела где-нибудь в сторонке с неизменной

сигаретой в руке. И кто бы ни выступал, невольно обращался к ней, такова была её притягательная сила, таков был её литературный авторитет. Разумеется, речь идёт не о самодовольных, самоупоённых «яках», как их кто-то очень удачно окрестил, а о той литературной аристократии, к которой принадлежала и она.

Я не очень погрешу против истины, если скажу, что её высказывания слушали с особым интересом, почти ей не возражая, хотя баталии здесь разыгрывались жесточайшие. Говорила она всегда очень уважительно, корректно, мягко и по существу. Говорила тихим – да простится мне банальность! – завораживающим голосом, иногда лишь замолкая на мгновение, чтобы затянуться сигаретой.

Но бывали случаи, когда она отмалчивалась, а если её настойчиво просили выступить, отвечала, что не знакома с оригиналом или не в силах ничего сказать, не видя текст перед глазами. Это была вежливая форма отговорки, отказ обсуждать заведомо слабое или беспомощное произведение. Но такое случилось на моей памяти раза два, не больше. И оба раза дело касалось каких-то верлибров, в ту пору очень модных, к которым она относилась с большим недоверием.

Однажды на семинаре читал свои переводы стихов Превера горячий его поклонник Наум Олев. Стихи были никак не организованы ритмически, да ещё украшены так называемыми консонансами, то есть совершенно несозвучными рифмами. Мария Сергеевна сказала, что такой строй поэзии чужд традиции русского стиха и, возможно, в других языках, например, во французском, итальянском, испанском или португальском, такая манера и приживётся, но в русской поэзии никогда. Об этом свидетельствует развитие русского стихосложения на протяжении двух столетий.

Олев вскипел и повышенным тоном заявил:

– Просто русскую поэзию всегда доили за одну цыцку!

В разговор вмешался Давид Самойлов:

— Ошибаетесь, юноша, — весело провозгласил он, — русскую поэзию доили за все четыре цыцки, как вы изволили выразиться, вам просто хочется, чтобы полилась сгущёнка.

Мария Сергеевна благодарно посмотрела на Самойлова. В ту пору у них были достаточно отдалённые отношения, но позднее они сблизились и, кажется, даже были в переписке. На смерть Петровых Самойлов откликнулся глубоко прочувствованными стихами, которые перепечатываются во всех его сборниках*.

---

* Давид Самойлов
Три стихотворения
(Памяти М. Петровых)

I
Спи, Мария, спи.
Воздух над тобой
До высот небесных
Полон тишиной.

Дерево в ночи —
Изваянье дыма.
Спи, Мария, спи.
Пробужденья нет.

А когда потом
Мы с тобой очнёмся,
Разбегутся листья
По тугой воде.

Июль 1979

II
Во сне мне послышался голос,
Так тихо, что я не проснулся,
И сон мой к последнему вздоху
Как будто в тот миг прикоснулся.

К последнему вздоху Марии,
Который настолько был лёгким,
Что словно уже относился
К бессмертью души, а не к лёгким.

На миг, что почти неприметен,
Сошлись непохожие двое —
С её сновиденьем бессмертным
Моё сновиденье живое.

III
И вот уже больше недели,
Как кончилась вся маета,
Как очи её не глядели
И не говорили уста.

Казалось, что всё это рядом,
Но это уже за чертой,
Лишь память не тронута хладом
И не обнята немотой.

И можно ли страхам и ранам
Позволить себя одолеть?
Лишь память, лишь память дана нам,
Чтоб ею навеки болеть.

Июнь 1979

В стихах она требовала чёткости, ясности, точности.
– Приблизительность, – говаривала она, – прибежище неталантливости.

Любила повторять слова Пастернака, что стихи должны кончаться лепетом. Всякое живое слово в поэзии радовало её несказанно. Любимые поэты всей её жизни – Пушкин, Пастернак, Ходасевич. Однажды она с горечью заметила о Ходасевиче, что революция и вынужденная эмиграция если не умалили, то обескровили гениальные возможности этого прекрасного поэта.

То же можно сказать и о ней самой. Переводы – своего рода вынужденная эмиграция – обескровили её удивительный дар. Она была рождена занять более высокое место на русском Олимпе. Это прекрасно понимали её друзья – Ахматова, Мандельштам, Пастернак. И то немногое, что она создала, навсегда сохранится в сокровищнице русской поэзии. Об этом в своём надгробном слове сказал её ровесник, тоже жертва времени – поэт Арсений Тарковский.

* * *

Петровых относилась к себе не то что строго, не то что сурово – беспощадно. Её требовательность к себе была беспредельна. Чужие стихи она могла слушать часами, сама, если так можно выразиться, бежала им навстречу. Помню, когда распространился слух о молодой талантливой поэтессе Новелле Матвеевой, она помчалась через всю Москву в общежитие Литинститута на Бутырский хутор, чтобы слушать её. Но свои стихи она почему-то утаивала, не открывала даже близким друзьям. В отличие от Ахматовой, которая читала весьма охотно, иногда совершенно случайным слушателям, даже порой сама предлагала. Особенно часто она любила читать всё ещё бывшую в работе «Поэму без героя». С Петровых происходило нечто противоположное.

В стихотворении Веры Звягинцевой, обращённом к Марии Петровых, есть такая строфа:

Покажись, безымянное чудо,
Что ты там притаилась одна?
Ты откуда такая, откуда,
Что и слава тебе не нужна?!*

---

* Стихотворение из сборника Веры Звягинцевой «Вечерний день» (Москва, 1963):

М. П.

В тесных зарослях тёмного леса,
Упоённый собой, в забыты,
Соловей — неумный повеса —
Рассыпает колена свои.

Покажись, безымянное чудо,
Что ты там притаилась одна?
Ты откуда такая, откуда,
Что и слава тебе не нужна?!

Лёгкий жаворонок, поднимаясь
К облакам над простором полей,
Как бубенчик, звенит, кувыркаясь,
Всё отчаянней, всё веселей.

Дай же людям узнать достоверно,
Что за горлышко, что за перо
У певуны, что так беспримерно
Щедро дарит своё серебро.

Но какая же странная птица
Тонко-тонко запела вдали
И не хочет на ветку садиться
Или в солнечной взвиться пыли?

Но поёт и поёт невидимка,
Не найти её в частых кустах,
Лишь дрожит паутинная дымка
На рябиновых тонких ветвях.

Лишь серебряный голос так страстно,
Так печально, так нежно поёт,
Что берёт тебя за сердце властно
И уводит из мира забот.

Дело, разумеется, не в славе, дело в высочайшей взыскательности, из-за которой Мария Сергеевна своих стихов почти никогда не читала.

Но однажды она нарушила правило. Случилось это так. М.С. пригласила к себе гостей в честь приезда армянской поэтессы Маро Маркарян. Среди армянских литераторов у Марии Сергеевны было много друзей. Она называла Армению своей второй родиной. В Третьяковской галерее висел её портрет, исполненный знаменитым армянским художником Сарьяном*. В Армении вышла первая книга её стихов**. И всё же теплее всего она отзывалась о Маро Маркарян. И вот Маро в Москве. На встречу с ней приглашены самые близкие Марии Сергеевне люди, в том числе и некоторые участники переводческого семинара.

Вечер получился бурным, весёлым и интересным, с оживлёнными спорами, с непринуждёнными и серьёзными разговорами, перемежаемыми шутками и потешными литературными историями. И вдруг в самый разгар веселья Маркарян простодушно предложила всем по кругу прочесть по одному стихотворению. Все охотно согласились и стали читать. Когда очередь дошла до Петровых, она на мгновение замялась, как бы желая отказаться, но всё же пересилила себя и прочитала стихотворение, к сожалению, до сих пор нигде не опубликованное***. Я его запомнил и тогда же, боясь забыть, вышел в другую комнату и отстукал на машинке. Этот клочок бумаги с отпечатанным

---

* Портрет Марии Петровых был написан в 1946 г., хранится в Доме-музее Мартироса Сарьяна в Ереване, принадлежит семье художника. В последний раз выставлялся в Москве в 1988 г. См.: Сарьян. Портреты: каталог выставки — Москва: Советский художник, 1988.

** Мария Петровых. Дальнее дерево: стихи; Из армянской поэзии: переводы. — Ереван: Айастан, 1968.

*** Текст этого стихотворения не сохранился в архиве Марии Петровых, оно никогда не публиковалось.

текстом я позднее вложил в подаренную мне Марией Сергеевной книгу, и так он сохранился.

Поначалу мне казалось, что М.С. сблефовала и прочла какой-то свой перевод, но с годами всё более утверждаюсь в мысли, что она не была способна на такой подвох, и, конечно же, прочла своё собственное оригинальное стихотворение:

Ты для жизни этой
Недостаточно хитёр,
А её приметы –
Ложь, обман, позор.

Ты для жизни этой
Недостаточно дурён,
Чистой жаждой света
Ты воспламенён.

Ты для жизни этой
Недостаточно терпим,
Нет нигде ответа
Чаяньям твоим.

* * *

Петровых жила в самой глубине писательского городка на Хорошёвке, где в маленьких восьмиквартирных домах, построенных ещё пленными немцами, обитали многие замечательные люди, такие, как Василий Гроссман, Варлам Шаламов, Валентин Асмус, Николай Степанов (специалист по творчеству Хлебникова), Анатолий Рыбаков и многие, многие другие.

Мария Сергеевна очень любила эту свою маленькую квартиру, любила и этот своеобразный небольшой городок, хотя порой шуточно именовала его «Вороньей слободкой».

*Анна Ахматова в гостях
у Марии Петровых.
Москва, октябрь 1962 года*

В просторной комнате-гостиной с двумя большими окнами, выходящими на заасфальтированную тенистую аллею, обитала Ариша, дочь Петровых. Другую же комнату, значительно меньшую, всю заставленную шкафами, с маленьким письменным столом и крохотной узкой кроватью, с одним-единственным окном, глядевшим на задворки, занимала сама Мария Сергеевна, это были одновременно её спальня и рабочий кабинет.

Приезжим гостям М.С. обычно уступала свою комнату, а сама перебиралась в гостиную, к дочери. Чаще всего этим гостем бывала Анна Андреевна Ахматова. У Ахматовой было два постоянных места обитания в Москве: у давней подруги Нины Ольшевской, жены писателя Виктора Ардова, и у Марии Петровых.

В чьих-то воспоминаниях сказано, что А.А. останавливалась у Петровых, если её место в доме Ардовых было занято. Это неверно. А.А. очень любила дом Марии Сергеевны, но боялась её стеснить.

Квартира Ардовых была, разумеется, больше и удобней. Позднее Ахматова останавливалась и в других домах — у поэтессы Маргариты Алигер, у переводчицы и редактора

издательства «Художественная литература» Ники Николаевны Глен, которую Ахматова и Петровых очень уважали и любили (кстати сказать, Ника Глен вместе с Аришей — составитель посмертных сборников Марии Петровых).

Мария Сергеевна горячо любила дочь. Мать и дочь были связаны не просто тесной дружбой, не просто любовью и заботой друг о друге. Они как бы составляли единое целое. Они до смешного, не сговариваясь, совпадали в мнениях о чём-нибудь прочитанном, услышанном, увиденном. Если о чём-то высказывалась Ариша, можно было со стопроцентной уверенностью сказать, что то же самое повторит Мария Сергеевна.

Дочь окончила Текстильный институт, несколько лет работала в каком-то НИИ. Но потом решительно отказалась от уже обретенной профессии, поступила на вечернее отделение Московского университета, совмещая учёбу с работой корректора в издательстве «Советская энциклопедия». Окончив университет, она стала профессиональным лингвистом. М.С. очень радовалась этому.

Хозяйственные хлопоты брала на себя Ариша, она покупала еду, одежду, всё для дома. Дочь, как никто другой, понимала и ценила талант матери и старалась освободить её от всего, что мешает творчеству. Если Мария Сергеевна всегда была изящно и красиво одета — это тоже во многом заслуга её дочери. Она не только выбирала и покупала одежду для Марии Сергеевны, но буквально одевала её, как одевают ребёнка. Сама М.С., возможно, и не уделяла бы столько внимания своему гардеробу. Ариша любила повторять:

— Мама — Мария, а я — Марфа.

Мария Сергеевна была не согласна, говорила, что Ариша знает язык лучше неё. А язык М.С. знала, как никто. Один её знакомый, известный поэт и переводчик, в разговоре со мной сказал:

— Маруся — хозяин русского языка! — правда, тут же, боясь, что фраза прозвучала слишком пышно, а он пышности не любил, добавил: — После меня.

Это «после меня» прозвучало диссонансом, потому что хозяин бывает только один, да и не может быть хозяев в очерёдности владения чем-то.

Такого же высокого мнения о Петровых была и Ахматова. Как-то раз в свойственной ей шутливой манере высказалась:

— Маруся знает язык, как бог, а Ариша, как богиня.

Узнав от кого-то, что Ариша изучает еврейский язык, с игриво подчёркнутым почтением стала именовать Аришу «ребе»*.

---

* См. об этом также в интервью Арины Головачёвой, где она рассказывает об Ахматовой: «Меня, например, она называла „ребе“. Потому что я в то время решила изучить еврейскую графику. Мой друг Миша Ландман, талантливый поэт и переводчик, сделал мне „латинку“ (запись русскими буквами) одного стихотворения из книжки Казакевича „Гройсе Велт“ („Большой мир“), в результате чего я смогла читать на идиш, который с грехом пополам понимала через немецкий. Потом Ю.М. Нейман, зная немецкий гораздо лучше меня и абсолютно не знавшая еврейского, попросила и её обучить. Наши занятия проходили во время её визитов к маме и Анне Андреевне. Мы усаживались в большой комнате на диванчик (на котором М. Ландманом сфотографированы Анна Андреевна и мама), читали еврейские стихи Казакевича и журнал „Советиш Геймланд“, а Анна Андреевна, сидя напротив, с интересом наблюдала за нами. Отсюда и „ребе“». (Арина Головачёва. «Она читала стихи деревьям». Беседовали Ольга и Марина Фигурновы // Время MN: ежедневная газета. — 2002. — 27 февраля. — С. 10).

Упомянутый здесь «Советиш геймланд» («Советская родина») — литературный и общественно-политический журнал на идиш, издававшийся в СССР в 1961–1991 гг. Фотографию Анны Ахматовой и Марии Петровых, о которой вспоминает Арина Головачёва, см. на странице 82 настоящего издания.

* * *

С ранней юности М.С. подружилась с такими мастерами слова, как Арсений Тарковский, Семён Липкин, Аркадий Штейнберг, Георгий Шенгели. Ценила писателей, умело владеющих словом. Не случайно среди самых читаемых ею имён, кроме Пушкина, Тургенева и Бунина, были Лесков, Островский, Платонов.

К Лермонтову-прозаику относилась критически, говорила, что Печорин скорее похож на хвастливого, самонадеянного школяра, нежели на покорителя женских сердец. Любовь к Печорину Веры Лиговской казалась ей неправдоподобной. К Лермонтову-поэту М.С., сдаётся, тоже относилась с предубеждением, говорила, что он в значительной мере эпигон Пушкина, заимствовал у него целые страницы стихов и лишь в последних произведениях нашупал свою собственную поэтическую тропу. Даже в знаменитом «Выхожу один я на дорогу» ей нравились лишь первые две строфы.

Я как-то заспорил с ней, рассказал, что незадолго до смерти Бунин признался, что всю жизнь по ошибке считал Пушкина лучшим русским поэтом и лишь теперь, на исходе лет, вдруг понял, что лучший русский поэт всё же Лермонтов. Марию Сергеевну моё повествование очень развеселило, она сказала, что признание Бунина похоже на тираду сторожа из лермонтовского музея в Пятигорске, который всем посетителям с гордостью заявлял: «Куда вашему Пушкину до нашего Лермонтова!»

* * *

Почти все книги Мария Сергеевна читала с карандашом в руках. Даже в многотомном толковом словаре Ушакова есть её пометки. Её летучий почерк оставил следы на страницах многих произведений современных авторов и классиков XIX века. Если когда-нибудь кому-нибудь

посчастливится всё это собрать воедино, опубликовать — вот уж будет праздник для любителей языка!

М.С. любила повторять фразу, сказанную когда-то Ахматовой:

— Хотите почувствовать живого Пушкина, прочтите его заметки на полях «Опытов» Батюшкова.

Да простится мне столь несопоставимое сравнение, М.С. бы его не одобрила, но её заметки наверняка воскресили бы для читателя одного из самых интересных людей русской поэзии.

* * *

У многих складывалось впечатление, что М.С. сибаритка, что работается ей с ленцой, нехотя. Ложное представление! Работала она очень быстро и продуктивно. А если учесть, сколько ей приходилось прочитывать рукописей, сколько редактировать книг, постоянно исправляя чужое неумение или халатность, то можно диву даваться её трудоспособности.

С ней постоянно выверял свои работы Маршак, часами разговаривая по телефону. К ней обращались многие и многие поэты и переводчики, и львиную долю своего времени она отдавала им, почти никому не отказывая. И не мягкость характера заставляла её трудиться за других. Характер у неё был решительный, она умела быть и твёрдой, когда это было нужно.

Когда однажды после визита весьма именитого переводчика, над рукописью которого она корпела несколько дней, я с раздражением спросил, зачем она работает за других в ущерб себе, она полушутя-полусерьёзно ответила:

— Не оскудевает рука дающего.

Она любила цитировать Евангелие, была, безусловно, человеком верующим, человеком необычайной силы духа. Догадавшись о своей смертельной болезни, пожурила близких, скрывших от неё страшный диагноз, и сама,

за две недели до смерти, сочинила надгробную надпись, которая высечена на камне над её могилой:

Недостойной дарован Господней рукой
Во блаженном успении вечный покой.

* * *

Она никогда не плакала. Я видел её на похоронах трёх очень близких ей людей. Глаза её горели, исполненные боли, но ни одной слезы не проронила она.

Когда пришло сообщение о смерти Ахматовой, Мария Сергеевна сама была как неживая, она лежала на кровати с обвязанной головой, но ни тогда, ни после, на похоронах, не проронила ни слезинки. На гражданской панихиде, устроенной в больнице Склифосовского, она нервно курила одну сигарету за другой, но глаза оставались сухими. А ведь Анна Андреевна была другом почти всей её жизни.

Познакомились они в начале тридцатых годов. М.С. рассказывала, что однажды, набравшись храбрости, решила навестить Ахматову, познакомиться с ней, хотя поклонницей её ранних стихов не была.

Анна Андреевна то ли приболела, то ли просто устала. Она принимала гостью лёжа на диване. Мария Сергеевна прочла свои стихи. Ахматова отнеслась к стихам без особого энтузиазма, так показалось Петровых.

А спустя некоторое время в комнате общежития, где она обитала, появилась комендантша, сказала, что к ней пришла какая-то женщина. М.С. решила, что это кто-то из родни, вышла, в чём была. И обомлела, узнав Ахматову.

— Такого я и представить себе не могла, — рассказывала она. — Я чуть в обморок не упала, когда увидела её на пороге.

С этого дня и началась их многолетняя дружба.

* * *

Всё, о чём говорили, осталось тайной. Разговаривали они с глазу на глаз. Я не уверен, что М.С. или А.А. оставили записи этих разговоров. А то, что они всегда разговаривали на равных, было видно невооружённым глазом.

Надо сказать, что Марию Сергеевну Петровых я всегда ощущал поэтом по той формуле, которая дана Блоком в статье «О назначении поэта»: поэт это не тот, кто пишет стихами, это прежде всего человек особого склада, который по-особому воспринимает мировые явления и приводит их в гармонию*.

Истинный поэт — соавтор Творца или, по формуле Пастернака, «всесильный бог деталей»**.

И вот такой личностью была для меня Петровых, а ведь я повидал многих знаменитых людей, писавших стихи.

Пастернак про неё говорил кому-то: «утончённый эпидермис Петровых...», — ощущая её особую чувствительность и напряжённый нерв восприятия жизни. Ахматова высоко ценила её, думается, именно за это. Стихи свои читала Петровых и к её мнению с особым трепетом прислушивалась.

* * *

Петровых была уникальный редактор. Помню, когда пришла вёрстка последней ахматовской прижизненной

---

* «Что такое поэт? Человек, который пишет стихами? Нет, конечно. Он называется поэтом не потому, что он пишет стихами; но он пишет стихами, то есть приводит в гармонию слова и звуки, потому что он — сын гармонии, поэт». (Александр Блок. Собрание сочинений: в 8 т. — Т. 6: Проза. 1918–1921. — Москва, Ленинград: Гослитиздат, 1962. — С. 161.)

** Борис Пастернак. «Давай ронять слова...» (1917).

книги «Бег времени», за нею явился некий Ибрагимов, высокий редакционный чин из «Худлита». Явился он, скорее всего, из желания пообщаться с Ахматовой, потому что обычно за рукописью или корректурой присылали издательского курьера.

Ахматова вёрстку не отдала, что было само по себе вопиющим нарушением установленных в издательстве правил, а объяснением повергла онемевшего Ибрагимова в изумление:

— Мария Сергеевна ещё не видела.

Причём сказано было веским тоном, не терпящим возражений.

Петровых для этого чиновника была подчинённым ему человеком. Ведь она часто бывала редактором (внешним) поэтических сборников, и даже если он непосредственно с ней не соприкасался, то всевластной рукой мог в этих сборниках что-то изъять или запретить. Здесь же книга выходила не по его воле, а по воле вышестоящего начальства, и автором была недостижимая и независимая величина.

Изъять что-то он мог только по указке вышестоящего. Но такой указки не было. Он, всемогущий издательский чин, сам своей волей отправился получить корректуру из рук сиятельной, а она ему не вернула, да ещё и объяснила причину, для него непонятную и перевернувшую вверх тормашками всю стройную в его голове систему соподчинения: Петровых ещё не читала.

Петровых как бы становилась последней инстанцией, что-то утверждающей!

Он был в такой растерянности, что, пролепетав какое-то извинение, расшаркался и ушёл. Анна Андреевна даже не пригласила его присесть.

Ахматова была очень политична, сдержанна, умна в поведении. Достаточно вспомнить, как она вела себя во время известной встречи с иностранными студентами, когда она, в отличие от Зощенко, одобрила ждановское

постановление*. Так что она могла быть, что называется, «покладистой». Здесь же она проявила своеволие...

---

* 14 августа 1946 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленинград“», содержащее резкую критику произведений Ахматовой и Зощенко. Ахматова была объявлена типичной представительницей чуждой народу безыдейной поэзии, а Зощенко — пошляком и подонком литературы. После этого секретарь ЦК ВКП(б) и главный идеолог партии А.А. Жданов выступил с докладом в Ленинграде на собрании партийного актива и на собрании писателей и издательских работников, разъясняя линию партии. Доклад Жданова был опубликован в центральных газетах, после чего началась организованная травля Ахматовой и Зощенко — их исключили из Союза писателей, перестали печатать и т.д.

Уже после смерти Сталина, 5 мая 1954 г. в ленинградском Доме писателей состоялась встреча с делегацией английских студентов, которые выразили желание увидеть также Ахматову и Зощенко. Примечательный отчёт об этой встрече сохранился в докладной записке секретаря Ленинградского обкома партии Николая Казьмина в адрес ЦК КПСС от 27 июня 1954 г.

«В ходе беседы один из студентов Англии заявил, что он не является сторонником советского строя. Далее был задан ряд вопросов, носивших провокационный характер. <...> Затем был задан вопрос Ахматовой и Зощенко в таком плане: вот в докладе Жданова вас критиковали — как вы считаете, не вступая в сделку со своей совестью, эта критика была правильной или нет?

Зощенко ответил, что с критикой был не согласен, о чём он и написал в своё время письмо И.В. Сталину. Затем он путано доказывал, почему не согласен с критикой, что якобы в 20-х годах не было советского общества, было мещанство, против которого он и боролся. „Сейчас снова остро поставлен вопрос о сатире. Но этим оружием надо пользоваться осторожно. Теперь я буду снова писать, как велит мне совесть“. Ответ Зощенко был встречен аплодисментами со стороны английской делегации. Второй выступила Ахматова. Она лаконично заявила, что постановление ЦК правильное и критика тоже. „Так я поняла раньше. Понимаю и теперь“. В ответ аплодисментов не было».

(Центр хранения современной документации (ЦХСД) Комитета по делам архивов при Правительстве РФ, фонд 5, опись 17, дело 486, листы 76–78.)

Всё это я рассказываю, чтобы объяснить — кем была для Ахматовой Мария Сергеевна. А ведь Петровых была чуть ли не на двадцать лет её моложе. Можно сказать, человек другого поколения. И, в отличие от Чуковской, которая была летописцем жизни Ахматовой, Петровых всегда была сама по себе. Их дружба была по горизонтали, а не по вертикали, как теперь принято говорить.

* * *

В ту пору я не был поклонником Ахматовой. Мне нравилось несколько стихотворений. «Поэму без героя» я не знал до того дня, как она сама целиком прочитала её нам, нескольким участникам поэтического семинара. В доме Марии Сергеевны была на нас обкатана и работа о последней дуэли Пушкина «Александрина», где Ахматова полностью развенчивала бытовавший в пушкиниане миф о любви свояченицы к поэту.

Я познакомился с Ахматовой в тот самый день, описание которого потом нашёл в книге Лидии Чуковской*. А было дело так. Мы с дочкой Марии Сергеевны Аришей учились на чешских курсах. Я тогда много переводил с чешского по подстрочникам (стихи), и мне хотелось немного подпитаться грамматикой и словарным запасом,

---

* Имеется в виду дневниковая запись Л.К. Чуковской от 12 октября 1962 г., где она рассказывает о своём визите к Ахматовой, гостившей тогда у М.С. Петровых. В записи об этом дне фигурирует и не названный по имени М. Ландман: «Вместе с нами пил чай молодой человек — по-видимому, переводчик, ученик Марии Сергеевны и большой книжник: разговор за столом был преимущественно букинистический. После чая я простилась. Молодой человек проводил меня до бензоколонки, то есть до стоянки такси». (Лидия Чуковская. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. — Т. 2: 1952–1962. — Москва: Согласие, 1997. — С. 530.)

чтобы не полностью зависеть от чужих и весьма неумелых переводов, потому что подстрочники делали люди, хотя и хорошо знающие язык, но довольно далеко стоящие от поэзии.

Это было то ли первое, то ли одно из первых занятий. Кончались они довольно поздно, и я вызвался проводить Аришу. Она позвонила домой, сказала об этом Марии Сергеевне и добавила, что приведёт меня выпить стакан чаю. Но М.С. попросила меня к телефону и извинилась, что не может меня принять, потому что у неё неожиданно появилась Ахматова, она останется на несколько дней и очень устала с дороги.

Я проводил Аришу до высоченных железных решётчатых ворот, ведущих в городок писателей на Хорошёвке. К моему удивлению, у ворот (которые, кстати сказать, я никогда не видел закрытыми) стояла Мария Сергеевна. Оказалось, что она встречает не нас, а Лидию Корнеевну:

— Знаете, Миша, вам повезло. Анна Андреевна сказала: «Зачем отменять молодого человека? Приводите».

Ариша вызвалась встретить Л.К., а меня Мария Сергеевна буквально потащила к себе. Я уже настроился на невстречу и был совсем не готов. Впрочем, волнения не было. Я ведь уже сказал, что не принадлежал к адептам.

Когда Ира Емельянова привела меня к Борису Леонидовичу, я помню, что у меня выступил холодный пот, о котором я только читал в книгах. Пастернак был моей болезнью (высокой болезнью) юности. Ахматову же я читал с удовольствием, как всякого хорошего поэта, но...

Ахматова сидела на диване у входа в гостиную. Она не поднялась, когда я подошёл, Мария Сергеевна меня представила:

— Это участник моего семинара Миша Ландман.

— Очень приятно, — сказала Ахматова. — А я Ахматова... Аня.

Дело в том, что очень многие люди её поколения, в коих живы были традиции русской дворянской интеллигенции,

не признавали новые веянья. Много раз я слышал фразу, что пятнадцатилетний Пушкин был уже Александр Сергеевич.

Хотя это не совсем так, для очень многих близких друзей он так и оставался Сашей, даже в воспоминаниях*.

Но Ахматова была в этом смысле пуристкой. Её коробило слово «ботинки». Оно казалось ей плебейским. Надо было говорить «туфли», «башмаки».

Помню, как она вернула мне цветаевского «Тезея»:

— Как можно писать на античный сюжет с рифмами?..

Но продолжу.

Вскоре появилась Лидия Корнеевна. Ахматова с ней удалилась в отведённую ей комнату. И они оттуда не выходили часа полтора-два. А когда вышли, было как раз то, о чём поведала Чуковская. Пили чай. Я её проводил до бензоколонки в начале Беговой и вернулся.

Мы сидели за столом вчетвером, говорили о том о сём, на столе появилась бутылка водки. Ахматова выпила две-три рюмки, что меня весьма удивило, я знал, что она перенесла три инфаркта, да и вообще по молодости лет считал, что люди её возраста не должны употреблять крепкие напитки.

Я просидел с ними до трёх часов ночи. А.А. охотно отвечала на мои вопросы, сама предложила почитать свои стихи. К сожалению, я не помню, что именно она читала в тот первый раз. Помню только «Летний сад» и какие-то куски «Поэмы без героя». Но поэму я слушал несколько раз. Однажды даже полностью, тогда-то я вызвался её перепечатать. Сделал три экземпляра для неё и один (последний) для себя. Она даже обещала мне подписать поэму и подарить или вклеить свою фотографию под названием

---

* Через некоторое время Анна Ахматова и сама назвала Ландмана «Мишей» — именно так он упомянут в её письме к Ирине Пуниной и Анне Каминской от 3 ноября 1962 г. (См.: Из семейной переписки А.А. Ахматовой // Звезда. — 1996. — № 6. — С. 152.)

«Гамлет»*. Но потом всё затопталось, она переезжала из одних гостей в другие, а мне напомнить ей было неловко.

Про «Поэму» кто-то из её визитёров отозвался так: «Кажется, она от вас отделилась, а вы от неё нет». Она любила повторять эту фразу.

В тот первый вечер я не остался внакладе. Позднее я, как правило, бывал у неё не один, с кем-то. Это не мешало разговаривать, но люди тоже её о чём-то спрашивали — чаще глупости, по моему тогдашнему разумению. Мои же интересы были литературные. Я расспрашивал её о Цветаевой, Гумилёве, Кузмине, Лозинском, Маяковском, Есенине, Клюеве и многих, многих других.

* * *

Начну с Маяковского. В ту пору я сильно разочаровался в нём, хотя в юности любил многие его ранние стихи и поэмы. Даже попытался написать статью, которую назвал по тогдашнему своему вычурно «Дуэль с Маяковским». Куски этой дуэли я читал разным людям. И успокоился лишь, прочитав книгу Юрия Карабчиевского**. А свою статью уничтожил как недостойную.

---

* Речь идёт о фотографии, сделанной в Царском селе в доме художников Дмитрия Кардовского и Ольги Делла-Вос-Кардовской. «Осенью 1914 года Делла-Вос-Кардовская писала портрет Ахматовой <...>. На фотографии Ахматова снята в том же платье, в котором позировала художнице. В домашнем обиходе эту фотографию Анна Андреевна называла „Гамлет“». (Анна Ахматова: материалы из собрания Государственного литературного музея: альбом-каталог. — Москва: Гос. лит. музей, 2016. — С. 67.)

Об этой фотографии Ахматова упоминает в записных книжках: «Фото 1915 <г.> у Кардовских. „Гамлет“». (Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). — Москва; Torino: Giulio Einaudi editore, 1996. — С. 686.)

** Юрий Карабчиевский. Воскресение Маяковского. — München: Страна и мир, 1985.

У Ахматовой было стихотворение «Маяковский в 1913 году»:

Я в твоей тебя не знала славе,
Помню только бурный твой расцвет...

Оказалось, что в 1913 году она не была ещё с ним знакома. А познакомились они спустя три года. Было это так. В каком-то артистическом кафе Маяковский стал умолять Мандельштама представить его Анне Андреевне. Мандельштам подошёл к столику, где она сидела с прибывшим с фронта Гумилёвым. Он был уже обладателем двух солдатских Георгиевских крестов (полным георгиевским кавалером он не стал), офицерам кресты давали за проявленную личную храбрость*.

---

* Георгиевский крест — воинская награда Российской империи, учрежденная для нижних армейских чинов (солдат и унтер-офицеров) за храбрость, проявленную в бою. Награда имела четыре степени. Полными георгиевскими кавалерами принято называть обладателей Георгиевских крестов всех четырёх степеней. Летом 1917 г. Временное правительство приняло постановление, согласно которому офицеров «за подвиги личной храбрости и доблести» могли награждать Георгиевским крестом — по решению общего солдатского собрания. (Вестник Временного правительства. — 1917. — 8 июля. — С. 1. Приказ армии и флота по кабинету военного министра № 26 от 3 июля 1917 г.).

Николай Гумилёв вступил в армию рядовым добровольцем в августе 1914 г. Для этого ему пришлось вторично пройти медицинскую комиссию, так как ещё в 1907 г. он получил бессрочное освобождение от воинской службы по состоянию здоровья. Был награждён двумя Георгиевскими крестами: 13 января 1915 г. — Георгиевским крестом 4-й степени (и сразу же после этого произведён в унтер-офицеры), 5 декабря 1915 г. — Георгиевским крестом 3-й степени. В марте 1916 г., по окончании школы прапорщиков в Петрограде, получил офицерский чин прапорщика. (См.: Евгений Степанов. Поэт на войне. Николай Гумилёв. 1914–1918. — Москва: Прогресс-Плеяда, 2014.)

Когда Мандельштам изложил просьбу Маяковского, Гумилёв на весь зал громко произнёс:

— Узнайте у господина Маяковского, не ругал ли он когда-либо Пушкина, устно или печатно.

Маяковский онемел и пролепетал:

— Нет.

Хотя все, в том числе и Гумилёв, прекрасно знали, что это неправда.

— Пусть подойдёт, — снизошёл Гумилёв.

Маяковский приблизился. Оттого ли, что произошло минуту назад, или просто не нашёл слов, но он стоял молча перед Ахматовой и не произнёс ни звука.

Позднее друг Ахматовой Николай Харджиев, присутствовавший при этой сцене, так описывал её знакомым: «Стоят два столба и... никаких между ними проводов».

Ахматова считала В.В. патологическим трусом.

— Он испугался тогда, когда мы ещё ничего не понимали, — говорила она. — Он был главным украшением салона Бриков, а литературные разговоры, которые там велись в чекистском застолье, всегда пахивали доносом.

Анна Андреевна была знакома и, кажется, дружна с актрисой театра имени Ермоловой Вероникой Витольдовной Полонской, возлюбленной Маяковского, упомянутой в числе близких людей в предсмертной записке поэта, и главной свидетельницей его самоубийства.

Когда в Москву в годы хрущёвской оттепели наведался Роман Якобсон, известнейший филолог и исследователь творчества Маяковского, Ахматова при встрече предложила ему ознакомиться с воспоминаниями Полонской, тогда ещё не опубликованными. Якобсон не проявил к ним никакого интереса*.

---

* Мемуары Полонской были впервые опубликованы только в 1987 г. (См.: Вероника Полонская. Воспоминания о В.В. Маяковском // Вопросы литературы. — 1987. — № 5. — С. 144–198.)

*Анна Ахматова в гостях у Марии Петровых.
Москва, октябрь 1962 года*

Стихов Маяковского А.А. не любила, хотя знала о том, что он помнил чуть не все её стихи наизусть и часто читал их на своих выступлениях.

Не было у неё «тяги» и к другому кумиру эпохи – Сергею Есенину.

– Нет, нет, не пытайтесь меня убедить... – отмахивалась она от моей настойчивости. – Во-первых, алкоголизм и поэзия противопоказаны друг другу... Вот и Ахмадулина, но у этой ещё страсть к вождению машины. Нельзя уделять столько души посторонним поэзии увлечениям.

Не знаю, виделись ли они с Есениным часто, но о двух встречах А.А. рассказала. Одна произошла незадолго до революции. Есенин принёс показать корректуру своей первой книги с посвящением Александре Фёдоровне. Гумилёв язвительно спросил:

– Вы что же – испрашивали специальное разрешение в Департаменте внутренних дел?*

Такие посвящения были невозможны. Если мне не изменяет память, книга Есенина вышла уже после революции с посвящением... Льву Троцкому**.

---

* Возможно, имелось в виду Министерство внутренних дел Российской империи, при котором было управление по делам печати. А может быть, это ошибка памяти мемуариста, и Ахматова в разговоре с ним на самом деле упомянула Министерство императорского двора. Вот как записал рассказ Ахматовой Натан Готхарт, встречавшийся с ней примерно в те же годы, что и Ландман: «Помню, как Есенин приходил к нам. Это было в 16-м, нет, в 15-м году, на Рождество. Был он такой розовый мальчик. Пришёл вместе с Клюевым. Оба в сапогах бутылками, в ярких рубашках. Принёс он сборник стихов, который готовил издать. На этом сборнике он написал посвящение Александре Фёдоровне (царице). Помню, Николай Степанович спросил меня: „Ты не знаешь, как эти посвящения делаются? Наверное, спрашивают министра двора?“ Потом это посвящение Есенин по чьему-то совету убрал». (Натан Готхарт. Двенадцать встреч с Анной Ахматовой // Вопросы литературы. – 1997. – № 2. – С. 281–282. Запись беседы, состоявшейся 16 августа 1963 г.) Составители «Летописи жизни и творчества С.А. Есенина» считают, что в данном случае речь шла о первой книге стихов Есенина «Радуница». (См.: Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: в 5 т. – Т. 1: 1895–1916. – Москва: ИМЛИ РАН, 2003. – С. 303.) Книга «Радуница» вышла в свет в 1916 г. без посвящений.

** После революции была опубликована вторая книга стихов Сергея Есенина «Голубень», которая готовилась к печати ещё в 1916 г. Книга вышла в свет в 1918 г. без посвящений. О том, что у неких букинистов сохранился корректурный оттиск книги «Голубень», содержащий цикл стихотворений с «благоговеющим посвящением» императрице, писали Ходасевич (Владислав Ходасевич. Некрополь: Воспоминания; Литература и власть; Письма Б.А. Садовскому. – Москва: СС, 1996. – С. 129) и Георгий Иванов (Георгий Иванов. Собрание сочинений. – Т. 3: Мемуары; Литературная критика. – Москва: АО «Согласие», 1994. – С. 180). Исследователями творчества Есенина этот оттиск не обнаружен.

Троцкий был большой знаток и почитатель Есенина. Горький где-то в выступлении пристыдил русских писателей, что лучшую поминальную статью о Есенине написал не кто иной, как Лев Троцкий*. Думаю, что позднейшие нападки на Есенина (Бухарина и прочих) были тоже во многом политической игрой — нужно было развенчать избранника Троцкого. Но это к делу не относится.

Вторая встреча, о которой Ахматова рассказала, случилась в начале двадцатых годов. Есенин явился в сопровождении Николая Клюева, которого А.А. высоко чтит.

→ Есенин не посвящал Троцкому ни сборников, ни отдельных стихотворений, хотя и упоминал его имя в своих стихах («Русь бесприютная», «Песнь о великом походе»).

* 18 января 1926 г. на вечере памяти Сергея Есенина во МХАТе актёр Л.М. Леонидов зачитал речь Льва Троцкого. 19 января того же года эта речь под заголовком «Памяти Сергея Есенина» была опубликована в «Правде» и «Красной газете», 20 января — в газете «Известия ЦИК СССР и ВЦИК Советов». Затем неоднократно перепечатывалась.

Горький, внимательно следившей за откликами прессы на смерть Есенина, писал критику Д.А. Лутохину 17 февраля 1926 г.: «Читали Вы статью Троцкого об Есенине? Самое лучшее, что написано о нём. Никто из товарищей его не сумел написать так хорошо». (Максим Горький. Полное собрание сочинений: письма: в 24 т — Т. 15: Июнь 1924 — февраль 1926. — Москва: Наука, 2012. — С. 382.) О том же чуть позже, 17 апреля 1926 г., он писал критику А.К. Воронскому: «Кто редактирует Есенина? Отвратительно написал о нём Ходасевич. Лучшее всех — Троцкий». (Там же. — Т. 16: Март 1926—июль 1927. — Москва: Наука, 2013. — С. 50.)

Оба письма печатались в советское время с купюрами — статья Троцкого не упоминалась. (См.: Архив А.М. Горького. — Т. 10: М. Горький и советская печать. — Кн. 2. — Москва: Художественная литература, 1964. — С. 31–33; Там же. — Т. 14: М. Горький. Неизданная переписка. — Москва: Художественная литература, 1976. — С. 403.)

Встреча произошла недалеко от её дома. Она как раз выгуливала свою собаку. И попросила гостей вернуться через полчаса, когда она выкупает её. День был ненастный.

Есенин и до того был подвыпивший, а тут явился совершенно пьяный, да ещё они притащили двуручную корзину, нагруженную бутылками вина.

— Он был настолько пьян, — говорила Ахматова, — что дарственную на своей книге не мог написать. Ручку не мог держать. А читал стихи великолепно. Я была потрясена его чтением, ведь совершенно падал с ног.

* * *

Когда Бондарчуком был поставлен фильм «Война и мир», Ахматову пригласили посмотреть его. Кажется, это была только первая серия*. Анна Андреевна посмотрела только одну часть и вернулась домой. Она была в ужасе:

— Там была сцена бала. Боже! Они как-то не так прочли Толстого. Так светские дамы не одевались. Так одевались жёны дантистов и адвокатов, это был их особый шик. Толстой и сам-то не решался одеть Наташу для первого выхода в свет, сказал: «Соня, одень её!»

Говорила, что в «Анне Карениной» Толстой решительно осуждал всех женщин, доказывал, что все они распутны и бездуховны. Толстого и Чехова не любила.

Предъявляла много претензий Пастернаку. Его роман «Доктор Живаго» называла бесовским, а не христианским произведением.

---

* 18 июня 1965 г. состоялась закрытая премьера первых двух серий фильма «Война и мир» для представителей Госкино. Публике они были впервые показаны 16 июля 1965 г. в Кремлёвском дворце съездов на IV Московском международном кинофестивале. В широкий прокат фильм вышел уже после смерти Ахматовой.

Цитируя фразу из романа — «Единственное ценное в вас, что вы жили в моё время и меня знали»* — она добавляла:

— Разве это слова христианина, а не человека, обуянного гордыней?

Мария Сергеевна обычно вступалась за Бориса Леонидовича.

— Ах, Маруся, помнится, что и вы не очень-то жаловали роман, когда мы впервые услышали его, — возражала Ахматова.

Думается, что так оно и было. Поначалу М.С. отрицательно отнеслась к роману, но позднее под влиянием нападков на Пастернака и особенно вакханалии, устроенной в нобелевские дни, круто изменила своё отношение. Хотя многое и позже ей было не по душе. Но она всегда жила по правилу: избиваемого надо защищать.

* * *

---

* У Пастернака эти слова представляют собой внутренний монолог Юрия Живаго, мысленный ответ друзьям Михаилу Гордону и Иннокентию Дудорову, которые, по его мнению, смирились с духом времени и даже идеализируют свою неволю: «Однако не мог же он сказать им: „Дорогие друзья, о как безнадёжно ординарны вы и круг, который вы представляете, и блеск и искусство ваших любимых имён и авторитетов. Единственно живое и яркое в вас, это то, что вы жили в одно время со мной и меня знали“. Но что было бы, если бы друзьям можно было делать подобные признания! И чтобы не огорчать их, Юрий Андреевич покорно их выслушивал. <...> Добродетельные речи Иннокентия были в духе времени. Но именно закономерность, прозрачность их ханжества взрывала Юрия Андреевича. Несвободный человек всегда идеализирует свою неволю». (Борис Пастернак. Полное собрание сочинений: в 11 т. — Т. 4. — Москва: Слово, 2004. — С. 478–479.)

К советским поэтам Ахматова относилась с большим предубеждением. К советским изданиям тоже. Как-то я упрекнул её, что она печатается в «Лижи» («Литературе и жизни»), которая всегда считалась реакционной, в отличие от «Литературной газеты».

— Фирма одна! — сказала Анна Андреевна.

Очень ласково говорила о Берггольц, называла её Олей. Даже как-то упомянула её в качестве своей наследницы — наследницы чего-то конкретного, то ли кольца, то ли ещё чего-то, увы, не помню, ибо не придавал этому значения.

О Слуцком, когда напечатали его стихотворение «Бог ехал в пяти машинах»*, удивлённо произнесла:

— Раньше оно казалось значительным. Есть, очевидно, стихи, которые так и должны оставаться рукописными, — подумала и добавила: — Запретными.

Хвалила стихи Манделя (Коржавина). Но тут же огорчённо добавила:

— К сожалению, в них нет тайны.

С похвалой отзывалась о Наташе Горбаневской. Та долго уговаривала её написать «шапку» к её стихам. В «Литературке» тогда существовала рубрика «В добрый путь», где печатали несколько стихотворений молодого поэта и врезку с рекомендацией известного. Горбаневская просила Ахматову дать ей такую рекомендацию. Ахматова долго отнекивалась, наконец согласилась:

— Напишите сами, а я подпишу.

Наташа помчалась в другую комнату и на машинке отстукала о себе несколько похвальных слов.

---

* Стихотворение Бориса Слуцкого «Бог», написанное в 1955 г., было опубликовано в «Литературной газете» 24 ноября 1962 г. По воспоминаниям Людмилы Сергеевой, Борис Слуцкий с удовольствием повторял слова, сказанные ему Анной Ахматовой: «Я не знаю дома, где бы не было этого стихотворения». (Людмила Сергеева. «Покуда над стихами плачут...»: мемуары // Знамя. — 2020. — № 4. — С. 140.)

*Мария Петровых (слева) и Анна Ахматова.
Москва, квартира Петровых, октябрь 1962 года*

Самого текста я не видел. Но помню рассказ Анны Андреевны:

— Принесла. Я посмотрела и говорю: «Однако, милочка, вы себя любите».

К сожалению, труд пропал даром. Ни Наташины стихи, ни врезку, подписанную Ахматовой, так и не напечатали.

* * *

Я как-то спросил, знакома ли она со Светловым. Улыбнулась:

— Я раньше не понимала любовь москвичей к этому господину. Но когда меня вывезли из окружённого Питера, я сидела в московском ресторане Союза писателей. Кругом суетятся. Все стараются выхлопотать себе выгодные места эвакуации. И вдруг среди этой суеты появился Светлов. Молодцеватый, подтянутый, в военной гимнастёрке. Он толь-

ко что прибыл с фронта. Подсел к моему столику, представился. И через пять минут мы стали друзьями. Оказалось, такой обаятельный и милый человек. И тут я всё поняла. Мы сидели, пили водку, а кругом царило что-то невообразимое. А вот стихов его не понимаю. «И яблочко-песню держали в зубах». Брррр! Это ужасно. Невкусно!

Очень горестно вспоминала о еврейском поэте Самуиле Галкине:

— Вы не знали его? Жаль! Такие люди редко рождаются. Он был само совершенство. И какой поэт! От меня очень долго скрывали его смерть.

Вокруг неё увивались очень многие молодые и не очень люди. Авторы многих сборников и «непечатные». К «непечатным» относилась с сочувствием:

— Это страшно, если человек пишущий не может издать свои произведения.

Принимала она многих, но жаловала немногих. Говорила:

— Вчера меня удостоил своим вниманием господин Н. Оставил свою книгу с дарственной, да такой длинной, я с вечера начала, оставила наутро, да так и не прочла.

Многие эти книги потом валялись у хозяев, где обитала Ахматова. Выбрасывать было неудобно, а подарить некому.

* * *

В ту пору я слегка дружил с Леоном Тоомом. А он с Юнной Мориц. Юнну я немного знал по институту. Ахматова и Петровых очень любили Тоома. А он просил разрешения привести Юнну. И просил меня совместными усилиями нажать на обеих женщин. Наконец Ахматова сдалась:

— Но я ведь совсем не знаю её стихов. А у неё, кажется, книги.

У Мориц была всего одна изданная под редакцией Н. Тихонова книга стихов «Мыс желания». Я вызвался

принести ей почитать. А.А., как всегда, удалилась с книжечкой в другую комнату. Отсутствовала около получаса.

Вернулась. Молча отдала мне книгу.

Я ждал. Но она молчала. Не выдержал, спросил.

— Ужасно длинные. Как ей самой не скучно писать?

Встретаться с Юнной наотрез отказалась. Может быть, потом уступила Тоому, но об этом мне ничего неизвестно.

С Ахматовой у меня было всего несколько встреч. Я помню их наперечёт: тринадцать. Число, не заслуживающее доверия и симпатии, но что поделать, их было ровно столько...

* * *

Вернусь к рассказу о Марии Сергеевне.

Петровых никогда не принадлежала к рьяным поклонникам стихов Есенина, но вместе со своей сестрой всю ночь провела у гроба поэта, когда его перевезли в Москву.

Рассказывала, что как-то совсем юной девушкой присутствовала на диспуте в многолюдном зале. Выступал кто-то из рапшовцев, нещадно ругал стихи Есенина, да так увлёкся, что вышел за рамки пристойности, позволяя себе оскорбительные выпады против самого поэта. И вдруг весь зал повернулся к дверям. На пороге стоял Есенин, как всегда элегантный, модно, по-европейски одетый. Выступавший запнулся на полуслове и замер в испуге. Есенин лёгкой пробежкой проскользнул по огромному залу, взлетел на сцену, хлестнул хулителя белой перчаткой по лицу, бросил её на пол и столь же легко удалился. Зал взорвался громом аплодисментов, а выступавший остался посрамлённым и забытым.

В её взаимоотношениях с людьми всегда существовали правила, границы, которые Мария Сергеевна сама никогда не переходила и не позволяла переступить другим. Не допускала запанибратства, сквернословия, считала это признаком душевной грубости.

Как-то в писательском ресторане к ней с объятиями бросился Михаил Светлов:

— Здравствуй, старуха!

М.С. как-то изумлённо отстранилась. Она не могла допустить такого стиля отношений, хотя очень уважала Светлова, была с ним на «ты», знавала его десятки лет.

Познакомились они у Багрицкого, куда привел её один из ближайших друзей Аркадий Штейнберг. Рассказывала, как однажды они засиделись у Багрицкого допоздна и остались ночевать. Гостям постелили на полу, М.С. не могла уснуть и ночью стала свидетельницей тихого откровенного разговора автора «Гренады» с хозяином дома:

— Они уже тогда понимали, что наступают зловещие времена. Какие умные и прозорливые.

Потом, спустя какое-то время, вспоминая Светлова, посетовала на себя:

— Почему я так шарахнулась? Но ведь даже Германн не посмел так обратиться к старой графине. Верно?

Однажды в Доме творчества на широкой площадке лестницы известная поэтесса в сильном подпитии бухнулась перед Петровых на колени, повторяя одну и ту же фразу:

— Мария Сергеевна, я так перед вами виновата.

В чём была виновна эта особа, осталось загадкой для Петровых, они были незнакомы.

— Милочка, — ответила ей М.С., — коли виноваты, то хоть сейчас избавьте меня от стыда. Встаньте с колен. Вы же меня позорите.

* * *

С Мандельштамом её познакомила Анна Андреевна. О его любви, о стихах, обращённых к ней, Мария Сергеевна никогда не заговаривала. Лишь однажды рассказала, что к ней приходил переводчик, которого она редактировала, и что он очень похож на Мандельштама.

— Ему это польстило, — рассказывала М.С., — а ведь я говорила лишь о сходстве лица.

Знал бы он, что в её устах это была вовсе не похвала. Мандельштам по многим причинам ей не нравился, ни внешне, ни внутренне:

— Мандельштаму, когда я с ним познакомилась, было немногим больше сорока лет, но вид у него был глубокого старика. Я знавала людей старше него двадцатью годами, они были подтянутей, моложавей.

* * *

Сама великая бессребреница, к меркантильности некоторых окружавших её людей относилась с сожалением, почти с сочувствием, как к безнадежно больным.

Прочитав в какой-то московской газете стихотворение молодой поэтессы, начинавшееся строкой «Я славлю великих нищих»*, с завистью сказала:

— Какая жалость, что не я это написала.

Даже про любимую свою Ахматову однажды обмолвилась с досадой:

---

* Строка из стихотворения Мары Гриезане:

Хоть сладко мечтать о тыщах,
хоть «ближе своя рубаха»,
я славлю великих нищих —
Данте, Рембрандта, Баха!
И долг мой — увы! — не в тыщах
Данте, Рембрандту, Баху —
ведь каждый из этих нищих
мне отдал свою рубаху.

Это стихотворение процитировал Корней Чуковский в своей газетной заметке, посвящённой поэзии юной Мары Гриезане, которой было тогда всего 17 лет. (Корней Чуковский. В путь-дорогу // Московский комсомолец. — 1968. — 15 июня. — С. 4.)

— Старуха денежку любит.

Страсть к деньгам была для неё чем-то недостойным.

Когда в 1968 года вышла первая её книга, она была вне себя от растерянности, говорила:

— Чувствую себя так, словно мне приклеили бороду и усы и в таком виде я гуляю по улицам.

И в другой раз:

— Я словно брожу на ходулях по городу. Встречаю знакомых, кланяюсь им сверху вниз.

А какому-то поздравителю по телефону ответила:

— Как вам не стыдно! Вы знаете, какое это ощущение. Словно тебя раздели догола для всеобщего обозрения, да ещё навели телевизионную камеру, показали крупным планом.

* * *

Однажды, когда Ахматова переехала жить к Ардовым или к Нике Николаевне Глен, Мария Сергеевна встретила меня так:

— Анна Андреевна переехала. Вы, очевидно, забыли, заблудились.

К сожалению, в жизни её часто предавали. Она же хранила верность друзьям всегда.

А друзей у Марии Сергеевны было великое множество. В разное время, кроме уже названных, с ней вели дружбу Александр Твардовский, Эммануил Казакевич, поэт Павел Антокольский, философ Валентин Асмус, известный марксист Михаил Лифшиц, автор когда-то нашумевшей статьи о Мариэтте Шагинян*, драматург Тамара Габбе, поэт Наум Гребнев, который, несмотря на обретенную популярность, продолжал считать себя учеником Петровых,

---

* См.: Михаил Лифшиц. Дневник Мариэтты Шагинян // Новый мир. — 1954. — № 2. — С. 206–231.

Александр Янов, в те годы поэт-переводчик, а ныне американский профессор. Всех и перечислить невозможно.

Она интересовалась всем, что происходит в мире, регулярно слушала «вражеское» радио, особенно ей нравился политический комментатор Би-би-си Гольдберг. В её дом попадали все литературные новинки.

Задолго до напечатания у неё оказалась повесть Солженицына, но тогда она называлась «Один день заключённого»* и была подписана псевдонимом Александр Рязанский.

Её интересовали молодые поэты. Свои стихи ей читали и участники нашего семинара, и тогда ещё никому не ведомые поэты из литобъединения «Магистраль»**. С «Магистралью» она была связана через своего давнего приятеля Григория Левина. Оттуда вышли такие известные поэты, как Булат Окуджава, Александр Аронов и другие. Наталья Горбаневская тоже была частой гостьей в её доме. М.С. одной из первых оценила поэтический дар Горбаневской.

---

* В интервью, данном Би-би-си 8 июня 1982 г. к 20-летию публикации «Одного дня Ивана Денисовича», А.И. Солженицын говорил о том, что первоначально повесть называлась «Щ-854. Один день одного зэка». (Звезда. — 1995. — № 11. — С. 3.)

** Литературную студию «Магистраль» создал в 1946 г. поэт и критик Григорий Михайлович Левин, он руководил ею до самой своей смерти в 1994 г. Сначала это был литературный кружок для школьников в Московском дворце пионеров, затем кружок перекочевал в Центральный дом культуры железнодорожников, где и стал называться студией «Магистраль». Позже студия работала в других клубах и домах культуры. О ней пишет в романе «Автопортрет» один из «выпускников» студии Владимир Войнович. Многие молодые поэты 50–60-х годов начинали свой путь в «Магистрале», а маститые авторы — были гостями студии.

М.С. была дружна с Верой Звягинцевой. Они говорили друг другу «ты», обе переводили армянских поэтов и вместе ездили в Армению. Однако никогда я не видел Веру Клавдиевну в доме Петровых.

Как-то Вера Клавдиевна сказала, что теперь модно иметь кого-нибудь репрессированным.

— Я чуть не дала ей плюху, — сердясь, рассказывала М.С. — Такое говорить мне...

В лагере погиб её муж, отец Ариши*. В лагерях закончили свою жизнь многие её родственники** и близкие друзья.

— Помнится, в большой компании Вера позволила себе ляпнуть такую фразу: «Я вполне лояльная, а вот N — не наш человек». Причём про своего близкого друга. Он с ней перестал видаться после этого! — рассказывала М.С.

Однажды, придя с ходатайством в здание МГБ, она лицом к лицу столкнулась с государственным обвинителем на знаменитых политических процессах 1930-х годов Вышинским:

— У него было такое страшное, нечеловеческое лицо. Такие безжизненные глаза! Мне казалось, что он выходец

---

* Виталий Головачёв, второй муж Марии Петровых, несколько раз был арестован, последний раз — в 1937 г. Погиб в лагере.

** В 1937 г. был расстрелян двоюродный дед Марии Петровых Иосиф (в миру — Иван Семёнович Петровых), епископ Русской православной церкви, с 1926 г. — митрополит Ленинградский.

В 1940 г. в тюрьме погиб дядя Марии Петровых со стороны матери Дмитрий Александрович Смирнов, священник Русской православной церкви. (О нём см.: Смирнова С.В. Священномученик Дмитрий Ярославский (Смирнов) // «О, какая Родина вокруг!...»: материалы литературно-краеведческих чтений (Ярославль, 21 марта 2018 года): к 110-летию со дня рождения поэта Марии Петровых (1908–1979). — Ярославль: Академия 76, 2018. — С. 35–41.)

из могилы. Я потом много ночей просыпалась от страшных снов.

* * *

Редактор издательства «Художественная литература» Галина Полонская, хорошо знавшая Петровых, рассказывала: где-то недалеко от Марии Сергеевны, в том же писательском городке обитала и небезызвестная Евгения Книпович, дружившая некогда с Блоком. Однажды М.С. вышла из дому проводить Полонскую. Подъехала машина, из неё вышла Книпович. При виде Марии Сергеевны она улыбнулась. Прощаясь с Галей, М.С. сказала:

— У неё такая радостная улыбка, как будто она только что задушила своего лучшего друга*.

---

* По воспоминаниям Л.К. Чуковской, сходным образом отзывалась о Е.Ф. Книпович и Анна Ахматова: «Это настоящая леди Макбет. Способна своими руками не только уничтожить предсмертное письмо, но и отравить и зарезать человека». (Лидия Чуковская. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. — Т. 2. 1952–1962. — Москва: Согласие, 1997. — С. 210.) Речь идёт о письме Александра Фадеева, который застрелился 13 мая 1956 г. на своей даче в Переделкине. В этот момент Книпович находилась на его даче, и с её лёгкой руки пошли слухи, что никакого предсмертного письма Фадеев не оставил (письмо, изъятое при обыске КГБ, было обнародовано только в 1990 г.).

Ахматова говорила Чуковской: «Если письма нет, значит, она сама и сожгла его». (Там же.) Лидия Чуковская комментирует эту запись так: «О том, способна или нет Е.Ф. Книпович „отравить и зарезать человека“, я судить не берусь. Но о том, как ей удалось зарезать очередной сборник стихотворений Анны Ахматовой — см. мои „Записки“, т. 3». (Там же. — С. 662–663.) Чуковская имеет в виду сборник «Бег времени», подготовленный Ахматовой к печати в «оттепельном» 1962 году и значительно отличавшийся по составу от того, который вышел в свет с тем же названием в 1965-м. (Там же. — С. 546.) →

Книпович была возле Блока, когда он умирал. Написала об этом удивительно точное и скорбное воспоминание в письме к Корнею Чуковскому, которое он потом привёл в своей книге о Блоке*.

Впрочем, и Блок оставил в записных книжках весьма нелестный отзыв о своей последней возлюбленной («Она вползла в мой дом, как вошь»**).

→ Подробно вся история описана тут: Лидия Чуковская. Записки об Анне Ахматовой: в 3 т. — Т. 3: 1963–1966. — Москва: Согласие, 1997. — С. 60–67, 73–74.

Вероятно, и Мария Петровых столь негативно относилась к Евгению Книпович, поскольку знала, что та, будучи «внутренним» рецензентом издательства, погубила книгу Ахматовой.

* См.: Корней Чуковский. Александр Блок // Корней Чуковский. Собрание сочинений: в 15 т. — Т. 5: Современники: портреты и этюды. — Москва: Агентство ФТМ, Лтд., 2012. — С. 194.

** В дневниках и записных книжках Александра Блока не обнаруживаются неодобрительные отзывы о Евгении Фёдоровне Книпович. Дневниковая запись от 18 апреля 1921 г. — единственная, в которой упоминание Книпович соседствует со словом «вошь»:

«Опять разговоры о том, что нужно жить врозь, т.е. маме отдельно, — неотступные, смутные, незабываемые, для меня навсегда оставляющие преступление, от сознания которого никогда не освободиться, т.е. никогда не помолодеть. И в погоде, и на улице, и в Е.Ф. Книпович, и в m-me Marie, и в Европе — всё то же. Жизнь изменилась (она изменившаяся, но не новая, не пиуова), вошь победила весь свет, это уже совершившееся дело, и всё теперь будет меняться, только в другую сторону, а не в ту, которой жили мы, которую любили мы».

(Александр Блок. Собрание сочинений: в 8 т. — Т. 7: Автобиография. 1915. Дневники. 1901–1921. — Москва, Ленинград: Гослитиздат, 1963. — С. 415–416.)

Книпович должна была быть первым редактором книги Аркадия Белинкова о Тынянове и довела бедного автора до инфаркта своими придирками и требованиями*.

И ещё один рассказ Гали: в середине 1960-х годов Петровых случайно нашла свою любимую школьную подругу. М.С. очень обрадовалась встрече, но, узнав, что в годы гонения на евреев та вела себя очень активно, прекратила с ней всякие отношения и при встрече не подала руки.

* * *

Сказать о Петровых, что она была юдофилкой или армянофилкой, значит ничего не сказать.

Она была истинной русской интеллигенткой. Она любила Россию, её культуру, её лучших представителей, гордилась всем тем, что Россия внесла в мировую культуру, и глубоко презирала чванливых, грубых квасных патриотов. Болезненно переживала, если происходило что-то, унижающее её как представительницу русской нации.

Её живая душа была вся направлена к добру. И всякое проявление зла, несправедливости, исходившее от людей, ею уважаемых, было для неё особенно болезненным.

Она дружила с Пастернаком с начала 1930-х годов, но особенно они сблизилась во время войны, в Чистополе. Они виделись чуть ли не ежедневно, вели бесконечные разговоры. Возможно, в её архивах хранятся записи об этих встречах и разговорах. В Чистополе благодаря стараниям Пастернака состоялся её поэтический вечер, часть прочитанных на этом вечере стихов были опубликованы

---

* Имеется в виду книга: Аркадий Белинков. Юрий Тынянов. — Москва: Советский писатель, 1960. Подробнее об истории её издания, об отношениях с Е. Ф. Книпович и инфаркте, заработанном автором в кабинетах издательства, см.: Аркадий Белинков, Наталья Белинкова. Распря с веком (В два голоса). — Москва: Новое литературное обозрение, 2008. — С. 158–168, 553–554.

в одном из толстых московских журналов*. Мария Сергеевна бережно хранила объявление об этом вечере, написанное рукой Бориса Леонидовича.

---

* Стихи Петровых вскоре после её поэтического вечера были опубликованы в журналах «Знамя» (1943. — № 5–6, № 9–10) и «Октябрь» (1943. — № 3, № 4–5). О времени, проведённом в Чистополе, и первых публичных чтениях своих стихов Мария Петровых писала в автобиографических заметках:

«В город Чистополь (Татария) эвакуировались писатели со своими семьями. Это было трагическое и замечательное время. Это было время необычайной душевной сплочённости, единства. Всё разобщающее исчезло. Это было время глубокого внимания друг к другу. В Доме учителя, часто при свете керосиновой лампы, <...> происходили замечательные литературные чтения. Иногда литературные вечера устраивались в «большом» зале Дома учителя.

В Чистополе был Пастернак (тогда он работал над переводом «Ромео и Джульетты»), был Галкин, был Асеев, Тарковский, приезжал с фронта Липкин. <...>

В Чистополе, в Доме учителя, были и мои чтения. Помню чтение в маленькой комнатке, где в числе других слушали меня Пастернак, Асеев, Щипачёв. Помню большой мой вечер. Самым близким человеком был мне в ту пору Б.Л. Пастернак, с которым я была давно, с 1928 г., знакома. Постоянно бывал у меня мой дорогой друг, замечательный поэт Самуил Залманович Галкин. В Чистополе (и только там) я много встречалась и много разговаривала с Н.Н. Асеевым.

Глубокой осенью 1942 года был мой вечер в Союзе писателей в Москве (в «каминной комнате»). На этом вечере также были Пастернак, Асеев, Щипачёв, Кайсын Кулиев. Все выступавшие говорили о необходимости издания моей книги, но из этого ничего не вышло».

(Мария Петровых. Избранное: Стихотворения; Переводы; Из письменного стола. — Москва: Художественная литература, 1991. — С. 347–348.)

Более подробных воспоминаний о встречах с Пастернаком в Чистополе Мария Петровых не оставила, мемуарного жанра она избегала.

*Мария Петровых.
Москва, начало 1960-х годов*

В её доме состоялась одна из первых читок Пастернаком глав из «Доктора Живаго».

На вопрос, какой же он был, она отвечала:

— Очень наблюдательный. Он всегда видел мир не только внутри себя, но и вокруг. Конечно, бывал всякий — весёлый, хмурый, замкнутый. Когда переводил «Гамлета», бросил курить. Ему казалось, что курение с такой работой несовместимо. Любая его странность была есте-

ственной и даже обыденной.

Но одну его «странность» даже она, при огромной любви у нему, не в силах была оправдать: его отношение к еврейству. Однажды, в годы дикого разгула антисемитизма, когда буквально на глазах всего мира уничтожался цвет советской еврейской интеллигенции, Петровых при встрече с Пастернаком заговорила о происходящем. В ту страшную пору говорить на такую тему можно было только с очень близкими людьми. Пастернак раздражённо прервал её:

— Это вагон не моего поезда. Не вмешивайте меня в это.

Мария Сергеевна была до глубины души потрясена. Её — не еврейку — творившееся задевало больше, чем его, рождённого от еврейских родителей.

Когда я возразил ей, напомнив, что Пастернак выкрест, Мария Сергеевна невесело усмехнулась. По её мнению, Борис Леонидович придумал совершенно невероятную исто-

рию, будто бы русская нянька тайком от родителей отнесла его в церковь и крестила*.

---

* В 1959 г. Пастернак писал об этом в письме к переводчице Жаклин де Пруайяр, готовившей издание его романа во Франции: «Я был крещён своей няней в младенчестве, но из-за ограничений, которым подвергались евреи, и к тому же в семье, художественными заслугами отца избавленной от них и пользовавшейся определённой известностью, — это вызывало некоторые осложнения и оставалось всегда душевной полутайной, предметом редкого и исключительного вдохновения, а не спокойной привычкой». (Борис Пастернак. Полное собрание сочинений: в 11 т. — Т. 10. — Москва: Слово, 2005. — С. 472. Перевод с французского.)

Через несколько лет после смерти Пастернака это письмо было опубликовано адресатом во Франции. (См.: Jacqueline de Proyart. Pasternak. — Paris: Gallimard, 1964. Факсимиле на вклейке между страницами 32 и 33.) В России письмо впервые напечатано в 1992 г. (Новый мир. — 1992. — № 1. — С. 166–167.)

По свидетельству Екатерины Крашенинниковой, Пастернак рассказывал ей об обстоятельствах своего крещения: «Видите ли, я тоже в пять лет полюбил Христа по рассказам няни, но я был не крещён. Решили, что она потихоньку от моих родителей отведёт меня в церковь и окрестит, так как они могут не разрешить. А дальше — что Бог даст, может быть, и они станут христианами». (Екатерина Крашенинникова. Крупицы о Пастернаке // Новый мир. — 1997. — № 1. — С. 206.)

В то же время Галина Нейгауз, вспоминая беседы с Борисом Пастернаком, писала: «Как-то я спросила — крещён ли он и верит ли в Бога? Борис Леонидович ответил, что не крещён, но это не имеет никакого значения, так как крещение только форма; в Бога же верит как во что-то совершенное и непостижимое человеческим разумом, а смерть — это не конец, а только переход из одного состояния в другое, и поэтому она ему не страшна». (Галина Нейгауз. Борис Пастернак в повседневной жизни // Борис Пастернак. Полное собрание сочинений: в 11 т. — Т. 11: Борис Пастернак в воспоминаниях современников. — Москва: Слово, 2005. — С. 561).

Очень сомнительно, чтобы это было правдой. Зачем было няньке, простой женщине, рисковать хорошим местом службы, ради чего? И даже если предположить в ней религиозную фанатичку, решившуюся на такое во имя обращения любимого младенца в свою веру, то надобно знать, что никакой церковный пастырь, да ещё в царские годы, без согласия родителей, без соблюдения определённого в таких случаях ритуала, не согласился бы совершить таинство крещения даже за огромную мзду. Это позже стали креститься тайком, чтобы не навредить себе и родным.

Несколько раз мы возвращались к этой теме, и всякий раз М.С. всё настойчивей отрицала возможность крещения несовершеннолетнего мальчика без согласия родителей. Событие сразу же стало бы гласным, утаить такое было бы невозможно, слишком знамениты были родители Пастернака*.

---

* Схожие сомнения в достоверности истории о тайном крещении еврейского мальчика русской нянькой высказывал и друг юности Пастернака, поэт и критик Сергей Бобров. См.: Е.Б. Пастернак, Е.В. Пастернак, К.М. Поливанов, М.А. Рашковская. Письмо Сергея Боброва к Жозефине и Лидии Пастернак. Ещё раз к вопросу о Борисе Пастернаке и христианстве // *Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана*. — Москва: Водолей, 2010. — С. 604–605.

Удивление выразила и сестра Пастернака Жозефина. В письме к Сергею Боброву от 30 декабря 1967 г. она писала: «Помню, няня приносила нам просвиры из церкви, помню это, — я ещё в постели, она пришла из церкви, даёт мне освящённый кушачек. И, конечно, много брала нас в церковь — в Юшковом пер., рядом с нашей квартирой на Мясницкой. Но крестить „тайно“? Вот это и Лидочке и мне кажется странным, невероятным. Неужели ни родители, ни Шурочка об этом ничего не знали? Между тем Боря пишет об этом в письме Prouart, не станет же он лгать. Это мне непонятно. Да и не важно. Я уверена, что в эти последние годы Боря совершенно искренне прикнул к христианству. Сергей Павлович! Ведь человекская» →

Спустя какое-то время мне стала известна история, произошедшая примерно в те же годы, что и предполагаемое крещение. Князь Львов, директор Училища живописи, ваяния и зодчества, предложил отцу Пастернака креститься, чтобы занять официально пост директора,

---

→ душа сложная штука, Вам ли не знать этого! тут и параллели, и перекрещивания, и парадоксы, тут и „нет“, и в то же время „да“, не исключают друг друга». (Там же. — С. 602).

Об этом см. также: Лазарь Флейшман. Встреча русской эмиграции с «Доктором Живаго»: Борис Пастернак и «холодная война». — Stanford: Department of Slavic Languages and Literatures Stanford University, 2009. — P. 270–277. — (Stanford Slavic Studies; Vol.38.)

Но если признание Пастернака в том, что он был крещён няней, вызывало удивление у его современников (и до сих пор вызывает споры исследователей), то сам факт его близости к христианству и православной церкви был общеизвестен. См., например, эпизод из воспоминаний Софьи Богатырёвой об Иване Халтурине, редакторе и литературном критике, который был соседом Пастернака по писательскому дому в Лаврушинском переулке:

«Иван позвонил весенним вечером, сказал, что идёт подышать воздухом и по пути заглянет к нам. От его Лаврушинского до нашего Руновского неспешным шагом ходу пятнадцать минут. Ждём.

Полчаса нет, час — нет. Встревожились, не случилось ли чего <..>, тут — звонок в дверь: Иван Игнатьевич, целый и невредимый. Говорит отцу:

— Иду сейчас Климентовским переулком мимо церкви, народ выходит после службы. Встретил Пастернака. Знаешь, когда еврей занимается православием, он очень волнуется. Так вот, Борис Леонидович всё это время пересказывал мне четыре Евангелия».

(Софья Богатырёва. Лишний человек нашего времени // Новое русское слово (Нью-Йорк) — 2003. — 1–2 февр. — С. 39.)

кем он фактически являлся*. Леонид Осипович отказался и объяснил князю Львову причину. Как русский художник, писал он в своём ответе, он безусловно причисляет себя к деятелям европейской, иначе говоря, христианской культуры, но покуда его народ избиваем и преследуем, он не вправе изменить ему. К сожалению, этот примечательный документ хранится под секретом в семье наследников Пастернака и до сих пор не опубликован**.

М.С., услышав об этом, сказала, что это ещё одно лишнее доказательство её правоты. И вот ещё один из её доводов: «У Бориса Леонидовича было несколько братьев и сестёр, почему же ретивая нянька выбрала одного, ведь были и младшие дети?»

---

* Заблуждение относительно того, какой именно пост занимал Леонид Пастернак в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, было, вероятно, распространённым явлением уже в то время, когда он преподавал там: «Мне приписывали одно из главных влияний в Училище, и на моё имя даже получались различные письменные просьбы с наивным адресом „вице-директору“ (чем я не был). Может быть, содействовало этому моё пребывание на казённой квартире в здании Училища, а также и то, что я к сердцу принимал и горести, и радости Училища». (Леонид Пастернак. Заметки об искусстве. Переписка. — Москва: Азбуковник, 2013. — С. 111.)

Директором училища ошибочно назвал Леонида Пастернака и биограф Льва Толстого Николай Родионов. (См.: Н.С. Родионов. Москва в жизни и творчестве Л.Н. Толстого. — Москва: Московский рабочий, 1948. — С. 125.) На эту неточность указал Борис Пастернак в своём автобиографическом очерке «Люди и положения». (Борис Пастернак. Полное собрание сочинений: в 11 т. — Т. 3. — Москва: Слово, 2005. — С. 297.) С 1896 по 1917 г. директором училища был князь Алексей Евгеньевич Львов.

** Скорее всего, история, о которой пишет Михаил Ландман, относится к назначению Л.О. Пастернака преподавателем Московского училища живописи, ваяния и зодчества. В воспоминаниях художника, изданных в советское время, действительно, не было никаких упоминаний о еврейском происхож-

→ дении автора и о его нежелании креститься для получения этой должности: «Вскоре после Художественного съезда летом 1894 года ко мне приехал директор Училища живописи князь А.Е. Львов, тогда ещё секретарь Московского художественного общества, и передал мне, как от себя лично, так и от Педагогического совета Училища, приглашение войти в число преподавателей Училища». (Леонид Пастернак. Записи разных лет. — Москва: Советский художник, 1975. — С. 56.) И больше никаких подробностей.

Нам не удалось установить, писал ли Леонид Пастернак князю Львову либо руководству училища о предполагаемом назначении и отказе креститься, и если да, то сохранилось ли письмо. В личном деле Л.О. Пастернака, хранящемся в фонде училища в Российском государственном архиве литературы и искусства, имеется только его ходатайство о зачислении на должность преподавателя фигурного класса, датированное 24 мая 1894 г. Но в этом прошении вопрос о вероисповедании никак не затрагивается. (РГАЛИ, фонд 680, опись 1, ед. хр. 708.)

В более полной версии воспоминаний Л.О. Пастернака, напечатанной в 2013 г., дальнейший ход событий описывается так: «Конечно, я поспешил выразить свою искреннюю радость, а также и глубокую искреннюю благодарность за столь неожиданное и лестное для меня приглашение. Вместе с тем я не преминул указать, что сомневаюсь в возможности его осуществления, так как оно ещё требует формального утверждения Попечителем Училища великим князем Сергеем Александровичем; а так как я еврейского происхождения и не желаю из корыстных побуждений принимать крещение, то и сомневаюсь в утверждении Попечителя. Всё это гуманным и очень либеральным в этих вопросах князем Львовым было передано Сергею Александровичу, который утвердил моё назначение. Должен кстати заметить, что, несмотря на происхождение, я развивался в чисто русской атмосфере, и, несмотря на мою и моей семьи веру в Бога, я вырос вне всяких обрядностей.

В Училище я был зачислен временно сверхштатным. Директор Училища несколько раз пытался ходатайствовать о зачислении меня в штаты, но всё безуспешно: Министерство Двора, при коем числилось Училище, опираясь на «закон», — каждый раз отказывало. Но Львов всё же не терял надежды → на зачисление меня в штаты, главным образом из-за пенсии

Арина Головачёва. Москва, 1960-е годы

* * *

Почти каждое лето М.С. проводила в каком-нибудь подмосковном Доме творчества – Малеевке, Переделкине, Голицыне. Будучи в Москве, я изредка навещал её. Голицыно она любила особенно, потому что с этим местом были связаны у неё какие-то воспоминания.

В этот раз М.С. отдыхала в голицынском Доме творчества, но жила она, помнится, не в самом здании, а в снятом Литфондом частном домике. Она даже не ходила в столовую, а брала завтраки, обеды, ужины домой, что-то

→ для семьи по окончании службы. Сверхштатные пенсии не получали, так же как ни наград, ни орденов, ни чинов (на что я, конечно, даже не счёл нужным обратить внимание). Только я один тогда во всей России, кажется, а затем и поступивший в Училище преподавателем по пейзажному классу И.И. Левитан – числились на государственной службе, не переменив веры». (Леонид Пастернак. Заметки об искусстве. Переписка. – Москва: Азбуковник, 2013. – С. 110.)

прикупала в магазине и у местных жителей. Ариша была после какой-то длительной болезни, и по совету врача ей полагалось пить парное молоко. В тот вечер М.С. собралась за молоком, и я вызвался её проводить.

По дороге мы разговорились. Не припомню, почему, но разговор зашёл о погроме еврейской интеллигенции, учинённом властями в 1948–1953 годах. Среди её друзей было очень много евреев, в том числе и известных писателей, пишущих на идиш, многих поэтов она переводила ещё до войны и после неё – среди них Перец Маркиш, Самуил Галкин, Исаак Борисов, Рахиль Баумволь и другие.

– Не понимаю, – говорила Мария Сергеевна, – у какого изверга могла подняться рука убить Перца Маркиша. Он никогда не был героем моего романа, но был так неопишимо красив, что только зверь мог уничтожить такую прекрасную человеческую особь.

Мы дошли до места. Я остался ждать у калитки, а М.С. отправилась в дом и почему-то долго не возвращалась. Я стоял, задумавшись, под впечатлением нашего недавнего разговора и не заметил, как возле меня остановился какой-то неприглядного вида мужичонка лет шестидесяти. Он ткнул меня пальцем в грудь и довольно бесцеремонно спросил:

– Ты кто?

– Человек! – ответил я веско, видя в его вопросе явную агрессивность.

– А какой нации, извиняюсь? – настойчиво продолжал допытываться он.

У меня не было никакого желания вступать в разговор с этим подвыпившим мужичком, хотелось поскорей от него отделаться.

– Еврей, – отрубил я, давая понять, что разговор окончен, и собирался отойти в сторону.

Мой ответ, к великому удивлению, вверг собеседника в размышления. Он немного помолчал и тихо, раздумчиво и, как мне показалось, совсем трезвым голосом, произнёс:

— Скажу тебе по совести, при евреях правды-то было больше. И веры было больше. А теперь — быдло! — произнёс он и торопливо вошёл в калитку, чуть не столкнувшись с выходявшей Марией Сергеевной.

Я тут же пересказал ей весь этот короткий разговор с мужичком. И обратил её внимание на совпадение, ведь полчаса назад мы с ней тоже говорили о евреях.

— Вот видите, видите! — сказала М.С. — А говорят, что русский народ настроен враждебно к евреям. Но нормальные люди и рассуждают нормально.

Она долго не могла успокоиться.

Позднее при каждой новой вспышке антисемитизма она с негодованием говорила:

— Позорище! Позорище какое!

В её лексиконе слова «позорище» и «стыдоба» были ругательными. Но спустя какое-то время, успокоившись, вспоминала о том мужичке из Голицына:

— Нет, нет... Народ ведь не обманешь. Он всё видит, словами его не обольстишь.

Редактируя большой сборник Юлиана Тувима, она пришла в отчаянье от перевода Бориса Слуцкого. Это было очень ответственное для сборника стихотворение — о матери, погибшей страшной смертью от рук гитлеровцев.

У Тувима было сказано:

Есть на кладбище в Лодзи,
На кладбище еврейском,
Гроб моей матери польской,
Моей матери еврейской.*

---

* В оригинале:

Jest na łódzkim cmentarzu,
Na cmentarzu żydowskim,
Grób polski mojej matki,
Mojej matki żydowskiej.

А у Слуцкого:

На погосте еврейском...

М.С. не знала, как к нему подступиться, как объяснить, что тональность стихотворения не выдержана.

— Что за погост? — жаловалась Мария Сергеевна. — Неужели не знает, что погост — это российское сельское кладбище, чаще всего с церковкой? Да и дальше не лучше: «мамы» вместо «матери». Какой-то неуместный одесский колорит. Какая-то полная душевная глухота!*

Для Тувима это было программное стихотворение, поэтическое продолжение его статьи «Мы, польские евреи». Она была огорчена ещё и потому, что это было чуть ли не единственное стихотворение Тувима «еврейской тематики», пропущенное цензурой.

Другое знаменитое стихотворение Тувима — «Еврейский мальчик» в блистательном переводе Аркадия Штейнберга — цензура отвергла.

Штейнберг в переводе позволил себе некоторую вольность, но Мария Сергеевна, приверженка точности, этого как бы не заметила:

— Зато как крепко сколочено, как поэтично! — радовалась она. И заключила: — Победителей не судят.

---

* Первая строфа стихотворения Юлиана Тувима «Мать» в переводе Бориса Слуцкого была опубликована в таком виде:

На еврейском кладбище в Лодзи,
Под сенью берёзы унылой,
Мама моей еврейки
Польская могила.

(Юлиан Тувим. Стихи / перевод с польского под ред. М. Петровых. — Москва: Художественная литература, 1965. — С. 295.)

М.С. была человеком весёлым, но бывала и очень суровой. Она не любила всякое проявление пошлости. Не терпела её, от кого бы она ни исходила. К своим друзьям она относилась особенно требовательно. То же было и в творчестве. Она как бы чутьём угадывала возможности каждого автора, и требовательность её не знала снисхождения. Одному из переводчиков, достаточно молодому человеку, она внушала, что он работает ниже своих возможностей, другим, наоборот, старалась помочь.

В 1969 году вышла переведённая мною повесть-сказка. В «Книжном обозрении» появилась ругательная рецензия*. Я показал её Марии Сергеевне. Она усмотрела в ней антисемитский выпад и тут же написала ответную рецензию**. Она опасалась, что ругательная статья повредит моему укрепившемуся положению в издательстве.

Это она избавила меня от навязанного мне никчёмного, тягостного для меня псевдонима, которым я долгое время подписывал свои переводы***.

---

* Имеется в виду издание: Соня Лариан. Цветной материк: повесть-сказка / сокращённый перевод с румынского М. Ландмана и Л. Левина. — Москва: Детская литература, 1969.

В рецензии на эту книжку переводчиков обвинили в незнании русского языка. (См.: А. Миних. Кричат... голоса // Книжное обозрение. — 1969. — № 50. — С. 11.)

** Нам не удалось установить, была ли опубликована рецензия Марии Петровых. В её архиве она не сохранилась.

*** В первые годы литературной деятельности Михаил Ландман подписывал свои переводы псевдонимом М. Обручев. Вероятно, редакторы, «навязавшие» ему псевдоним, хотели скрыть еврейское происхождение переводчика. По устным воспоминаниям Софьи Ландман, этот псевдоним был выбран в память о реке Збруч, протекавшей через город Подволочиск, где прошло детство Михаила Ландмана.

— У вас такая прекрасная и звучная фамилия, — убеждала она меня, не подозревая, как я рад этому. — Зачем вам понадобилось брать псевдоним?

* * *

Богатства у Марии Сергеевны не было никогда, но щедрость её не знала границ. Она, имевшая возможность быть несколько не беднее окружавших её коллег, порой была совсем на мели, без копейки денег. И тогда что-нибудь закладывалось в ломбард, относились вещи в скупку или книги букинистам. Случалось, что и брали займы у кого-нибудь из друзей. Но дом и в этих случаях оставался хлебосольным и гостеприимным.

Была очень щепетильна. Допустим, просила по дороге к ней купить сигареты. Отдавала деньги, хотя я отказывался, не брал. В ту пору я тоже курил. Правда, я курил очень крепкие сигареты и без фильтра. Она курила слабые, причём не затягиваясь. Однажды даже позвонила мне домой, винясь, что не вернула деньги за купленную ей пачку сигарет.

Будучи человеком старой формации, она многого не желала принять в новом языке и новых взаимоотношениях. Не нравились Петровых модные словечки, которыми щеголяли многие:

— Все эти «чувак», «чувиха» умрут раньше, чем успеют состариться говорящие.

И всё же она была человеком живым, общительным, весёлым. Сама шутила изысканно и тонко. Обожала всякие литературные и словесные игры, и, если не была загружена работой, охотно затевала их. Хотя чаще зачинщицей бывала её дочь. Играли в буриме — втроём, вчетвером...

Задавался заранее размер стихотворения, каждый писал свою строку, не видя того, что писалось прежде. Результаты бывали преуморительные. Мария Сергеевна вызывалась прочесть. И, покатываясь от хохота (а ведь

и улыбалась она редко!), прочитывала громко и с выражением всякие нелепейшие нелепицы.

У неё была какая-то лишь ей свойственная манера выражаться, свой стиль шутить. В её доме почти у всех знакомых были непрехотливые дружеские прозвища, порой нелицеприятные, но вполне заслуженные.

Переводчик еврейской литературы Гуревич назывался Царевич, по-видимому, по контрасту со своим внешним видом. Маленький, толстенький, подвижный, он меньше всего походил на царевича. Ближайшая подруга Марии Сергеевны поэт и переводчик Юлия Моисеевна Нейман называлась просто тётка Юлка. Про одного молодого человека Ахматова однажды сказала, что он не паж, так он с тех пор и назывался – Непаж.

М.С. и Ариша давно мечтали о собаке. Наконец им раздобыли щенка, дворняжку. Они назвали его Дымка из дворянского рода Лужиных.

Соседа-литератора, высокого, стройного, но весьма манерного мужчину, заходившего изредка, якобы по делу, а на самом деле просто краем глаза поглазеть на какого-нибудь именитого гостя, М.С. как-то назвала «кабальеро». И тут же пояснила:

– Такое впечатление, что он собирается протанцевать с кастаньетами вокруг стола, зорко всех оглядывая. Прежде мы дружили по-соседски, но во время истории с Пастернаком он так перетрусил, что и дорогу к нам забыл.

Про одного весьма известного и плодовитого литератора, чьи рукописи она долго правила, говорила: «Ему необходимо помогать. У него короткое дыхание».

Про другого корыстолюбивого стихотворца, желавшего получить как можно больше переводов в редактируемом ею сборнике, выразилась так: «Всё-то он вьётся вокруг, зубами щёлкает». Тут был и змей, и волк в одном лице.

Про еврейского поэта, коренастого, физически очень сильного человека, писавшего короткие лирико-фило-

софские стихи, которые она многие годы переводила: «Вчера был у меня NN. Опять он надышал несколько стихотворений!»

Однажды она свалилась в гриппе, с высокой температурой, но и тогда её осаждали ретивые стихотворцы. Один такой принёс поэму в восемьсот строк. И сам читал ей.

— И вы выдержали такое чтение? — спросили её.

— Нет, нет, что вы. Бог миловал. Он прочёл только небольшую часть, если бы прочёл всю, меня бы уже в живых не было.

* * *

Как-то Толя Найман стал расхваливать переводы Вячеслава Иванова из Туманяна. М.С. удивилась: «Что вы, Толя! Кардинал* плохо переводил».

Толя тут же пошёл на попятный.

---

* Прозвище Кардинал, вероятно, было порождено слухами, имевшими хождение в московской литературной среде, — о том, что живущий в Италии и принявший католичество поэт Вячеслав Иванов якобы стал кардиналом. Журналист Марк Чарный впервые услышал это в 1937 г. от московского поэта Сергея Городецкого. См.: М. Чарный. Неожиданная встреча (Вячеслав Иванов в Риме) // Вопросы литературы. — 1966. — № 3. — С. 194–199.

Возможно, сам Городецкий и был творцом этого мифа. Подробнее см.: Сергей Доценко. Как Вячеслав Иванов стал кардиналом: Случайное и закономерное в механизме возникновения литературных мифов // Культура русской диаспоры: судьбы и тексты эмиграции: Сборник статей. — Frankfurt am Main: PL Acad. research, corp., 2016. — P. 9–18. (Русская культура в Европе = Russian culture in Europe; Vol. 13).

* * *

Рассказывала, что как-то они со Звягинцевой попали в Армению, когда началась очередная разбойная акция в Союзе писателей. Они сидели рядом с кем-то из армянских поэтов, кажется, Геворгом Эмином, и только спрашивали, слыша знакомые фамилии, ругают или хвалят. И каждый раз слышали ответ:

— Ругают!

И, наконец, в очередной раз спросив, услышали заветное:

— Хвалят!

И далее:

— Хвалят постановление партии и правительства.

* * *

В юности мечтала стать актрисой:

— Я об этом даже Арише ни разу не рассказывала. Вначале занималась с Елизаветой Яковлевной Эфрон, читала «Сожжённое письмо» Пушкина. Елизавета Яковлевна тогда ушла из театра Вахтангова из-за болезни сердца. А вот, слава Господу, жива до сего дня. Она была очень вспыльчива. Я так и не смогла усвоить принципов актёрского чтения. Ушла от неё... И всё же решила поступать в студию. Председательствовал Алексей Дикий. Я по своей инициативе выбрала и читала «Тяжёлую лиру» Ходасевича. Дикий прервал меня, сказал: «Хватит!» На этом моя карьера артистки кончилась.

* * *

Её восхищало любое словесное изящество. Как-то сказала: Николай Гудзий, с которым издавна дружила, написал ей письмо, а она, всегда аккуратно отвечавшая, не ответила. При встрече стала каяться:

— Я такая свинья, такая свинья!
А он с улыбкой вторил:
— Не смею возражать! Не смею возражать!

* * *

Ярмуш в ту пору работал психиатром и пользовался славой хорошего гипнотизёра. Он лечил жену известного поэта, и в награду тот прислал ему только что вышедшую книгу Петровых. Мария Сергеевна спросила:

— Что же он написал на моей книге? «За хорошую микстуру я вам шлю литературу»?

* * *

Однажды в эпидемию гриппа слегли сразу обе, Мария Сергеевна и Ариша. Я по мере сил заботился, приносил продукты и вообще старался во всём им помочь. Как-то зашёл Толя Якобсон, которого долгое время не было, обычно он заходил довольно часто. Школа, где он работал, находилась неподалёку, и во время перерывов между уроками он, как правило, заглядывал к Марии Сергеевне.

На этот раз, увидев обеих лежащих в постелях женщин, он как-то неловко сдёрнул с головы шапку и тихим басом пророкотал:

— Ма-а-ари-я-а-а Серге-е-е-вна-а-а!

М.С. приподнялась:

— Напрасно вы так, Толя. Может, я ещё поправлюсь?

* * *

Помню её замечательное шутовское препирательство с Ахматовой. Анну Андреевну пригласили на вечер памяти Цветаевой. Ехать ей явно не хотелось, и она подыскивала разные причины отказа. Одна из них — отсутствие чулок, которые, как назло, куда-то запропастились. Мария

Сергеевна же считала, что Ахматова должна поехать, и находила массу доводов в пользу поездки. После долгих поисков Ахматова извлекла откуда-то один чулок и мрачно резюмировала:

— Вот, нашла один чулок, но если вдуматься, это дьявольски мало.

— Современный поэт должен быть оригинальным! Чем-то выделяться среди других. Поезжайте в одном чулке! — настаивала М.С.

Я попытался поддержать её. Разумеется, из тщеславия, ведь это мне предстояло повезти Анну Андреевну на вечер и обратно. Ахматова полуобернулась:

— Лыстец, пытаетесь угодить своему мэтру?

— Не обижайте юношу, — вступилась мэтр, — он знает идиш и литовский.

— Литовский? — скривила губы Ахматова. — Разве это для белого человека? В порядочном обществе давно говорят только на санскрите.

На вечер она так и не поехала. Такие вояжи ей были уже не под силу.

* * *

Как-то днём позвонила М.С. Звонить мне не было в её правилах, поэтому я сразу почувствовал неладное. Голос у неё был тревожный. Я попытался выяснить, что произошло, но она лишь сказала, что я должен приехать немедленно. Я мигом собрался. Ехать надо было почти через весь город, в метро и на автобусе.

Она открыла мне дверь и шёпотом сообщила:

— У нас в ванной... мышка.

— Кто? — не сразу понял я.

— Мышь. Животное такое. Маленькое. С хвостиком.

Я всё ещё ничего не понимал, но машинально спросил:

— Где?

— Я же сказала, в ванной.

Я бросился туда. В ванне туда-сюда бегала испуганная мышь, почти мышонок. Я изловчился, чтобы схватить её за хвост и выбросить вон, но Мария Сергеевна поймала меня за руку. И без того встревоженное животное при наших резких движениях ещё больше всполошилось. Мышь стала карабкаться вверх по стенкам ванны, соскальзывала, опять карабкалась. Она была в панике.

Я снова сделал попытку схватить её, М.С. опять удержала меня.

— Не смейте прикасаться к ней, она может вас укусить.

— Тогда дайте мне что-нибудь, старую рукавичку, перчатку, тряпку, наконец.

— Нет, нет. Я не хочу, чтобы к ней прикасались.

— Может, у вас есть мышеловка?

Слово «мышеловка» повергло её в ужас.

— Так что же вы предлагаете? — спросил я.

— Всё должно быть естественно.

Я ничего не понимал.

— Надо положить её... в кошку.

Именно так она выразилась.

Я тут же помчался по соседям искать кошку. Но городок-то на Хорошёвке был писательский, кошки тут у всех были не совсем обычные, писательские. У Штоков, живших в квартире напротив, был один из первых экземпляров теперь уже привычных для Москвы сиамских котов, некоторое время назад завезённых в Россию знаменитым кукольным Сергеем Образцовым. Шток при моём упоминании о мышке гордо выпрямился и величественно произнёс:

— Наш котик не так воспитан, чтобы гоняться за мышами.

У вдовы драматурга Адуева кот был кастрированный и, естественно, мышей не ловил, да и вообще не выходил из дому.

Попытав счастья ещё в нескольких писательских квартирах, я, наконец, осознал, что усилия мои напрасны — никто мне свою кошку не доверит, да ещё для такой неблагоприятной цели, как ловля мышей.

И, поразмыслив, я решил бежать в какой-нибудь пролетарский дом, благо их в округе было довольно много.

Я забыл сказать, что дело происходило на исходе зимы. Всюду ещё лежал отдельными островками нерастаявший заледенелый снег, а я выскочил на поиски без пальто, даже без шарфа, и бежать мне нужно было очень быстро, чтобы не окоченеть от холода.

Я позвонил в первую же попавшуюся дверь на первом этаже многоквартирного дома. Мне открыл подвыпивший коренастый моложавый мужчина в грубошёрстной вязаной блузе и в шлёпанцах на босу ногу. Запыхавшийся от бега, я прямо, без обиняков спросил:

— Кошка у вас есть?

— Ну! — настороженно подтвердил он. — А что она сделала?

Я сбивчиво, но стараясь не размазывать, изложил свою просьбу. Мне казалось, что я рассказываю невразумительно, многословно, и хозяин желанной кошки ничего не поймёт. Но он прекрасно всё понял и перебил меня:

— Рупь!

Мы сторговались на полтиннике. Я пообещал принести кошку обратно, как только дело будет сделано, и ошастливленный помчался обратно.

Кошку отправили в ванную. Она тут же обнаружила и поймала свою жертву. И началась нескончаемая игра кошки с мышью. Это длилось более двух часов. Время от времени кто-нибудь выходил из комнаты и смотрел, что творится в коридоре и кухне, где носилась кошка с пойманной мышью.

Пока кошка забавлялась, явился Толя Якобсон, он тогда был частым гостем у Петровых. Замучив несчастную мышь, кошка потеряла к ней всякий интерес и оставила посреди кухни. Я тайком завернул мышь в старую газету, и, когда Толя собрался уходить, вручил ему, чтобы он её выбросил. А сам, схватив в охапку кошку, побежал отдавать её хозяину, как было уговорено.

Прошло несколько месяцев. Я уехал на лето в Вильнюс к родителям. В одно прекрасное утро к нам в квартиру явился милиционер – меня срочно вызывали в милицию. Обычно я жил целое лето в Вильнюсе без прописки. Многие знакомые меня заверяли, что это чревато большим денежным штрафом.

«Вот ты и достукался! – внушал я себе всю дорогу. – Вот и поиграл с милицией в прятки».

Я подыскивал оправдание для своего проступка – проживание в чужом городе без соответствующего штампа в паспорте. Мне совсем не улыбалось тратить деньги на штрафы.

Меня провели сразу к дежурному.

– Фамилия? – спросил он.

Я назвал себя.

– Петровых знаете?

– Петровых, – мягко поправил я.

– Петровых, – согласно повторил он. – Так знаете?

Я стал объяснять, что М.С. известный человек. Словом, изложил весь её послужной список. Рассказал, что она руководитель нашего семинара в Союзе писателей.

Выслушав меня внимательно, дежурный достал из стола телеграмму и протянул её мне. В ней я прочёл следующее: «Миша, появилась новая мышка. Срочно сообщите адрес кошки. Петровых».

Работники почты, получив телеграмму такого странного содержания, решили, что это шпионская грамота, и вместо того, чтобы вручить мне, отнесли её на всякий случай в милицию.

Всё, выделенное курсивом, – чистейшая придумка Марии Сергеевны и её дочери Ариши, рассказанная мне, когда я вернулся в Москву. Но мышка в самом деле появилась. И кошка, действительно, понадобилась.

Однако дать такого рода телеграмму Мария Сергеевна с Аришей не решились, боясь, что её и впрямь примут за шифровку.

*Мать Михаила Ландмана Полина Самойловна Ландман (слева)
и Арина Головачёва. Москва, 1960-е годы*

* * *

А вот ещё один забавный случай. Как-то летом после купания в бассейне я отправился в гости к Петровых.

— Почему у вас волосы мокрые? На дворе дождь? — спросила она.

— Плавал в бассейне, — отвечал я.

Мария Сергеевна почему-то обрадовалась:

— Майку Толину там не видели?

В раздевалке бассейна в самом деле всегда было тесно, вечно у кого-то что-то пропадало, кто-то что-то находил. Я вспомнил, что искали хозяина валявшейся на полу майки.

— Но я же не знал, что это майка Толи, — оправдывался я.

Ариша расхохоталась и долго не могла успокоиться. А Мария Сергеевна смущённо улыбалась. Оказалось, что речь идёт о Толиной жене Майе Улановской. Якобсон обычно называл жену Майкой, и М.С. настолько привыкла к этому, что и сама машинально назвала её так.

Толя Якобсон был одним из самых любимых её друзей. Его смерть была для неё страшным ударом. В её кабинете всегда висела большая фотография Якобсона.

* * *

Когда я рассорился с Ярмушем, Мария Сергеевна огорчилась. Однажды рассказала сон, что она умерла, и у гроба её мы с Ярмушем помирились. Присутствовавший при этом Толя Якобсон сказал:

— Теперь я займу место Ярмуша!

— Нет, Толечка, вы найдите себе какой-то другой угол. Место Ярмуша в Мишином сердце должно принадлежать только ему.

В этом она сказала вся. Даже своему любимому Якобсончику не могла пожертвовать справедливостью.

* * *

Составляя первый посмертный сборник стихов Петровых, Ариша показала мне неизвестное стихотворение Марии Сергеевны и спросила, не мне ли оно посвящено.

Неужели вот так до конца
Будем жить мы, друг другу чужие?
Иль в беспаятстве наши сердца?
Всё-то думается: не скажи я
Слов каких-то (не знаю, каких!) —
Не постигло бы нас наважденье,
Этот холод и мрак отчужденья,
Твёрдый холод, объявший двоих.

Стихотворение мне было незнакомо. Возможно, что М.С. адресовала его мне. Ни подтвердить, ни отрицать я не мог.

А причина расхождения была не в словах. На слово я бы не прореагировал. Дело было в поступке, которому я не мог найти объяснения.

Мои близкие друзья Бабёнышевы дали Марии Сергеевне прочесть роман Солженицына «Август четырнадцатого». Книгу эту достал им я. Они же, зная о моей дружбе с Марией Сергеевной, предложили ей прочесть роман, когда она

отдыхала летом в Доме творчества в Переделкине. Как-то я был у них в гостях и, уходя, заявил, что собираюсь навес- тить М.С. Они сообщили мне, что книга у неё.

Когда я пришёл к Марии Сергеевне, она ни словом не упомянула о романе. Хотя мне было известно, что она по- просила разрешения показать его Инне Лиснянской. Мне это показалось странным. И чем дольше длилось это умол- чание, тем тяжелей становилось заговорить об этом прямо.

Дело в том, что я постоянно доставал ей для прочте- ния всякие «тамиздатовские» произведения. Перепечаты- вая их, я обязательно один экземпляр давал ей. Так М.С. познакомилась с воспоминаниями Бунина «Третий Тол- стой», с воспоминаниями Ходасевича. Впрочем, всего не перечислишь. Мы ведь дружили на протяжении чуть ли не двух десятилетий. Виделись почти каждую неделю, а то и чаще. До сих пор не понимаю, чем это было вызвано. Но меня такое недоверие глубоко уязвило.

Я как-то исподволь завел разговор о романе Солжени- цына.

— А вы читали? — спросила меня М.С. — Правда, это замечательно?

И опять ни звука о том, что роман у неё и я могу его прочесть. Я ушёл от неё такой побитый и растерянный, что долго-долго не мог прийти в себя.

Это был конец. И была поставлена точка.

Когда Мария Сергеевна позвонила мне спустя какое-то время и, как ни в чём ни бывало, спросила, почему я их совсем забросил, я отвечал сухо и отстранённо, что занят и прийти не могу.

В следующий раз я увидел её лишь на похоронах в Дон- ском крематории...

С Аришей же мы в это время встречались несколько раз. На проводах Гали Полонской, уезжавшей в Израиль. Потом на похоронах Веры Клавдиевны Звягинцевой в Переделкине. И вот опять похороны. На сей раз — Ма- рии Сергеевны.

Выйдя из автобуса, на котором привезли гроб, Ариша бросилась ко мне:

— Знаешь, мама всегда говорила, что ей бы хотелось, чтобы Миша нёс её гроб. Конечно, ещё тогда, давно.

Гроб Марии Сергеевны я нёс вместе с другими.

Потом родились стихи, которые я никому не показывал.

Рукой усталой проведу
По седине.
Осколок осени в пруду
Лежит на дне.

Стволы берёз, стволы осин
Со всех сторон,
Как будто ряд сутулых спин
В день похорон.

Вдруг из души истошный крик
Немой тоски,
Как будто в кожу он проник
И в позвонки.

Как будто сердце раскроил
Звериный звук.
И память кровью обагрил.
— Прощай, мой друг!

Где и когда прервётся нить,
Не увидать.
Прощай! Теперь нам розно гнить,
Не увядать...

Умерла она 1 июня 1979 года, а стихи написались осенью.

Михаил Ландман. Вильнюс, середина 1950-х годов

Вспоминая Мишу...

Друзья – о Михаиле Ландмане

Софья Ландман. Москва, 1956 год

Об авторе: Софья Ушеровна Ландман, урождённая Анбиндер, родилась в 1937 году в Москве. В 1959 году вышла замуж за Михаила Ландмана. Окончила физический факультет МГУ, кандидат технических наук. Работала в научно-исследовательских институтах Москвы и Иерусалима.

Софья Ландман

МЫ ПОЗНАКОМИЛИСЬ В БИБЛИОТЕКЕ

*Я далеко не уверена, что Мише понравилось бы,
что и как я о нём пишу, ну да пусть он простит меня.*

Первый раз я увидела его в общем читальном зале Ленинки*, это был конец лета 1956 года. Вид был необычен: в синем лыжном костюме, ботинки перевязаны проволокой, чтобы не отлетела подошва, вьющаяся шапка волос, а главное — беспокойное подвижное лицо и горящие глаза. Мы с подругой сразу дали ему прозвище «мишигинэ»**.

Я тогда в очередной раз не поступила в институт (на этот раз в Физтех — хотя я набрала на два балла выше проходного, но меня, как и остальных евреев, не приняли) и ходила в Ленинку каждый день.

На моём столе обычно стояла внушительная стопка книг — учебники по математике, физике, литературные журналы, сборники стихов. Я сидела рядом со своей школьной подругой и, когда заметила, что Миша посматривает в нашу сторону, не сомневалась, что ему, как и многим, приглянулась именно моя подруга — очень красивая

---

* Ленинка — Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина в Москве (с 1992 года — Российская государственная библиотека).

** Мишигинэ — сумасшедший (идиш).

девушка, всегда модно одетая. Но когда меня не было, он подошёл и стал расспрашивать её обо мне.

В следующий раз он вызвал меня в коридор поговорить и менторским тоном отчитал, сказав, что у меня нет системы в выборе книг. Я что-то резкое ему ответила, после чего с записками от него ко мне подходил уже его ближайший друг Миша Ярмуш. Подсылал он ко мне и Гену Айги, ставшего потом известным поэтом, а тогда это был смущающийся паренёк маленького роста, говоривший по-русски с сильным акцентом. Миша изводил меня, упорно, часами играя в гляделки. Присылал пугавшие меня записки: «Дэвушка, приходите на тэлеграф!»

Наше знакомство и отношения начались с момента, когда он показал мне книгу Яна Бжехвы «Академия пана Кляксы». Книга была на польском языке, яркая, с красочными картинками, он собирался её перевести и предложить издательству. Миша стал перелистывать страницы и пересказывать содержание, буйная фантазия Бжехвы, красота и обаяние рассказчика сделали своё дело.

Мы пошли домой вместе, а по дороге он читал стихи. Это были его стихи, стихи друзей, стихи мало- и хорошо известных поэтов. Читал он совершенно изумительно, каждое слово стихотворения в его прочтении становилось абсолютно достоверным, правдивым, единственным и необходимым. Это был другой мир, хлебнув которого, я поверила в его истинность и главенство.

С этого вечера, почти не расставаясь, мы прожили вместе почти 42 года — целую жизнь, полную любви, обид и невозможности существовать друг без друга.

Родители Миши не знали, что его не приняли в Литинститут, он убедил их, что учится и получает стипендию. Он голодал, подрабатывал на стройке, ночевал, где придётся.

Иногда ребята из общежития Литинститута бросали ему на пол матрас, и он мог до шести утра оставаться там, иногда он спал в нашем сарае, иногда — в вагонах метро,

которые на ночь отправляли в депо. Я видела, как он спал стоя в телефонной будке, — прямо во время разговора отключался и засыпал. Днём он ходил в Литинститут на интересные его семинары или в Ленинку.

Когда он стал приходиться к нам домой, в коммуналку, соседи написали донос в милицию: мол, ходят неизвестные личности, без прописки. Летом 1959 года мы поженились, пригласив в качестве свидетелей случайных прохожих. Перевод Бжехвы, сделанный Мишей, вышел в 1966 году, потом переиздавался много раз.

Наше знакомство началось с книг, и вся жизнь прошла среди них. У Миши была настоящая страсть к книгам. Он покупал их всегда. Пока не было своего жилья, дарил друзьям.

Когда мы с мамой получили двухкомнатную квартиру, в нашу с ним комнату трудно было пройти — книги были на полках, на столе, на гардеробе, в коробках на полу. Около десяти тысяч: книги по искусству, литературе, философии, лингвистике, детская литература... Он собрал библиотеку русских поэтов, особое пристрастие испытывал к словарям («Слеп я, слеп. Мои поводыри — толкователи и словари», — напишет он в стихотворении).

Половина его библиотеки перекочевала с нами из Москвы в Израиль и живёт в нашей хайфской квартире. Дома всегда были специальные приспособления, чтобы переплести книги. Он сам переплетал свои записные книжки. Это умение пригодилось ему в Израиле, когда он стал работать в библиотеке Хайфского университета: старые, развалившиеся книги списывали, а он приносил их домой и переплетал.

Каким он был? Отчаянным и иногда упрямым до безумия. Поздним вечером потерял на улице стержень от шариковой ручки и три часа в темноте искал его. Он сказал себе, что если не найдёт стержень, то никогда не станет писателем. Нашёл.

Терпеть не мог халтурную работу. Неважно, что он делал, мастерил ли что-нибудь дома, убирал ли двор в «Хеврат

хашмаль»* в Хайфе или переводил стихи или прозу. У него с переводами всегда возникала одна и та же проблема — он не мог вовремя сдать работу, всё время было чувство, что можно сделать ещё лучше, и он правил и перепечатывал работу по многу раз.

У Миши было чуткое ухо. И в разговоре, и в текстах

он улавливал малейшую неискренность, фальшь. К себе был очень требователен, боязнь в чём-то погрешить против истины сковывала его и не позволяла написать воспоминания о многих писателях и поэтах, встречи и разговоры с которыми были записаны у него в дневниках.

Он был остроумным и весёлым. В его записных книжках, среди черновиков стихов и рассказов, среди впечатлений от встреч и прочитанных книг разбросано множество афоризмов, острот, забавных историй. Он смеялся услышанной шутке так, что казалось, что плачет навзрыд — громко всхлипывая, вытирая рукой слёзы.

А ещё у него была сияющая улыбка, от которой на короткий миг отступали все волнения, заботы и на сердце становилось тепло и спокойно.

*Софья и Михаил Ландманы.
Москва, 1980-е годы*

2001

Хайфа, Израиль

---

* «Хеврат хашмаль» — израильская электрическая компания.

Шуламит Шалит и Михаил Ландман. Хайфа, 1995 год

Об авторе: Шуламит Шалит – прозаик, эссеист, радиожурналист. Родилась в 1939 году в Каунасе. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького в Москве. С 1980 года – в Израиле. Её очерки и эссе о литературе, театре и кино опубликованы в многочисленных изданиях Израиля, России, Беларуси, Литвы, Латвии, Армении, Германии и США. Внесла большой вклад в открытие Музея русского искусства им. Марии и Михаила Цетлиных в Рамат-Гане (Израиль). В течение 25 лет была автором и ведущей передачи «Литературные страницы» на израильском радио РЭКА. Автор двух сборников эссе. Лауреат премии им. Ю. Нагибина Союза русскоязычных писателей Израиля (2015). Михаилу Ландману были посвящены две радиопередачи Шуламит Шалит и несколько её публикаций в прессе.

Шуламит Шалит

Билет до станции «Забудь»

Часами я разговаривала с его фотографией и не знала, как начать рассказ о нём. Он сам мне и помог.

Ко мне вернулся старый друг,
Он шёл двенадцать лет.
И понял я при встрече вдруг,
Что нас на свете нет.
Что умер я и умер он,
И умер мир вокруг...

Мой друг ко мне вернулся иначе. Мы потерялись на много-много лет, и голос его пришёл по волнам радио Израиля. Сообразив, что Миша Ландман здесь, но не умея его отыскать, я позвонила в студию, дала номер своего телефона, но назвалась другим именем...

И слышу: «Мне сказали, что меня ищет какая-то Сусанна...»

Мишка! Я закричала в трубку его стихами, которые помнила с семнадцати лет:

Во имя дружбы и любви
Скрепим единства узы.
И поклянёмся на крови
Сладчайшего арбуза!

Эти строки были позывными нашей юности.

И тогда никто не мог предполагать, что, хотя он проживёт в Израиле всего шесть лет, многие старые его стихи обретут новый смысл.

Давай уедем к чёрту на кулички!
Сбежим от этой вязкой суеты,
Где наши сны кромсают электрички.
В котомку сунем фитили и спички
И будем за собой сжигать мосты, —

читал он Ахматовой у Марии Петровых, в доме которой он был едва ли не членом семьи. Они же слушали его «Завещание» («Памяти Петрарки»), где были такие слова:

Не оставлю ни единой строчки,
Подвигом людей не полоню.
Весь умру. До капельки! До точки!
Деревом, сгоревшим на корню.

Если же на кладбище планеты
Выживут хотя бы две души,
Завещаю им твои сонеты,
Купленные нынче за гроши.

Я его никогда не видела без книги. Петрарка, купленный за гроши? Наверное, было и такое. Но и не за гроши. Голодал, но книги покупал всюду и всегда. В Израиле я знала ещё одного такого — покойного уже Илюшу Бокштейна. Их нет обоих. Миша был везде, где книги, — от Арбата и Лавки писателей до самых занюханых развалов. Он знал всех и каждого, и продавцов, и перепродавцов, и истинных книголюбцев.

И ценил истинно мастеровых. Созидающих и слово, и дело.

«Поскольку моя поэтическая биография вся рождена на человеческой, мне бы хотелось попутно рассказать

о себе...» — так Миша начал. И написал полстранички:

«Отец торговал фруктами... Вместе с бабушкой читал он весьма серьёзные религиозные трактаты, а к торговле, пусть даже фруктами, приспособлен не был, и посему дела его шли из рук вон плохо. Мама, напротив, рано обрела специальность, шила женские платья...»*

Мама Полина Самойловна, всем обликом, седой головой-колоколом похожая то ли на польскую графиню, то ли на еврейскую Анну Ахматову. Миша любил её старинной, трепетной любовью. Она его пережила на шесть лет.

Жену свою Соню иначе как Ундиной** Миша не называл. Он посвятил ей несколько стихотворений. Начало одного все мы знали наизусть: «Беатриче! Беатриче! Стал я робок и лиричен...»

А вот другое, шутивное, написанное в один присест, — гимн Ундине:

*Михаил Ландман с матерью
Полиной Самойловной Ландман.
Вильнюс, май 1953 года*

---

* Здесь и далее цитируются неоконченные автобиографические записки Михаила Ландмана, хранящиеся в семейном архиве Ландманов.

** Ундина (от лат. unda — волна) — дух воды в образе женщины в средневековых поверьях.

Софья и Михаил Ландмань. Вильнюс, лето 1958 года

Я пишу о моей жене,
Не инфанте и не княжне,
Инфантильной, немного хрупкой,
Рыжекудрой, слегка смешной,
Занятой в жизни игрой не крупной,
Ставшей из жалости мне женой.

Я пишу о моей супруге,
Друге в несчастье и в счастье — друге,
Ею, как жемчугом, дорожа,
Ласковой голосом и руками,
Не украсившей мой лоб рогами,
Девушке, в гневе нежней ужа.

Я пишу о моей любимой
Женщине, ни с кем не сравнимой,
Шьющей и штопающей мою
Жизнь, изрешеченную долгами,
Перед судьбою и перед вами
Чьим должником себя сознаю.

Когда-то Корней Чуковский сказал Мише, и он запомнил: «Вы счастливый человек. Вы доживёте до двухтысячного года». Миша Ландман родился 7 ноября 1931 года в Подволочиске, в Галиции, а скончался 17 октября 1997-го в Хайфе. Чуть больше двух лет не дотянул до двухтысячного...

Не каждый возвращается в дорогие когда-то места, опасаясь больше потерять, чем найти. Он не страшился. И вот в 1961 году отправляется искать свою речку Збруч, высокие откосы, памятное с детства «ухоженное, строгое еврейское кладбище».

Поеду в деревню, на лоно —
Еврейское детство искать.
Поеду слоняться без дела
У речки по имени Збруч
И в воду бросаться несмело
С высоких насупленных круч.

А если его хватятся, просит сказать, что он

По дикому пастбищу рыщет
Среди разворованных плит.
Еврейское кладбище ищет.
Поёт, причитает, скулит.

И две строфы на идиш (он пишет русскими буквами):

Эс из гевейн а ингелэ
Клейн ви а фингелэ.
Эр от геат цвей зейдес,
Зей обн фарфалн ун эйдес.

Фалн, фалн, фалн трэрн,
Фалн аф ди липн.
Цвишен штибэлэх ун штэрн
Из а мэнч геблибн.

(Было у мальчика двое дедушек. Они пропали, и нет свидетелей. Слёзы падают на губы. Меж домишками и звёздами человек остался).

Смерть дедушек, родных, друзей. Воистину,

Мы выпадаем, как листы из книги,
Но, как листы, ещё сохраним суть
Того, что отразилось в каждом миге
Сознания, и тщатся прощельги
В нас нашу суть, как лист, перечеркнуть.

Немногие знали, что Миша поэт, но все — что прекрасный переводчик и великий книжник. Посреди вечеринки, собрания, банкета он мог оказаться в уголку с книгой и пропасть для окружающих...

Не видеть. Не расспрашивать. Не знать.
Жить в окруженье книжных переплётов.
И ни в какой другой не попадать.
Лбом биться в стенку — дело идиотов.

Таким и был — ироничным и серьёзным. Разным. И вот он возвращается к нам из глубины потери.

В три года Миша взял в руки польский букварь, читал с ребе сидур, молитвенник на иврите, и детские книжки на идиш. К началу войны он учился в русской школе*. Удалось эвакуироваться в глубь России. Свои мемуары Ландман назвал «Миражи»:

«Уральское блёклое небо, извилистое лезвие гор...
Вспоминалось самое лучшее: необъятные горные панорамы, словно вся вселенная раскинута перед тобой. Как было приятно, лёжа на земле, глазеть в небо, видеть плывущие облака. Огромные парусники...»

---

* Город Подволочиск, где жила семья Ландманов, до 1939 г. относился к Польше, а в сентябре 1939 г. был захвачен советскими войсками и вошёл в состав СССР.

Одно из впечатлений четырнадцатилетнего подростка сразу после войны — приезд в Вильнюс. Он описывает мальчонку в чужом городе, на чужом вокзале. Наверное, есть воры. Мать пошла искать, чтоб подвезли. Он то садится на тюки, то кружит вокруг них, как «кот учёный», охраняет. Подъехала коляска с резиновыми шинами. Усатый кучер. Раннее утро. Город оживает.

«А коляска всё катила и катила, мягко убаюкивая меня, восхищённого и успокоенного. Таким красивым до войны был лишь Львов...»

И хотя праздник кончается, и въезжают они в район с мрачными развалинами, разрушенными домами,

«память о тех красивых улицах... вселила в меня надежду и зачатки... незабвенной любви».

Эти слова многое объясняют в его отношении к вещам, к миру, к людям, плотно населившим его жизнь. Память на детали, картины, лица была у него поразительная. Мемуары обещали быть интересными, он их не завершил. Вильнюс он полюбил истово и на всю жизнь:

Вернуться бы в город булыжных и сумрачных улиц,
Где юность осталась и призраком бродит в ночи,
Где некогда музы нечаянно мне улыбнулись.
И дрогнуло сердце, но тут же сказала: «Молчи!»
Отшельником книжным живу, и в закрытые уши
Ни звука не втиснуть...

В пятом классе учительница литературы пришла на урок и не застала никого. Это Миша устроил урок литературы на чердаке. В отместку за то, что она неправильно ставила ударения. Восемнадцатилетнего лирика в литературном объединении при Вильнюсском доме профсоюзов признали мэтром. Читали его стихи девушкам. С большим удовольствием выступал Миша в то время и на театральной сцене — играл в детских спектаклях.

Мой бывший сокурник поэт Юрий Григорьев вспоминает:

«Он был красив, был стройный, пластичный (отчего казался высоким), кучерявый, как Пушкин... Хотя, кажется, рисовался под Маяковского, величаво шествуя по проспекту, читал стихи бархатным голосом: и свои, и Серебряного века, и Багрицкого, и Светлова, и Сельвинского, и своих друзей по старому литкружку...»*

Он любил своих друзей, и ему надо было, чтоб все их знали — Артура Креслова, Мишу Ярмуша, Алёшу Дадьянова, Галочку Танаевскую, Давида Озура и Толю Салиева. Почти все они начинали со стихов, но разбросало их по разным весям и профессиям, и только в Мишиной памяти они остались юными и вместе. О себе не успел, но о каждом из них написал.

Он учился всю жизнь. Но не закончил ни одного вуза. Мы познакомились в подмосковном Переделкине**, где я жила в общежитии Литинститута. Его в институт не приняли, но факультативно учиться можно было, и мы вместе посещали семинар поэтического перевода, который вёл Лев Озеров.

Миша обрушил на первокурсников лавины стихов. Мы чувствовали себя неловко: нас приняли, а его, самого знающего, умного, достойного, не зачислили... Но на семинары он ходил.

Юра Григорьев пишет:

«Его благосклонность к моему обожанию длилась недолго».

Нет, не скажу, что я Мишу «обожала». Я ведь не знала его стихов, вначале даже побаивалась, он казался таким

---

* Здесь и далее цитируются мемуарные заметки Юрия Григорьева, хранящиеся в личном архиве Шуламит Шалит.

** Переделкино — дачный посёлок в ближнем Подмосковье, где находились государственные дачи деятелей культуры, искусства и науки.

взрослым. Но очень скоро он сообщил, что влюбился в библиотеке, Ленинке, в своё рыжее чудо, Ундину, и, приезжая в Переделкино, часами говорил только о ней. И вдруг стало проще. Слушать его я была готова всегда...

На моё восемнадцатилетие из Москвы на дачу в Переделкино приехал руководитель нашего семинара Лев Озеров. Мы с Ландманом провожали его на электричку. И на обратном пути Миша рассказал о своём друге, который много лет поступал в Литературный институт, не поступил, «и вот, — сказал он, — совсем недавно, переходя Тверской бульвар возле Арменторга, попал под машину. И ничего не осталось. Только одна песенка». Мы шли мимо кладбища, на котором ещё не было могил Пастернака и Чуковского, и он её спел.

Девушку эту я знаю давно,
У нас с ней особые счёты.
Девушку эту водил я в кино
Часто после работы.

Шли мы по улице нашей старинной,
А на всех лотках
Мандарины, мандарины
Продавались на всех лотках.

«Мальчик, — сказала однажды она, —
Самый любимый на свете!
Может, сегодня вместо кина
Купишь мне штуки эти?..»

Шли мы по улице нашей старинной,
А на всех лотках
Мандарины, мандарины
Продавались на всех лотках.

Может, из-за Мишиного рассказа или из-за «вместо кина», но незатейливую песенку я мгновенно запомнила и стала петь во всех студенческих, а потом и прочих компаниях, а вслед за мною стали петь другие, и дети мои её знают.

И то же случилось с песней «Экспресс времён». Её поют все. И знают как «Сиреневый туман». Есть в Москве даже музыкальная группа с таким названием. Но я и мои друзья пели так, как впервые спел Миша, на другой мотив. О, как вторила она стуку юных сердец!

Знайτε же, там, в Москве, и на всех ваших окраинах, включая Израиль и США, что **песня «Сиреневый туман» написана Михаилом Хаимовичем Ландманом в соавторстве с Михаилом Юрьевичем Ярмушем**. Я выделяю это, чтобы никакая вдова никакого песнеписца не приписывала её своему мужу, хватит им их славы!

Михаил Ландман:

«Песня эта написана в соавторстве с Михаилом Юрьевичем Ярмушем на мотив какого-то танго, звучавшего в конце сороковых. Была увезена в Калининградское высшее военно-морское училище нашим другом Владимиром Велутисом, тогдашним его курсантом, и там получила распространение. После мы её услышали уже в изменённом виде, много лет спустя. Написана в нашем варианте в 1951 году».

Из самиздатского сборника «Пять девчат о любви поют», составленного и отредактированного мною, изданного в пяти машинописных экземплярах с иллюстрациями Юры Костельцева в 1961 году (технический редактор Марите Глибаускайте):

Экспресс времён

Экспресс времён пришёл на первую платформу.
Я взял себе билет до станции «Забудь».
Чудесный мой состав бесплотен и бесформен,
Крушенью не бывать, спокоен долгий путь.

Сиреневый туман над нами проплывает,
Над тамбуром горит зелёная звезда.
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,
Что с девушкой я прощаюсь навсегда.

Напомнит стук колёс всё то, что ты сказала,
Что выцвела любовь, как ситцевый платок,
Что ты устала ждать* под сводами вокзала,
Где каждый поцелуй — недопитый глоток.

Сиреневый туман над нами проплывает.
Над тамбуром горит зелёная звезда.
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,
Что с девушкой я прощаюсь навсегда.

Это про нас, московских студентов, которые в пору неслыханной, краткой счастливой «оттепели» встречались, захлёб читали запрещённых поэтов, влюблялись, расставались, прощались...

Прошло три года. Мы уже жили в новом семизэтажном общежитии на стыке улиц Добролюбова и Руставели. Миша был давно женат на Ундине. Приходил в гости. Однажды пришёл, когда у меня сидели Новелла Матвеева и Юнна Мориц. Спели «Экспресс».

— Между прочим, — сказал Миша, — я написал ещё куплет.

Из сборника:

Пусть шутят надо мной мальчишки в гимнастёрках,
Пусть пьяный гармонист наигрывает в такт.
Им, право, не понять, что скоро будет стёрто**
Лицо моей земли от атомных атак.

Сиреневый туман над нами проплывает.
Над тамбуром горит зелёная звезда.
Кондуктор не спешит, кондуктор понимает,
Что с девушкой я прощаюсь навсегда.

---

* Так в нашем сборнике, так мы пели. В оригинале у М. Ландмана: «Что ты устала жить». (Примечание автора.)

** В оригинале у М. Ландмана: «Им правды не узнать. И скоро будет стёрто...» (Примечание автора.)

Спустя целую жизнь эту песню целиком, с третьим куплетом, я нашла в архиве Ландмана. Как, впрочем, и «Мандарины». Это его стихи, его песни, а не мифического друга, о смерти которого я столько скорбела.

В одном из ранних сборников Олжас Сулейменов написал, что я, мол, «читала (ему) хорошие стихи, выдавая их за чужие». Скорее всего, он ошибался. Но Миша, правда, читал нам своё, выдавая за чужое.

В записях Ландмана я нашла такой любопытный текст:

«Один знакомый попрекнул: „Ты же когда-то подавал надежды“. Я никому не подавал. Ничего. Я жил и продолжаю жить своей жизнью.

Песня, которую мы с Ярмушем написали в юности, искажённая, изменённая до неузнаваемости, сохранилась до сего дня — безымянная. И продолжает кого-то трогать, раз её поют.

Время и люди фильтруют всё. И эта безвестная слава радует больше, чем радовали бы возвеличивающие тебя слова в какой-нибудь многотомной энциклопедии. Есть люди, нуждающиеся в ней, не могущие без неё жить. Я смог и прожил. Конечно, и мне хотелось быть любимым, необходимым, но не для того, чтобы на тебя глазели и щупали руками.

Я отнюдь не осуждаю людей, которым такая поддержка необходима. Нет! Тысячу раз — нет! Но для себя с юности усвоил непререкаемую истину, изречённую Пушкиным:

Ты царь: живи один...

Ты сам свой высший суд».

Уже после его ухода в Москве вышло очередное издание книги Яна Бжехвы «Академия пана Кляксы» в переводе с польского Михаила Ландмана:

«Пан Клякса откашлялся и начал:

– За долиной, за рекой,
Между небом и землёй,
На Луну ведёт тропинка,
А тропинка – невидимка.

С каждым шагом тропка круче,
То бежит она по туче,
То под радугой-дугой,
То по глади голубой.

И примерно через месяц
Всех приводит нас на Месяц.
Правый глаз мой там бывал,
Очень многое видал,

И о том, что видел глаз,
Поведу, друзья, рассказ...»

Он был замечательный переводчик. И не без пользы посещал семинары Михаила Светлова, Ильи Сельвинского, Сусанны Мар, секцию Марии Петровых. В её доме встречался и беседовал со многими интересными людьми. Преподавал азы идиш Анне Ахматовой, когда она переводила еврейских поэтов.

Круг его общения был обширен. Поэты и переводчики Толя Якобсон и Толя Гелескул. Иосиф Бродский. Анастасия Ивановна Цветаева, подарившая ему автограф Марины Цветаевой. Писательница Сарра Бабёньшева и её дочь – журналист Инайка Бабёньшева. Виктория Швейцер, будущий автор одной из первых книг о Цветаевой. Известный литературовед Юдифь Матвеевна Каган. И это далеко не полный список.

Михаил Ландман перевёл около двадцати книг серьёзной прозы с румынского, чешского, польского. Элегантно перевёл цикл стихотворений Юлиана Тувима.

Его перевод «Когда я вечерами...» стал классическим.

Когда я вечерами бреду по переулку,
Когда в пальто потёртом по улицам шагаю,
Я просто совершаю бесцельную прогулку,
Вот разве что о камни подошвы протираю.

Когда я так шагаю, красивый и весёлый,
В карманы сунув руки по самые запястья,
Раскачиваясь, будто несусь я груз тяжёлый,
Во мне бурлит и бродит моё хмельное счастье!

Автопортрет не только Тувима, но и самого Миши Ландмана.

В Израиле, чтобы не сидеть сложа руки, не ждать ничьей милости, пошёл он работать метлой. В 1993 году его взяли в библиотеку Хайфского университета. Среди книг — вот это было по нему. Съездил в Москву. Она оказалась не то, чтоб совсем чужая, но не та, что прежде. Он уже полюбил Хайфу. Из его записей:

«...Жизнь сложная. Но ведь я сам хотел уехать. Я хотел жить в своём государстве. И живу. А уж если не совсем уютно, то в этом моя личная вина. Не тот возраст, не те возможности».

Тот белый свет, что я слепил
Из уз и муз, — меня слепил.

Его лучшие годы пришлось на времена, когда приличнее было молчать. В Израиле пристрастился к чуду — компьютеру, и стал собирать свои стихи и записи, розданные друзьям. Не всё вернулось. Не всё вспомнилось. Казалось, впереди ещё много времени...

Он ушёл, сильный, высокий, красивый, любимый родными и многочисленными друзьями буквально на всех континентах.

На свадьбе Анны Ландман. Слева направо: Ася Файвуш, Галина Полонская, Михаил и Софья Ландман, Шуламит и Виктор Лифовы, Шуламит Шалит. Хайфа, 1995 год

Снова передо мной тот же портрет Михаила Ландмана: шикарная, густая серо-серебряная шевелюра, он смеётся так открыто, так заразительно, вот сейчас протяжно скажет: «При-и-вет...» И в голосе такая уверенная, такая искренняя радость, будто встреча готова была сорваться, а она — состоялась.

И поэтому нашу встречу-невстречу с тобой, Миша, мне хочется закончить строками поэтессы Марии Петровых, твоего доброго и дорогого друга:

...Вообрази — тебя уж нет,
Как бы и вовсе не бывало,
Но светится твой тайный след
В иных сердцах... Иль это мало —
В живых сердцах оставить свет?..

«В живых сердцах оставить свет» — у тебя это получилось, Миша.

2001–2005 годы
Тель-Авив, Израиль

*Меир Сайтанов (в центре) с Михаилом Ландманом
и его дочерью Аней. Яффо, 1993 год*

Об авторе: Меир (Владимир Аркадьевич) Сайтанов – лингвист, литературовед, исследователь иудаики. Родился в 1948 году в Москве. Окончил отделение структурной и прикладной лингвистики филфака МГУ в 1970 году. Кандидат филологических наук. Живёт в Москве.

Меир Сайтанов

Без Миши стало темнее в этом мире!

Хочется кричать: люди, слышите? Умер светлый, любящий человек, вас это касается, это общая потеря, стало темнее в этом мире!

Для тех, кто не знал его, надо сказать, что он был «единого прекрасного жрецом»*. Всю жизнь он служил в храме поэзии. Есть поэты, читатели, есть критики. Жрецы – редкость. Ощущение слова как священного события мало кому дано. Для этого требуется особое устройство личности, это – дар. Дар священства.

При этом в его переживании слова часто было много индивидуального, недоставало объективности (следствие любви). Он не был критиком, судьей. Мне кажется, он был земным посланником того провиденциального читателя, для которого великие поэты пишут свои стихи. У него был свой голос в мире словесности, голос, наполненный глубиной, тёплыми обертонами. Когда произносились стихи или просто о них заходила речь, Миша выпрямлялся, светлел, излучая особую энергию внимания, серьёзности и нежности. При всём своём замечательном остроумии он не понимал шуток над стихами и стихотворством, словно

---

* Нас мало избранных, счастливых праздных,
Пренебрегающих презренной пользой,
Единого прекрасного жрецов.

Александр Пушкин. «Моцарт и Сальери» (1830).

не слышал их. Внутренняя связь с богиней поэзии была у него постоянной: в глубине он всегда, казалось мне, к чему-то прислушивался. Угадывалось, что там область широкого спокойствия и свободы для него.

От жизни, сколько я понимаю, он ждал немногого. Приход изысканного словосочетания, неожиданное видение образа, понимание какой-то строки или эпизода из жизни поэтов.

Ах, слово, слово, как ты умеешь увлекать и обманывать людей! Защищая, приподымая над мороком бытия, создаёшь иллюзию полноты и осмысленности жизни. Человек летит над землёй, как божественная Ника (у Миши были свои особые отношения с этой фигурой):

В друзьях обман, в любви разуверенье
И яд во всём, чем сердце дорожит,
Забыты им...*

Поэзия была для него воздухом иного мира, она помогла ему уйти от безумия, спасала не однажды от жажды смерти.

Ландман учился у Светлова, был дружен с Марией Петровых, встречался с Ахматовой. Но славой боги не захотели с ним поделиться.

Он почти всю жизнь работал переводчиком, в основном художественной прозы, иногда весьма далёкой от чего бы то ни было поэтического.

По приезду в Израиль пришлось стать чернорабочим на заводе. Но он всегда оставался самим собой, то есть, носителем, как он чувствовал, высшей истины.

А какой красивый он был даже в свои «за шестьдесят»! Как и положено жрецу: высокий, стройный, седой, с абсолютно правильными чертами лица.

---

* Антон Дельвиг. «Вдохновение» (1822).

Его память хранила множество литературных происшествий и mots* за последние полвека — и как он умел их рассказывать (не говорю уже о чтении стихов).

Ушёл он внезапно, незадолго до своего 66-летия, вечером 17 октября 1997 года. Почти за месяц до того у него открылся незамеченный рак. Умирал стоически и в полном сознании. Это трудно вообразить и внутренне пережить. Я не могу смириться. Почему-то с Мишиной смертью особенно не хочется смиряться. Такой хороший был человек, помимо своего жречества, добрый, чистый, наивный, — так доверял слову, людям слова, жизни в слове.

В день его ухода был Суккот, и мы ходили, махали ветвями и кричали Вс-вышнему: «Ошана! Спаси нас! Вычти из этого мира общего недоброго заблуждения и недобровольного»**.

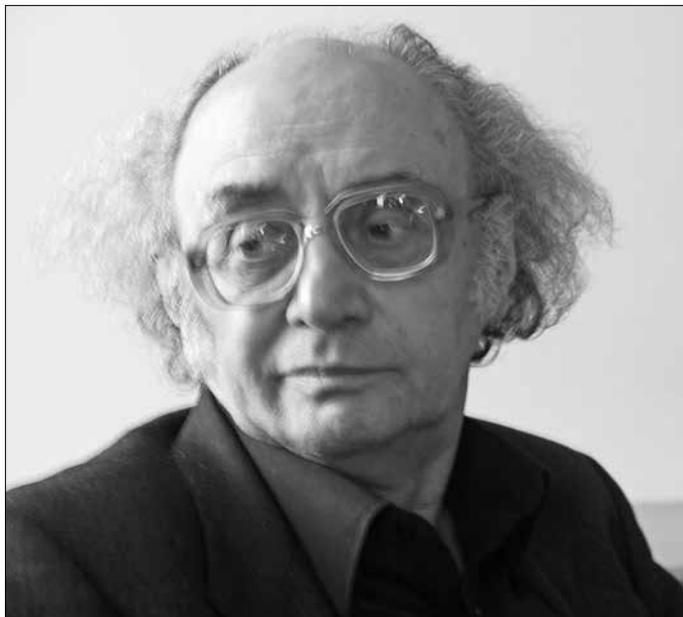
Докричались? Родные плачут, друзья жалеют об утрате. А меня не оставляет непозволительно детская мысль — ну кто же, кто придумал и зачем эту смерть, от которой всем больно?

Октябрь 1997 года
Москва

---

* Mots — остроты (франц.).

** Суккот — еврейский осенний праздник, когда полагается произносить молитвы, вздымая и опуская ветви четырёх растений. При этом многократно повторяется короткая молитва «Ошана!» («Спаси нас!»).

Сергей Рапопорт. Фото из архива Анри Кетегата

Об авторе: Сергей Самуилович Рапопорт (1934–2017) – социолог, исследователь социологии культуры, семьи, повседневности. Автор иронического эссе «Интеллигентские позы. Вильнюс, сезоны 60–70-х годов». Сотрудник Центра социологических исследований Литвы. Редактор-составитель и один из авторов «Альманаха для своих» (Вильнюс, 2001). Жил и работал в Вильнюсе.

Сергей Рапопорт

МХЛ продолжит пребывание

Задание — «свидетельствовать» о Михаиле Хаймовиче в январе 1998-го — дело непростое: во-первых, тут со всех сторон подстерегает искусственность и ритуальность, во-вторых, в связи с хроническим маразмом — координаты времени и места нашей с Мишей совместной прогулки длиной в сорок лет в моей памяти не зафиксированы, поэтому ниже следуют хаотические итоговости, относящиеся к вильнюсскому стилю Мишиного пребывания на этой...

Накануне я переворошил нашу переписку (последнее Мишино письмо — от 23 августа 1997 года) и убедился: каждая строка и все они до октября прошлого года — начиная с ранних шестидесятых годов и до последних — были не растянутыми в истории, а одновременными (включая всё устное, и улыбки, и тембр) — напряжённо живыми; каждая новая строка могла переосмыслить всё предыдущее; до меня медленно доходит, что 17 октября это всё остановилось, разом стало текстом, а жизнь — будто законченным произведением, в котором нет автора, чтобы хоть что-либо поменять, переставить знаки. Видимо, весь этот текст стал достоянием культуры, хотя я-то сам не большой поклонник любой загробности, в том числе — культурной. Но — помимо неё — весь этот смысл, который мы с юности делили (соображали) на троих — Миша, я да Алик Шульман из Торонто, — перешёл во вторую жизнь: в живых встречах с близкими текст Мишин будет вновь

ясно звучать теми подробностями и правдой, которую мы вспомним и оживим, до тех пор, пока ещё оставшиеся живы и сознательны.

На общей территории нашей дружескости важен был стиль. Первые попавшиеся слова для его характеристики — лёгкая торжественность, паниронизм, сквозь который просвечивала патетика, и в первую очередь — макабрическая: мотив смерти обыгрывался с самого порога. Вот хотя бы из стиха 1968 года:

Всё ждём себе — спасительную чашу,
Прислушиваясь к истине вполуха,
Пока для нас заваривает кашу
Костлявая безносая старуха.

Задачей этой стилистики — при подчёркнутом ироническом занижении — было «вознести» героев над заурядностью. Доверялось неслучайности взаимного выбора попутчиков жития. В первой части биографии мы беседовали, прогуливая рядом на цепочках свои мании величия и репетируя позы на предстоящих авансценах культуры; потом этот бред «отпустил», но и вернувшись в подлинную частную жизнь, герои, помимо скупого дружелюбия, сохранили стилистику «талантизма».

Признаю, что Михаил был мужественнее меня в откровенности дружеских проявлений.

Тут и слепому слышно, что излагаемые восприятия скособочены на мой лад; но из этих искажений, которыми мы, кстати, пристально занимались (везде здесь имеется в виду помянутый триумвират) и пытались осмыслить несовпадения, складывалось вполне общее отношение — к недостоверности чужого и официального мира.

Такой же нерасшифрованной загадкой оставалась и остаётся подлинность остального — ближнего круга, серьёзность-игривость, взрослость-детскость, при том, что у всех нас — у одних больше, у других меньше — рыльце

было «в литературе». Странная напряжённость проявлялась в том, что мы с Михаилом до недавнего времени избегали предлагать друг другу свои произведения, меченные «серьёзными» претензиями. Потом — из ожидавшей нас блестящей бесконечности — мы возвращались в другую. В которой время шаталось чуть ли не по кругу. Я вдруг вспомнил, что в день проводов Миши с семейством из Москвы я увёз к себе пакетик писем: они оказались моими же, когда-то отправленными Мише. Круг замкнулся.

Михаил Хаймович имел вкус к новым людям: осторожно знакомился, сразу восхищался и предлагал нам. Но древний круг в Вильно был незыблем; наезжая несколько раз в году, Миша совершал ритуальные визиты по дружеским местам города, иногда я сопровождал его; вкус и изящество встреч были отменными.

Для меня вообще-то прошедшее время глаголов в предыдущем абзаце довольно фальшиво — чужая песня. На балкончике, освещённом, кудряво выражаясь, образной памятью оставшихся — Алика, Вики, меня, Виктора, ещё кой-кого — тут мы столпились — МХЛ продолжит пребывание. Это — уже до конца — часть нашего смысла, пока не свалимся оттуда один за другим или не пропадём в последнем склерозе. Но мрак этот уже после нас; пока же перечисленные ещё здесь, весь этот ворох звуков, прикосновений, объятий, страхов, уюта, идей, — всё, обозначенное словом МИША, торчит в нас и живёт — в одном из важных смыслов этого слова.

Конечно, Мишкина биография имеет ещё одно (да и не одно) измерение — «профессиональное»: поэт, переводчик, литератор и т.п., да для меня эти свойства — совсем из далёкой степи. Для того чтобы познакомиться и отмотать длинную дружбу в компании нескольких кратких смертных жизней — таких документов и оправданий не требуется.

2 января 1998 года
Вильнюс, Литва

Виктор Лиров. 1960-е годы

Об авторе: Виктор Петрович Лиров (1927–2019) – поэт, библиограф, доктор филологических наук. Родился в Москве. Окончил Московский библиотечный институт (ныне – Московской государственной академии культуры). После выпуска по распределению уехал в Вильнюс. Работал в библиотечном коллекторе, преподавал в Вильнюсском университете. Выучил литовский язык и читал лекции по-литовски. В 1973 году репатриировался в Израиль. Профессионально овладел ивритом и заведовал библиотекой авиационного концерна Israel Aerospace Industries. Автор книг стихов «Из архива: Избранное из избранного» (Вильнюс – Иерусалим, 2000) и «О звёздах» (Marlboro, New Jersey, 2007).

Виктор Лиров

О друге

Прошёл почти год...

Почему всё не так? Вроде всё, как всегда:
То же небо, опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода —
Только он не вернулся из боя!

Это любимый мой Высоцкий, которого Миша привёз впервые из Москвы в Вильнюс — и спел у нас дома.

Всю жизнь «сражался» против пошлости, скуки, бездарности, уродства окружавшей нас реальности... Как же это случилось, что это именно он, Миша, почти год тому назад «не вернулся из боя»?!

Эта песня всё время крутится в мозгу. Вот если бы можно было, как на видеокассете, перекрутить плёнку обратно. Если бы можно было всё переиграть!

Наши мёртвые нас не оставят в беде,
Наши павшие — как часовые...*

О Мише стоит рассказать как о поэте большого духовного потенциала. Это ощущалось всеми, кто соприкасался с Мишей, и это так влекло к нему. Но, к великому сожалению, реализации этого скрытого потенциала мешали

---

* Владимир Высоцкий. «Он не вернулся из боя» (1969).

*Виктор Лиров (в центре) с женой Шуламит
и Сергеем Рапопортом. Тель-Авив, начало 1990-х годов*

и объективные, и субъективные причины. Объективные всем известны: атмосфера 1950–1980-х годов заставляла интеллигенцию в Союзе приспособляться к идиотизму идеологической и психологической советской обстановки, жить с оглядкой на верхи. Это оставляло очень мало места для самовыражения и постепенно делало всех «импотентами», лишало творческой силы и желания создавать настоящую литературу. Как и многие другие, Миша уходил в себя, в то гордое одиночество, которое было спасением для тысяч интеллигентов, не соглашавшихся ни «служить», ни «прислуживаться».

Для Миши с первых же шагов в литературе самым главным стало равнение на вершины — на самых больших русских поэтов, на их требовательность и к себе, и к другим. В этой повышенной требовательности к себе — субъективная причина его творческого молчания. А отсутствие явных литературных «успехов», работа в ящик стола — не-

избежное следствие обстоятельств объективных. У Миши было много товарищей по перу, которые так же, как и он, сменили самовыражение (единственное, чего они жаждали) на переводческую или редакторскую работу. Так родилась целая когорта славных переводчиков с очень многих европейских, азиатских и других языков. Образованию этой когорты послужила и антисемитская литературная политика, ибо пятый пункт был поставлен на стражу «чистоты» родной литературы.

Миша по способностям — прирождённый филолог. У него было необыкновенное чутьё к слову, к его форме, смыслу, оттенкам, к ритму русской речи, её идиоматике. И всегда — стремление к совершенству, бесконечный поиск наилучших вариантов, что очень часто приводило к невозможности поставить точку. Если собственные стихи и прозу Миша, как правило, очень редко кому-то читал (а мне никогда: стеснялся, что ли?), то свои переводы он с удовольствием читал и приносил в подарок. Я стал свидетелем его трудной, очень тщательной работы по переводу с польского стихов Юлиана Тувима, книги для детей Яна Бжехвы, афоризмов Станислава Ежи Леца, пьесы Славомира Мрожека*. В стихах добивался гармонии и естественности, а проза была живой, гибкой и ритмичной.

Самовыражения (то есть собственного творчества) он никогда не бросал, но оно раздробилось на многие заметки, сценки и дневниковые записи. В его записных книжках — множество живых наблюдений и «сердца горестных замет». Их он накапливал упорно всю свою сознательную жизнь. Стихи его тоже остались в ящике письменного стола, ненапечатанные...

Мы познакомились в Библиотечном коллекторе в Вильнюсе в октябре 1952 года. Я прибыл туда из Москвы, по назначению после института. Был зачислен библиографом

---

* Согласно устным воспоминаниям Софьи Ландман, перевод пьесы Мрожека не был опубликован.

в коллектор. Конечно, там даже не знали, что такое библиограф и зачем он нужен. Так что первые три месяца мне пришлось работать упаковщиком книг (это после института!). Там же работал упаковщиком и Миша.

Возвращаться в Москву мне не хотелось — очень уж понравился Вильнюс, и, кроме того (а пожалуй, это главное!), появилась любовь. Любовь и Вильнюс соединились в одной точке: открытие остатков еврейства. Оказалось, что это большой, весьма независимый и очень близкий мне мир, о существовании которого, живя в Москве, я и не подозревал. В те времена ассимиляция в Москве шла полным ходом. А в Вильнюсе — еврейские лица (родные мне) и певучий идиш. И Миша, надо сказать, был частью этого еврейства: и лицом, и гордой осанкой, и всем своим великолепным обликом, да и некоторым (с детства) знанием идиш.

Мы сразу же подружились: помимо всего меня интересовал в нём Вильнюс, его во мне — Москва. Оказалось, что оба пишем и любим стихи. Я с некоторым страхом прочёл свои, под сильным тогда влиянием Маяковского. И наткнулся на некоторый холодок — Маяковский был официальным поэтом, и потому для Миши неприемлем. Впоследствии Миша написал любопытный опус, развенчивающий Маяковского как поэта. Только дореволюционный этап творчества принимался им. Тем не менее он любил цитировать Маяковского, иногда в шутку, чаще всерьёз. Очень ему понравилось много позже написанное Юрием Карабчиевским эссе о Маяковском*.

Хотя Маяковский не стал для нас общей «платформой», зато нашлось много общего в нашем с Мишей мироощущении. Кроме любви к стихам и отвращения к официальной жизни, объединяла любовь к парадоксам и чёрному юмору, к одним и тем же книгам: Саша Чёрный, Зощенко, Рабле, эпиграммы, пародии, теория смеха.

---

* Юрий Карабчиевский. Воскресение Маяковского. — München: Страна и мир, 1985.

*Сергей Рапопорт (слева), Шуламит Лирова и Михаил Ландман.
Тель-Авив, начало 1990-х годов*

Миша отличался необыкновенной памятью на книги, афоризмы, шутки. Знал наизусть множество стихов, особенно любил читать поэтов Серебряного века, а читал превосходно, тем более, что голос был редкой красоты. Никогда не забуду, как он читал Ахматову, Гумилёва, Мандельштама и советских поэтов – Багрицкого, Сельвинского, Светлова. Мише я обязан любовью к Цветаевой, Ходасевичу, Пастернаку.

Начитанность его удивляла, и каждый раз я узнавал от него много нового. Это объединяло нас многие годы, несмотря на расстояния, разделявшие нас в нашей с ним более чем пятидесятилетней «истории с географией».

Миша скоро уехал из Вильнюса на учёбу в Москву — там женился и остался. Но он часто приезжал в Вильнюс, который очень любил:

«Мечтаю, ох как мечтаю побывать в Вильнюсе. Всё же — город мой! Посидеть на могиле моей юности, пострадать памятью о былом» (из письма Сергею Рапопорту).

Миша был очень преданным другом — в течение многих десятилетий через его письма и стихи проходят, как лучи, нежность и верность друзьям юности: Рапопорту, Ярмушу, Дадьянову и другим. Мысленно и в разговорах со мной он постоянно возвращался к ним. А когда некоторые из них стали уходить из жизни — переживал их уход как потерю части самого себя.

Особая моя благодарность Мише — за песни русских бардов 1950–1960-х годов. Приезжая в Вильнюс из Москвы, он всегда привозил новые песни Окуджавы, Галича, Высоцкого. Он приходил с гитарой. И гитара, и песни эти (как и другие, так называемого блатного репертуара) замечательно «шли» ему. «Последний троллейбус», и «По Смоленской дороге», и «До свидания, мальчики», и многие другие, ставшие давно классикой, были услышаны мной впервые от Миши. Я был потрясён также песнями Галича, а затем и Высоцкого. Каждый приезд Миши в этом смысле был праздником.

А ещё он привозил с собой тетради отпечатанных на машинке стихов Цветаевой, Мандельштама, Гумилёва, Кузмина, Ахматовой. Это был самиздат, в котором Миша непосредственно и активно участвовал, перепечатывая старые сборники стихов и прозы, ставшие к тому времени ценнейшими библиографическими редкостями. Мишу интересовали не только стихи, но и письма (каким открытием были письма и вся проза Цветаевой!),

и все обстоятельства трагических судеб этих поэтов. Нужно было немало сил и мужества для такой работы в те «подлые» времена.

Московский период в биографии Миши — самый долгий, и только в самом конце обнаружится, сколько разного литературного материала постепенно накапливалось в его записных книжках в это время. Лёгкий в общении, щедрый на шутки, на песни и стихи, которых он так много знал, Миша был знаком со многими крупными поэтами, переводчиками, деятелями книги, среди которых Ахматова, Чуковский, Светлов, Мария Петровых. Постепенно у него возникло желание описать свои встречи с литераторами, но очень многое откладывалось на «потом».

Постепенно очертания этого «потом» становились всё определённое: Израиль.

Мы уехали в Израиль в 1973 году. Миша был в Москве. Уехали, не увидавшись. Расставание и с Москвой, и с Вильнюсом для меня было «смерти подобно» по многим причинам, но особенно тяжело было расставаться с друзьями. Миша был одним из них. Так и не попрощались.

Какой же радостью была встреча с ним в Хайфе в апреле 1991-го! Настоящее «воскрешение» для нас обоих. Ведь прошло почти двадцатилетие, да ещё какое: оно виделось переворотом, о котором мы мечтали когда-то.

Одновременно с великой радостью родилась тревога за Мишино «устройство» на этой новой для него земле. Хотя многие обстоятельства его биографии и качества личности говорили в пользу быстрой и удачной абсорбции, но всё же мы хорошо знали, как это нелегко.

Чего мы не могли знать и предвидеть, так это что, кроме трудностей абсорбции, Мишу ожидает неожиданная болезнь и быстрый уход...

Всё теперь одному, только кажется мне —
Это я не вернулся из боя.

1998 год
Кирон, Израиль

Далия Эпштейн. Фото из архива Далии Эпштейн

Об авторе: Далия Эпштейн – эссеист, прозаик, переводчик. Родилась в 1937 году в Йонаве (Литва). Окончила Литературный институт им. А.М. Горького в Москве. Перевела на русский язык произведения многих литовских классиков и современных писателей. Автор статей по истории и культуре литовских евреев. Эссе и переводы публикуются в Литве, России, Израиле, Франции. Редактор альманаха «Еврейский музей» (2001–2005 гг.). Заведующая отделом истории Государственного еврейского музея Виленского Гаона (2005–2008 гг.). С 2010 года – составитель и редактор культурно-исторического журнала «Brasta» («Брод»). Лауреат Международного конкурса на лучший перевод с национального языка на русский язык в странах СНГ и Балтии в номинации «Мэтр» (2007). Живёт в Вильнюсе.

Далия Эпштейн

Миша жил стихами

К сожалению, я не настолько плотно общалась с Мишей Ландманом, чтобы написать о нём больше, чем одну или две страницы. Но кое-что осело в памяти.

Я училась тогда в старших классах. Склонности, да и способности, уже были явными – гуманитарными. Возраст, когда открываешь то музыку, то поэзию. Мы с подругой зачитывались японскими хокку – тогда только что вышли первые сборники на русском. Сами что-то кропали.

Время было жуткое – первая половина 1950-х годов. С каким трудом добывали мы книги! Сейчас это трудно вообразить. Стихи переписывали, а позднее, уже в Москве, – перепечатывали, иногда переплетали, создавая видимость книжки. Школа была женской. В младших классах уже учились мальчики, а наше поколение оканчивало среднюю школу как женскую. У некоторых девочек были братья, но у большинства – никого. Каким-то непостижимым образом через этих чужих братьев мы узнавали новости соседней школы – мужской. Оказалось, и там сочиняли стихи. Мне дали почитать целую тетрадку со стихами нескольких ребят. Там были очень сильные! Один из авторов впоследствии стал моим однокурсником по Литературному институту – поэт Юрий Григорьев. Однажды подруга показала мне новые стихи Юры Григорьева, и там был эпиграф:

И я выхожу на дорогу в рваных ботинках,
В которые, как говорил Иржи Волькер,
Лучше всего течёт жизнь .

Подпись — Михаил Ландман. Тогда и задумалась — кто такой Иржи Волькер и кто этот Ландман, которого цитирует десятиклассник Юрка Григорьев.

Из стихотворения Григорьева, кроме эпитафия, я запомнила только последние строчки, и то не полностью:

И лежали они на песке в полотняных рубахах

.....

В сердце не было больше жизнь берегущего страха.

А ветер пел над бурунами: thalatta... thalatta...*

Стихотворение называлось «Четвёртая сказка», в нём описывалось сражение варягов с греками.

...Потом оказалось, что Миша Ландман вместе со всей нашей группой поступал в Литинститут на отделение художественного перевода. Не знаю, почему его не приняли! Он был гораздо талантливей многих из нас. Мы считали его своим, и он часто общался с нами, но мало кто знал, как ему жилось в то время. Скрывал от мамы, что не поступил... Спасала Соня — Ундина, как он её называл.

Уже тогда он был книжник. Одолжила ему «Агаду»** и... больше не увидела её. Ему приглянулся у меня двухтомник А.К. Толстого, роскошное академическое издание, но помнила «Агаду» и не дала. «Агада» была старинная, прекрасно иллюстрированная — кажется, мой отец нашёл её в куче хлама в послевоенное время, когда расчищали развалины. Я ходила в начальную школу по улицам, где валялись открытки, фотографии, книги, почему-то салфетки, многие со следами губной помады... Разглядывала, но не брала.

Я ничего не знала о детстве и юности Миши. Помню только его высказывание о нашем общем знакомом, отлично исполнявшем блатные песни и употреблявшем соответствующую лексику:

---

* море (др.-греч.).

** Агада — сборник сказаний, притч и афоризмов из Талмуда.

— Я с блатными общался, но никогда блатным не был. Никакой там романтики.

Миша жил стихами, а я, признаться, тогда больше увлекалась музыкой.

Каким потрясением для нас был концерт Лондонского филармонического оркестра! Впервые в СССР — гастрологи зарубежных артистов! Как принято, перед концертом исполнялся гимн принимающей страны, затем гимн страны гастролёра. И когда оркестр взял известные соль-до (начало советского гимна), люди зарыдали — настолько чисто звучал оркестр.

А что творилось на Первом конкурсе Чайковского! Мы тогда не знали, что нас назовут шестидесятниками, но чувствовали, что живём в потрясающую эпоху.

И Миша всегда двигался где-то впереди. Он уже тогда знал польскую поэзию, переводил Юлиана Тувима, и, думаю, еврейская тема не была ему чужда. Я его немного стеснялась, у меня не было той одержимости поэзией, которая была свойственна Мише и некоторым моим однокурсникам. Группа наша была не слишком интересной, даже не представляю, как бы он смотрелся рядом с нами на лекциях или на семинарах, настолько он нас превосходил.

Мы редко пересекались. Мне нравилась Соня-Ундина. Всегда радовалась, встречая их на улице в Вильнюсе. Кстати, Миша был в высшей степени вильнюсский человек, возможно, оттого, что знал польский и переводил польских поэтов.

Я была среди тех, кто провожал его на вокзале, когда Миша уезжал в Израиль.

Грустно было узнать, что он умер. Его все любили, а это редкость! И он был красив. Некоторые фотографии Моше Кульбака напоминают мне его...

2022 год
Вильнюс, Литва

Постскрипtum редактора

Даже поэтам не дано предугадать, когда и как их слово отзовется. Готовя к публикации воспоминания Далии Эпштейн, мы обнаружили, что была ещё одна читательница, с ранней юности хранящая в памяти строки Ландмана, которые Юрий Григорьев взял эпитафией к своим стихам.

Галина Голубенко, преподаватель из Санкт-Петербурга, в начале 1960-х гг. жила на Дальнем Востоке, и ей попал в руки рукописный сборник стихов Григорьева, подписанный псевдонимом Грин. Не зная, кто скрывается за этим псевдонимом, она на всю жизнь запомнила стихи неведомого автора. Эпитафия из Ландмана запомнилась ей в таком виде:

Жизнь — это мокро.
И я выхожу на дорогу
В рваных ботинках,
Через которые,
Как говорит Иржи Волькер,
Лучше всего течёт жизнь.

Об этом Галина Голубенко в 2013 г. написала в своём блоге (<https://newsland.com/post/1798286>).

Благодаря помощи Германа Лукомникова удалось установить, что в эпитафии использованы строки из стихотворения Михаила Ландмана «Борьба», написанного в 1954 г. В семейном архиве Ландманов оно не сохранилось, но сохранилось у Александра Бабёнышева в составе подборки стихов, представленных Ландманом в приёмную комиссию Литературного института. В 2011 г. Александр Бабёнышев передал всю подборку Герману Лукомникову.

Вот полный текст этого стихотворения:

Борьба

Жизнь — это окрик!
И я выхожу на дорогу в рваных ботинках, в которые,
Как говорил Иржи Волькер,

Лучше всего течёт жизнь.
Мои калоши обе правые,
И от этого я ещё более силён, ибо опираюсь
на две правые ноги.

Моя дорога... И тут я замечаю, что никогда
не глядел себе под ноги,
Что времени было мало, а я спешил.
Я приходил к людям, которым был нужен
(так мне казалось),
Называл их друзьями и читал им стихи.
Это очень давнее...
Но разве что изменилось?

Разве похож я на денди в малиновых штиблетах,
В штиблетах за 169 рублей,
На этого типа в клетчатой рубашке
С красивым тёмно-серым галстуком?
Он идёт впереди меня, важно выпячивая живот,
Которого у него ещё нет.

— Посмотрите!
Как старательно обходит он лужи.
Как брезгливо огибает прохожих
И с какой боязнью оглядывается на меня,
Человека, вышедшего на дорогу в рваных ботинках,
в которые, как говорил Иржи Волькер,
Лучше всего течёт жизнь.

1954

Как указала нам Алена Махонинова, Ландман цитирует здесь строчку из стихотворения чешского поэта Иржи Волькера «Очищение» (Očista): «Děravou botou líp život teče!» Михаил Ландман, вероятно, познакомился с этим стихотворением в оригинале, так как на русском языке оно не публиковалось. (См.: Иржи Волькер: Биобиблиографиче-

ский указатель. — Москва: Книга, 1980). А рваные ботинки, по-видимому, являлись не только частью романтического образа, но и бытовой реальностью, см. воспоминания Софьи Ландман о первой встрече с будущим мужем: «Вид был необычен: в синем лыжном костюме, ботинки перевязаны проволокой, чтобы не отлетела подошва» (стр. 159 настоящего издания).

Специально для настоящего издания Герман Лукомников, при консультациях Алены Махониновой, — им обоим наша глубокая благодарность! — выполнил перевод на русский язык стихотворения Иржи Волькера:

Очищение

Завтра, небось,
будет утро истёрто в локтях, как пальто моё мятое.
Но поставит Господь туда солнце заплатою,
я ж добавлю своих растрёпанных ветром волос.
Сквозь дырявый ботинок жизнь лучше течёт!
Дырка — это ушко́ или новое око, —
завтра, может, останусь ни с чем одиноко,
что же тогда я увижу?

Думаю, вечер будет как белая псина,
мне ведь захочется, верно, кого-то погладить.
Рядом приляжет она, а за нею — берёза, осина,
лес прибежит, и деревья по всей стране
помчатся и, лишь попрошу, лягут поближе ко мне.
И когда всё вокруг примет этакий вид,
сердце моё возопит, возопит.

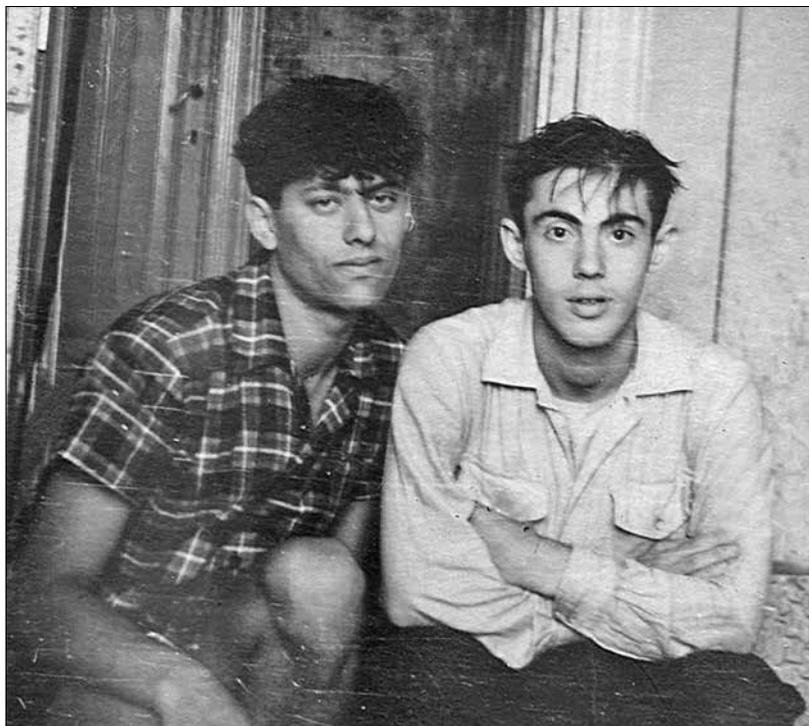
И придёт моя возлюбленная,
которую я никогда не видал,
потому что она обо мне не задумывалась.

Окропит меня священной кровью в ту ночь
и скажет: «Ты чист!»

<1920>

Софья и Михаил Ландманы. Москва, 1971 год

*Александр Бабёнышев (справа) с Михаилом Ландманом.
Середина 1950-х годов*

Об авторе: Александр Петрович Бабёнышев (псевдоним — Сергей Максудов, род. 1938) — историк, социолог, демограф и геолог. В 1960–1970 гг. — активный участник диссидентского движения в СССР, автор, редактор и распространитель самиздата. В 1981 году был вынужден эмигрировать в США. Преподавал в университетах США и Канады. Автор исследований о политических репрессиях и потерях населения в СССР, статей о литературе.

Александр Бабёнышев

«Только слух не исчез...»

«Лета к суровой прозе клонят»* . Это произнёс 27-летний юноша. Что же тогда делать мне, в моём-то возрасте?! Не просто клонят — толкают, гонят, и не к прозе, а, причём того, в мемуары.

Я принадлежу к поколению читателей стихов. Не просто читателей, а читателей-запоминателей, читателей-декламаторов. Ещё в пятилетнем возрасте, не ознакомившись с азбукой, мы перелистывали страницы и в нужных местах с выражением (обычно грассируя) провозглашали: «Скажи-ка дядя, ведь не даром!»**. Мы не первые. Я встречал людей старше меня, которые часами могли декламировать любимые стихи. Но, возможно, мы последние. Кажется, что сейчас головы подрастающего поколения забиты иным.

Это присказка. История же начинается с того, что в 1954–1955 году, окончивая московскую школу, я был знаком, можно сказать, дружил с вильнюсским поэтом Михаилом Ландманом. Его не приняли в Литинститут, и он работал на строительстве мясокомбината имени Микояна.

Мы с ним часами бродили по центру Москвы, заглядывая в букинистические магазины, посещая книжную толкучку и Лавку писателей на Кузнецком. Не то чтобы мы что-то искали, да и денег обычно не было, просто бескорыстно

---

* Александр Пушкин. VI глава «Евгения Онегина» (1826).

** Михаил Лермонтов. «Бородино» (1837).

интересовались существующей литературой. По ходу дела Миша рассказывал о достоинствах того или иного автора, читал свои и чужие стихи.

Он был прирождённый просветитель — что-то узнав или придумав, тут же делился своим открытием. Конечно, в первую очередь речь шла о стихах. Ландман читал их выразительно, свои и чужие, известных и малоизвестных поэтов. Я в свою очередь с его голоса запоминал понравившееся и передавал дальше.

В чтении Ландмана осели в моей памяти и три стихотворения, автором которых был неизвестный мне Григорьев: «Письмо Овидия к Цезарю»*, «Поход греков» («Как по солнечным дорогам»...)** и «Гнездо Лебедей». Как теперь выяснилось, было и четвёртое — «Отелло»***, которое у меня числилось анонимным. Судьбами авторов в то время я мало интересовался. Кроме того, Ландман был примерно на семь лет старше, его знакомые представлялись мне людьми, мало пригодными для общения на равных.

Интересно, что мы с Юрием Григорьевым, как теперь узналось, несколько лет жили совсем рядом, на соседних улицах в посёлке Переделкино.

Не встретились мы и в Вильнюсе, где я как-то побывал в гостях у Ландмана.

В 1964 году мне довелось навестить Иосифа Бродского в ссылке, где мне понадобился весь мой поэтический багаж. Дело в том, что в избушке поэта не было электри-

---

* Опубликовано под заголовком «Письмо Овидия Августу». (Юрий Григорьев. Ликейский свет в исчезнувшей стране / составители А.П. Бабёнышев, И.П. Бабёнышева, Г.Г. Лукомников. — Москва, 2013. — С. 12.)

** Опубликовано под заголовком «Война миров». (Там же. — С. 22–25.)

*** Опубликовано под заголовком «Монолог охранника». (Там же. — С. 13.)

чества, и вечером в темноте нечем было заняться, кроме чтения стихов.

Иосиф читал свои, я — те, что помнил. В первую очередь, конечно, не публиковавшиеся, среди которых григорьевские занимали в моей памяти почётное место.

Прошло 36 лет. К очередному юбилею Бродского меня уговорили написать заметку об этой поездке*. В ней я привёл «Письмо Овидия к Цезарю» и предположил, что с ним, возможно, связаны некоторые мотивы «Римских элегий» нобелевского лауреата.

Ещё через десять лет это стихотворение поместили в интернете, в Живом Журнале. Найденное в частном архиве, оно было подписано одной только фамилией, без имени, и читателей призвали разгадать загадку — кто же автор**.

Закипела работа, о которой я не буду рассказывать, поскольку не был её непосредственным участником. Остановлюсь лишь на двух деталях. Меня разыскал один из участников этой эпопеи — Герман Лукомников, поэт, человек, любящий и понимающий стихи. Моя сестра Инна Бабёнышева, филолог и хорошая знакомая Ландмана, купила в своё время сборник Григорьева «Август»***, правда, знакомых нам стихов там не оказалось.

В результате оживлённой переписки в интернете загадка была разгадана. Выяснилось, что автор этого и других замечательных стихов — Юрий Григорьев, что живёт он в Вильнюсе и работает библиотекарем в монастыре. Для завершения сюжета мы с женой отправились в литовскую столицу знакомиться с Юрием Александровичем.

---

* См.: Сергей Максудов. Командировка в Норинскую // Новое литературное обозрение. — 2000. — № 5 (45). — С. 199–207.

** Подробно об этом см.: Герман Лукомников. История этой книги, источники, варианты // Юрий Григорьев. Ликейский свет в исчезнувшей стране. — Москва, 2013. — С. 200–207.

*** Юрий Григорьев. Август: стихи. — Вильнюс: Vaga, 1968.

Михаил Ландман. Конец 1950-х годов

Познакомились. Оказалось, что мы практически одногодки. Обаятельный, живой, к сожалению, не желающий разговаривать о своих стихах («муза отлетела») человек, интересующийся, как и я, российской историей.

Расходясь во многом, мы совпали в очень важном пункте, мы оба воспринимаем исчезновение нашего государства как чудовищное недоразумение, трагедию, обездолившую многих людей, уничтожившую культурное пространство, в котором мы выросли. Мы оба думаем, что ответственность за это преступление в значительной степени лежит на российской интеллигенции, в том числе и на нас.

Мы подружились. В последний вечер пребывания в Вильнюсе, за столиком кафе в центре города, Григорьев в ответ на просьбы почитать стихи прочитал стихотворение Михаила Ландмана «Дятел». Я знал его, но не помнил наизусть:

Я сейчас побегу! Доложу! Донесу!
Передатчик засёк я сегодня в лесу.
Звук был глух и приятен. Невидимый дятел
В сук засохший неистово колошматил.
Дробь и рябь звуковая по лесу неслась.
Как он бил! Как стучал! Я наслушался всласть!
Я забылся. Я был как во сне. Мне казалось,
Что вселенная вновь обращается в хаос,
Что растаяли формы, смешались цвета,
Улетучились запахи, нет ощущений.
Всё исчезло, от дерева и до куста,
От огромных дубрав до мельчайших растений.
Всё исчезло, всё скрылось, развеялось вдруг,
Только слух не исчез, только звук, только стук.

Юра декламировал громко, выразительно. Это был привет из далёкого прошлого, когда пятьдесят с лишним лет назад, стоя на улице Горького, Миша Ландман во весь голос читал мне стихи Юрия Григорьева. Так читал, что я их запомнил навсегда.

2013 год
Бостон, США

Валентина Пазилова.

Фото из архива журнала «Эгоист generation»

Об авторе: Валентина Павловна Пазилова, урождённая Фомина (1938–2009), – историк философии, кандидат философских наук. Юность провела в Вильнюсе, затем жила в Москве. Окончила философский факультет МГУ. Исследователь религиозно-философских учений Н.Ф. Фёдорова, Е.П. Блаватской и некоторых других русских мыслителей XIX века. Соавтор сценария документального фильма «Кто вы, мадам Блаватская?» («Центрнаучфильм», 1991). Редактор отдела философии и психологии журнала «Наука и религия», сопредседатель междисциплинарной секции общества «Знание» России. Художница. Её картины использованы в качестве иллюстраций в книге стихов Юрия Григорьева «Ликейский свет в исчезнувшей стране» (Москва, 2013).

Валентина Пазилова

Время вдруг отступило

Я помню его так: красивое, спокойное взрослое лицо, очень красивые, добрые, внимательные, но спокойные глаза; подаёт всем нищим милостыню, но делает это как-то не только деликатно, но ещё и страдая от этой чьей-то нищеты, как-то очень застенчиво (как если бы правая рука не знала, что делает левая).

Прекрасные глаза с поволокой, светлые, тяжёлые тёмные веки с ресницами — воловьи глаза? Улыбка медленно появляется — крупные красивые зубы — тоже сначала как бы не очень уверенная, а потом вдруг открытая — какие-то ямки в углах рта. Вообще рот, готовый улыбнуться.

Откуда и как я видела эту сцену с нищими? Но я видела своими глазами, наверное, у церкви или костёла — из-за этого теперь у меня впечатление чего-то религиозного в нём. Причём это милосердие как-то странно сочеталось с очень цивильной какой-то одеждой (кажется, что носил он всегда тройку), статной высокой фигурой — такой комильфо.

Ундина — золотоволосая, нежная кожа, какой-то акварельный румянец — я так и думала долго, что её зовут Ундина.

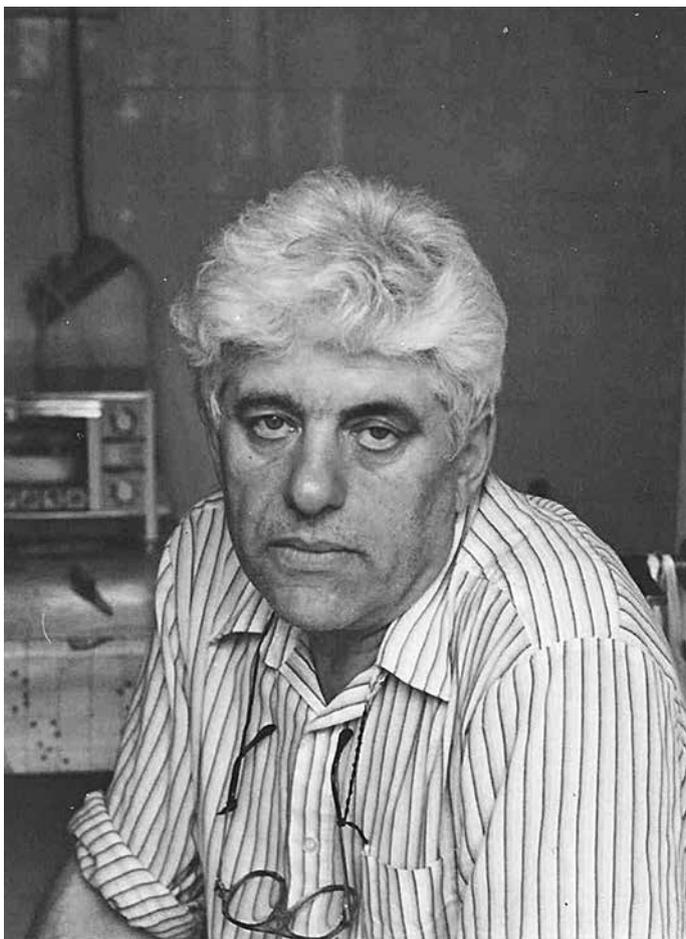
Юра Григорьев ужасно их любил, а Ундину просто обожал. Наверное, и мне передал эту нежность.

Провожая в Израиль, увидела я их — его кудри стали пропылёнными временем, и её золотые волосы паутина сероватая тронула. Я их очень долго не видела — вгляделась —

и как это бывает — время вдруг отступило под пристальным вглядыванием, и из этого тумана (время окутывает туманом лицо — поэтому старое лицо кажется пыльно-серым, а не лиловым и жёлтым — как молодое — кровь + синие жилы + душа) постепенно возникло лицо юной Ундины, и тогда я сказала: «Ундина». А Мишу узнала сразу — по глазам и этой медленной улыбке, светлой и доброй.

Миша писал стихи, но никогда я не слышала их от него — зато Юра их мне читал. Юра знал все стихи на свете, а своих друзей всегда читал с удовольствием.

4 июня 1999 года
Москва

Михаил Ландман. Хайфа, первая половина 1990-х годов

*Виктория Фридман.
Фото из архива Виктории Фридман*

Об авторе: Виктория Фридман – редактор, переводчик. Родилась в Узбекистане, в эвакуации. В 1944 году семья вернулась в Вильнюс. Училась в Вильнюсском университете, начинала на физмате, окончила филологию. Какое-то время работала учительницей в Горной Шории, потом – в основном переводчиком в Вильнюсе. С 1990 года – в Израиле.

Виктория Фридман

Про Мишу. Для своих

– Вы хотите, чтобы я рассказала о нём как о литераторе?

– Ну, если вы знаете его как танцовщика, расскажите о нём как о танцовщике!

Телефонный разговор

Событий не было, сведений не имею, разговоров не помню. А отношения продолжались четверть века! Получается, что надо больше думать, чем вспоминать. То есть вводить в отношения и восприятие человека что-то, чего там, когда они существовали, и духу не было. Реальность, как оказалось, была совершенно безотчётной...

Рассказать о Мише? Тут возникают сразу два препятствия, мешающие разговору. Болтать о человеке без крайней необходимости значит сплетничать. Это раз.

А второе... Я недавно впервые полистала (на добросовестное чтение меня не хватило) «Александрейский квартал» Даррелла. Анализирующий прошлое автор кажется человеком, присутствовавшим на периферии событий, но не допущенным к сути происходящего и нашедшим реванш в самозванном подведении итогов. Так он присваивает то, что его влекло, но с чем он явно не совпадал. Даже если это поверхностное впечатление не относится к Дарреллу, то по какой-то причине желает примоститься здесь.

Почему же я пишу? Наверное, ради Сони. Если что-то получится.

Софья Ландман. Вильнюс, 1957 год

* * *

Мне было девятнадцать (классический зачин!), когда все недоумения перед неприкаянностью внутреннего мира были сняты встречей с Юрой Григорьевым. И однажды Юра значительно сообщил, что из Москвы приехал Миша Ландман с женой, которую зовут Ундина и Соня — по-настоящему.

Было ясно, что я должна получить какое-то впечатление. Но впечатление произвела только Соня. Помню удивительное лицо. Помню зрелище непривычного изящества, сознательного, но не подчёркиваемого. Я даже рисовала потом её лицо вокруг каких-то своих текстов и филологических конспектов. Но во время самой встречи я была рассеяна и по обыкновению наслаждалась присутствием живых людей, ни во что особенно не вникая.

Теперь, задним числом, можно наговорить, конечно, что встреча чуть-чуть отдавала стилизацией. Вокруг Миши не без вкуса играли в «мэтра», правда, не по его инициативе. И ещё. Соня и Миша были семейной парой в мире романтических пар, с отношениями, по определению «круга», не уступавшими никакому роману в подлинности. И это тоже было как бы на ступеньку выше окружения. Но всё это я говорю задним числом.

Такова была первая встреча, и так запомнилась Соня. О Мише мне было сказано, что он учился в Литинституте, мытарствовал в Москве, работал на стройке. О творчестве речи не было. Помнится, Юра читал своё новое, а Миша высказывался. Про строчку «молоко едят ножом и вилок» (это из «Письма Овидия Августу»*) заметил, что она избыточна, «едят» — уже достаточно. Никто не спорил, а я отложила на «подумать», да так и не подумала.

Прошли века (лет семь бурных событий). Я ждала Артёма. Сергей Рапопорт женился. Когда спустя какое-то время приехал из Москвы Миша, решено было сыграть Серёжину свадьбу — без невесты, зато в моей квартире. Скорей всего, Миша это и придумал, чужой тогда, в общем-то, человек...

Наутро после, надо сказать, богатого впечатлениями события Миша позвонил и явился на помощь по уборке. Может быть, и в самом деле мыл и убирал — я бытовой стороны этого феномена не заметила. Люди, которых я любила, да и я с ними, в те времена с понятием физической помощи знакомы не были. Заботы были о внутреннем, с внешним справлялись автоматически — наверно, сил

---

* Здравствуй, цезарь! Ты ещё живой?

Я уже не юный и не пылкий...

Цезарь, верни меня домой!

Здесь такие олухи — зимой

Молоко едят ножом и вилок.

Юрий Григорьев. «Письмо Овидия Августу» (1961).

хватало. И, кажется, предложение помощи сочла поводом для визита, свысока подумав: а на фига тут повод? Напрасно, впрочем. Сегодня мне кажется, что Миша, увидев себя инициатором мероприятия в доме у дамы — как выяснилось — на сносях, мог действительно счесть помощь делом собственного достоинства. Это правда, что Миша был способен к неуловимому принуждению. Но правда и то, что он считал необходимым отдавать долги. Когда ему чего-то хотелось, он не мог удержаться, даже если кому-то это было неудобно. Но он сознавал это и потом хотел восстановить справедливость.

Эту нашу встречу я и считаю «началом отношений».

На следующий день я проснулась знаменитой. Мне позвонили (не помню кто) и сказали, что Ландман провозгласил меня «самой умной» женщиной Вильнюса. Миша любил Вильнюс и любил быть в нём открывателем.

* * *

Никогда не знала, над чем Миша в данный момент работает или кто его любимые авторы. Не знала, сколько ему лет. Надо думать, что если мне в описываемое время было двадцать семь, то Мише — тридцать семь, может, с хвостиком. В этот свой приезд в Вильнюс он ко мне и зачастил. Я особо не задумывалась, почему. Вильнюс был его досугом, а у меня ему, наверно, было хорошо. Мне казалось, Мише нравится, когда к нему не пристают и ничего от него не хотят, а слушают с удовольствием. Со временем ещё и выяснилось, что больших компаний Миша не любил. Сказал как-то при очередном звонке о встрече, что в состоянии разговаривать только тет-а-тет. (Кстати, встречи, которые он организовывал, всегда были продуманы по составу.)

Из наших разговоров помню один, потому что в нём ощутила реакцию. Мы заговорили о Москве и Вильнюсе, о том, как вспоминается родной город издалека. Я сказала,

что как-то — вдалеке — мне подумалось, что ещё и самые умные вещи я слышала, пожалуй, в Вильнюсе.

— Да ну? А Москва?

— В вильнюсской мысли есть точность, а Москва обкатана.

Миша вдруг вник. Весь. Буквально материализовал на секунду в кухне какую-то свою далёкую Москву. Для меня это и по сей день живое ощущение, не сравнимое по остроте с его простодушными монологами, которые я слушала, пожалуй, больше аксессуарами черепа, нежели его содержимым. Это был один из редчайших случаев, когда Миша жил у меня на глазах. А то ведь мне обычно доставалась лёгкая расслабленность досуга или что-то в этом роде, определение чему мне лень искать сегодня и в голову не приходило искать тогда.

Помню, когда Миша зачастил ко мне, Сергей спросил:

— Почему ты с Ландманом встречаешься?

И вопрос меня не удивил. Я ответила, твёрдо зная, что вру, но не найдя ничего ближе к истине и надеясь, что отенок самообвинения сойдёт за правдивость:

— Наверно, мне это льстит.

Ответ был больше, чем натяжка, но теперь я думаю, охватывая заодно и всё последующее, что было какое-то «это», которое не то чтобы льстило, но, может быть, — грело?..

Смешно сказать, но Миша в варианте моей кухни, когда ни слова не говорится о личном, о профессиональном, о трудном, ни слова о настоящем — ну что это было такое? Да мало ли народу там сидело? Кто искал объяснений заурядному житейскому факту? Либо всё ясно, либо не имеет значения.

Серьёзным «это» делал Миша. Значительностью своей личности? Она практически не проявлялась. Ростом? Красотой? Голосом? Наличествовали, конечно, не спорю, как сказал бы Коровьев, но... Миша заявлял это сущим. Вот разве что. Он сам находил это достаточно серьёзным. Его

приходы были оценкой личности. Строго односторонней. С несущественностью взаимности. Наружно невнимательной. А может — и внутренне.

Внимание просыпалось — так мне кажется — на «момент фальши». В отношениях с Мишей это был «момент истины». Тут он мгновенно становился зрячим.

Однажды для разнообразия я решила снять всё-таки драный фартук к его приходу — в конце концов я тоже человек! И даже с наличием пола! Почему же этот факт напрочь игнорируется на фоне профессионального интереса к однородным фактам вокруг? У Миши стало очень выразительное лицо, когда он меня увидел. А я пожалела, что нельзя пойти и немедленно вывалиться в пыли.

Один раз в жизни я видела Мишину работу: он принёс Артёму детскую книжку, перевод польской сказки про пана Ниточку. Помню некоторое своё удивление — ничего от личности! Строго, грамотно, неярко. А один раз ему попался журнал с каким-то моим переводом. Прочёл пару строк и открыл для себя:

— А вы хорошо переводите!

И опять — ощутимо мелькает объём большого разговора, хотя ни слова больше не сказано.

И один раз, но это было уже годы спустя, Миша прочёл мне свои стихи. Одно или два стихотворения. Для меня они тоже оказались полной неожиданностью. Неожиданная для Миши тема (о смерти), неожиданная (при его обычной оживлённости) вялость (как мне показалось тогда, на слух).

И ещё — Миша пел. «О доблестях, о подвигах, о славе» Блока было из любимого.

У Юры из любимого было — «Ночи бродячие, речи несмелые...»* А вот от кого из них я слышала «Сиреневый туман» — «Кондуктор не спешит, кондуктор понимает...»? Не помню. И никто не говорил, что Миша с другом — авторы «Тумана». Узнала об этом совсем недавно и кинулась

---

* Песня Ады Якушевой.

хвастаться вильнюсско-израильской подружке. В ответ мне был предложен совершенно неожиданный взгляд на вещи:

— На золоте сидели! Ничего эти люди не понимали!

* * *

Прошло много лет, прежде чем я увидела Мишу вне моего дома. Впервые, кажется, это произошло в доме его вильнюсских друзей, а запомнилось потому, что тоже относилось к разряду экспериментов по припудриванию носа.

Намечалось дружеское собрание. Старая гвардия. Сергей, Миша. Кто-то ещё. У кого? Склероз. Помню, я сказала Мише, что тоже хочу (увидеть Луну с той стороны). Он объяснил, что взять меня с собой не может. Чужие люди в узком кругу? Исключено! И потом — поступок допускает неправильное толкование: женщину привёл, что это такое? (Женщину! Ха-ха!) Короче, если я готова явиться совершенно самостоятельно, без приглашения, он в свою очередь готов сообщить мне адрес и будет рад меня видеть. Недурно?

Меня всегда занимало, как людям удаются такие вещи. Первый и единственный раз в жизни я управлялась со страхом. Теперь понимаю, что это был ещё и первый и последний раз, когда я обзавелась планом действий. Решила, что надо немного опоздать, — какова находка! Сочинила первую фразу. И пошла.

Никогда не видела, чтобы кто-нибудь открывал дверь, так прочно загораживая вход в квартиру (или почудилось со страху?). Но я, запыхавшись, как нежная бабочка (уж так торопилась!), и пресекая пыхтением попытку хозяина заговорить, вклеила заготовленное:

— Виновата, опоздала. Простите, ради Б-га...

Хозяин заторможенно приступил к осмыслению. Я поспешно (не буду вас задерживать!) вторглась в прихожую и достойно (не беспокойтесь, я сама!) совлекла с себя

пальто. Оглядываясь на хозяина (не смущайтесь незнакомки!), я поплыла в комнату. Хозяин несколько ожил (уж там-то разберёмся!) — и двинул следом. Я вошла.

Сознания я не потеряла, но дальше ничего не помню. Чёртов Ландман, кажется, сделал вид, что рад сюрпризу, который устроил ему хозяин. Сергей, по-видимому, решил, что меня пригласил Ландман. А что думал хозяин, не знаю — объект был опознан, и он промолчал.

На той стороне Луны не происходило ничего чрезвычайного. И даже вообще ничего. Но все любили и почитали друг друга, а я увидела новый для меня, может быть, непубличный, интимный вариант знакомых мне людей. А может быть, просто новый, без примеси меня самой, которая (примесь) уже давно всему придавала одинаковый вкус.

Домой мы возвращались втроём, с Мишей и Сергеем, и это тоже было свежо, как будто я раньше и не догадывалась, что, кроме умения сидеть на кухонных табуретках, мои друзья владеют умением вызвать такси и говорить с водителем.

Вообще Миша с Сергеем вдвоём — это уже была жизнь, тут Миша не заленивался, включал все механизмы. Рядом с ним Миша всегда был восприимчив и сосредоточен. Ничего особенного по-прежнему не происходило, но, Б-же, как бывало тогда хорошо! Безо всяких причин. Ни от чего!

Наверно, необходимо сказать что-то — о Мишиной независимости? Об ироничности, меткой в девяноста девяти случаях из ста? Об отсутствии самоиронии? О какой-то биологической теплоте? О потребности мужского самоутверждения, сильно мне мешавшей? Но дать человеку характеристику всегда было вне моих возможностей. Я, увы, не вижу качеств по отдельности. Знаю только, что Мишина любовь поражала меня противоречием со всем его обликом. Любил он с такой откровенностью, наивностью и безоговорочностью, как не делают и простаки. Так он относился, скажем, к Сергею (что не мешало ему

конкурентно побрякивать полом). Он говорил о Серёже, не стесняясь самых высоких оценок, с такой радостью, словно разве что существованием Сергея и может оправдаться скомпрометированное человечество...

* * *

Миша подарил мне Музиля.

Миша познакомил меня со своей давней вильнюсской подругой Галей Бальчюнене. Его тон сразу установил полное доверие между нами.

Миша рекомендовал мне каких-то гомеопатов в Москве, чтобы подлечить Артёма.

Миша находил, что Тёмкина красота даром пропадает, и однажды не то в валакампийском, не то в немеччинском лесу, где мы (не помню как!) оказались, познакомил нас с пышной, яркой и весьма сдержанной в восторгах московской кинорежиссёршей.

Миша однажды поразил меня просьбой подежурить ночь в больнице у его матери после глазной операции. И вот мы с Мишей и Фридкой (его вильнюсской подружкой и моей родственницей) по очереди сидим у постели Мишиной мамы и обнимаем её, чтобы она не двигалась, или бродим по больничному коридору, не помню, о чём разговаривая. Дистанция, похоже, ни на миллиметр не сокращается, но в полутёмный больничный холл с репродукциями на стенах я и сегодня попадаю мгновенно...

Доступным чёткому ощущению Миша стал для меня только в Израиле. До той поры я воспринимала лишь его обаяние и отношение. И ничего больше: ни его интерес к кино, ни страсть к приобретению книг, ни рассказы о великих мира сего. Всё это для меня было как-то недостаточно наполнено, что ли, не вполне с ним совпадало. Был зазор.

Мишин образ в Вильнюсе был для меня сомнителен — не в том понимании (как у Диккенса), когда сомнительным

называют как раз то, в чём решительно нет сомнения, но всё-таки... В Израиле он прояснился. И самое странное, что живее всего я его ощутила в день похорон.

Миша в Израиле был безоговорочно хорош. Ну как это объяснить? Бесстрашен. Абсолютно активен эмоционально и интеллектуально. О социальной самореализации как будто и не слыхивал. Финансовые проблемы решал в безотчётной увлечённости простыми формами деятельности. Бедность этой семьи выглядела чуть ли не фактором комфорта: ничего лишнего при всём необходимом! А ведь ему было не двадцать лет. И даже не пятьдесят. При этом он не прощался с прошлым и не начинал жизнь сначала. Он был совершенно естественен. Может быть, он ещё в Москве отпереживался, не знаю. И это был тон всей семьи, удивительно достойный.

Иврит учил так же непосредственно, как пейзаж воспринимал. А пейзаж воспринимал живо, что не всякому даётся, а в новом месте — особенно.

Позвонив по приезду, сказал на прощанье «целую», спохватился и с непередаваемой интонацией оправдался: «Рак руку». Блестяще тем продемонстрировав знание и языка («рак» на иврите — «только»), и религиозных обычаев, в которых я к тому времени погрязла.

Стоило ему «сделать карьеру» и сменить работу заводского уборщика на место переплётчика в университетской библиотеке, как к нему прямо с обложек стал прилипать арабский. Это был не академический интерес, а любовное гуманитарно-предметное освоение реальности. Он и компьютер так освоил.

К моменту Мишиного переезда в Израиль я уже давно поняла, что никуда не денешься, надо забыть о машинке — и села за компьютер. Но я всё ещё чувствовала себя в этом деле несвободно. Расковал меня Сонин рассказ о том, что Миша с Аней не отлипают от экрана, по утрам мчатся к компьютеру чуть ли не в ночных рубашках, и это безобразиие невозможно пресечь. А как же они знают, что

делать? А они на кнопки нажимают и запоминают, что получается... Способ меня потряс. И встряхнул.

С заводом Миша, между прочим, расстался небезразлично. Он «обжил» мытьё полов. «Обжил» коллег по этому мытью и привязался к ним. И не потому, что читил демократичность. Он был простой человек по натуре, вот что. Было такое чувство, что проходных моментов в его жизни нет. В Израиле между Мишей и тем, что он собой являл, я не чувствовала никакого зазора.

Чётко ощущались его принципы. Не потому, что он их декларировал, а потому, что жил в соответствии с ними без малейшего напряжения и фальши. И если он говорил о неудачах или о своём отказе литературно сотрудничать с кем-то из бывших друзей или знакомых и приводил причины, то ни в тоне, ни в словах не было ни самоутверждения, ни скрытой обиды, ни подтасовок. Чистая правда.

Впечатление самого подлинного из Мишиных миров произвела на меня его семья. И впечатление это усилилось, когда после похорон мы все пришли в Мишин дом, где я до тех пор не бывала.

Уж не знаю, как в этой семье принимали решения, но когда они осуществлялись, то казались единогласными. Покупку квартиры в Израиле, которая состоит из сплошной нервотрепки выбора, поиска займов, ссуд и гарантов и туманной перспективы огромных долгов на ближайшие тридцать лет, — эту покупку Ландманы проделали так незаметно и тихо, что я и подумала-то об этом, только оказавшись у них в доме. Крохотная квартира должна была обеспечить кров четырём поколениям сразу, и в ней действительно всему нашлось место. Каждый угол был наполнен чьей-то организованной, интенсивной и уютной жизнью...

* * *

Миша позвонил и сказал, что нездоров. Я расспросила, он описал состояние. Я не поняла, что происходит,

хотела только, чтобы его не пугали дурные опасения, и наговорила чепухи, ещё и шутила. Положив трубку, смутно подумала, что разговор не совсем обычный — очень уж простой, совсем без игры. Голос был удивительный. Даже теперь теплом обдаёт. И всё равно я не нашла времени ни позвонить, ни навестить — когда ещё было можно. Правда, и времени этого оставалось совсем немного.

Узнав о его смерти, снова ощутила тепло голоса, и вдруг меня осенило: любящий человек ушёл, другого такого у нас и нет. Он, в общем-то, только тем и занимался, что любил.

Мишино мужество было совершенно органично, даже намёка на усилие в нём не чувствовалось. Странно, что это было совсем незаметно в вильнюсской жизни. Может быть, потому, что там я ни разу не видела Мишу в серьёзной ситуации. А может, что-то главное в нём как-то само собой раскрылось уже здесь, когда никаких надуманных задач в жизни не осталось.

После того разговора я увидела Мишу уже только на экране. Мишина дочь Аня готовила фильм (курсовую работу), в котором Миша играл «заметную роль». Этот фильм, который она так и не успела закончить, мы смотрели, вернувшись с кладбища. Какой же он там неотразимый! Как танцует (вот я и рассказала о нём как о танцовщике, отнюдь того не предвидя), как поёт!

...Соня всегда встречала Мишу, когда он возвращался с работы. Это тоже зафиксировано на экране. Я вижу, как Соня выходит из дому, идёт по падающей куда-то вниз крутой хайфской улице, а из переулка, с улицы уровнем выше, появляется на узкой лестнице Миша. И улыбается.

Соня, сидящая перед экраном, говорит:

— У него такая улыбка, что лица светлеет. Замечаешь?

2001 год
Иерусалим, Израиль

Миша Лангман

Соля Андлингер

Давуг Озыр

Лейша Дадьянов

Таля Бальчонене

Миша Ярмути

Алине Шулман

Витя Лиров

Елена Макарова. Фото из архива Елены Макаровой

Об авторе: Елена Макарова, дочь поэтов Инны Лиснянской и Григория Корина, родилась в Баку в 1951 году, росла в Москве, живёт в Хайфе. Писатель, историк, куратор выставок, арт-терапевт, автор более 40 книг, посвящённых истории, педагогике и арт-терапии. 11 книг переведено на иностранные языки. Лауреат Литературной премии Израиля 1996 года за книгу «Начать с автопортрета»; лауреат Русской премии за книгу «Вечный сдвиг» (2016). Автор романов «Смех на руинах», «Фридл», «Путеводитель потерянных», «Глоток Ширази».

Елена Макарова

Станция «Помни»

В нашей химкинской квартире пышно справлялись дни рождения. Накануне малюсенькая кухня в пятиэтажной хрущёвке превращалась в поле гастрономических действий. Шеф-повар — мама — руководила процессом. Папа перемальывал мясо, лук и зелень в мясорубке, я ошпаривала виноградные листья, предварительно срезав с них черенки, — мама внимательно следила, чтобы из-за моей природной торопливости не пострадало главное блюдо. Затем листья раскладывались на столе, а кастрюля для долмы ставилась на табурет о трёх ножках, и мы с папой принимались заворачивать фарш в листья. Соль, перец, рис и вода в фарше были на ответственности шеф-повара.

Закавказское яство любили Арсений Александрович Тарковский и его жена Татьяна, Мария Сергеевна Петровых и ее дочь Ариша, Семён Израилевич Липкин с женой Ниной и все остальные, кто был зван на моё восемнадцатилетие.

Я же любила Катуллу.

Его обращение к Лесбии в переводе Фета я бормотала про себя, заворачивая мясо в виноградные листья:

Жить и любить давай, о Лесбия, со мной!
За толки стариков угрюмых мы с тобой
За все их не дадим одной монеты медной.
Пускай восходит день и меркнет тенью бледной:
Для нас, как краткий день зайдёт за небосклон,

Настанет ночь одна и бесконечный сон.
Сто раз целуй меня, и тысячу, и снова
Ещё до тысячи, опять до ста другого,
До новой тысячи, до новых сот опять.
Когда же много их придётся насчитать,
Смешаем счёт тогда, чтоб мы его не знали,
Чтоб злые нам с тобой завидовать не стали,
Узнав, как много раз тебя я целовал.

Мама сердилась на папу — он подхалтуривал — завораживал не в пять закуток, а в четыре. Только позже я узнала, что папе влетало не за долму. Уже тогда мама была влюблена в Семёна Израилевича, а тут он явился с женой... Всё шло вкривь и вкось, однако долма вышла вкусной.

На утро остались закуски: салат оливье, винегрет, сыры, колбасы...

Мама всё пробовала, но не всё одобряла. Там не хватает соли, тут масла...

В большой комнате был сервирован раздвижной стол, мы с папой забегались, да и мама приуслала. «Вот бы никто не пришёл...»

Но пришли все.

Я открывала дверь родительским друзьям, прибывшим справлять мои 18 лет, получала подарки и поцелуи, раскладывала по тарелкам закуски и снова бежала открывать дверь. Мария Сергеевна с Аришей сидели рядом и почему-то берегли около себя никем не занятый табурет.

Опять звонок в дверь.

— Это он, — сказала Ариша.

Я открыла дверь. Передо мной стоял величественный мужчина. Красавец. Я спросила его:

— Вы любите Катулла?

Он улыбнулся какой-то невероятной улыбкой и кивнул.

— Нет, скажите, вы действительно любите Катулла?

— Да, я действительно люблю Катулла.

— Тогда проходите, — сказала я.

Красавец переступил порог нашей квартиры, Ариша и Мария Сергеевна указали ему на табурет и представили собравшимся за этим столом мэтрам русской литературы:

— Михаил Ландман, Миша, наш любимый друг и спатель.

— Из какого вы цеха? — спросил его Семён Израилевич.

Миша смутился. Хотя на смуглом его лице краска не проступила.

— Из нашего, переводческого, — ответила за Мишу Мария Сергеевна. — Он переводит Тувима, знает идиш...

Сдав экзамен на зрелость, Миша сел на табурет.

Тувим, идиш... Я не сводила с Миши глаз.

* * *

Мама ушла от папы и поселилась в Немецкой слободе, рядом с Марией Сергеевной и Аришей. Часто, приходя к ним, я встречалась с Мишей. Мы обсуждали всё на свете, но больше всего, разумеется, литературу. Миша жил ею. А поскольку я была начинающим прозаиком, то говорили мы с ним наедине больше о прозе. Помню снежный вечер, Мишино так не вяжущееся с зимой лицо — смуглое, еврейское, не прикрытая головным убором копна слегка седящих волос — между нами было двадцать лет разницы — и Фолкнер с нами. «Шум и ярость». Роман в четырёх частях. Жизнь как повесть, рассказанная кретином Бенджи, лишённая всякого смысла. И всё же полная им. Ибо Бенджи, при всём неразумении творящегося вокруг него, чист душою и помыслами.

Выслушав меня, Миша на следующий день привёз в Химки книгу норвежского писателя Тарьея Весоса и посоветовал прочесть его повесть «Птицы», где главный герой — тоже умственно отсталый подросток.

Повесть «Птицы» и Миша слились для меня в одно. Понятно, не из-за умственной отсталости.

Главный герой — прозрачен. Его деликатность, в целом свойственная персонажам норвежской литературы, ангельская, неземная. И жизнь свою он решает кончить лишь потому, что любит свою сестру и не хочет мешать обрётённому ею наконец семейному счастью.

Мы с Мишей шли по химкинским сугробам, — опять зима! — он вёз в коляске моего новорождённого сына по снегам, — и говорил о том, что внятность чувств, увя, свойственна лишь дуракам и влюблённым.

— Нет пачкотни, — указал он размашистым жестом на хлипкую талую грязь.

Потом Миша и его рыжеволосая жена Соня, прозванная Ундиной, возили милейшую свою дочку Аню в Химкинскую студию эстетического воспитания, где я преподавала лепку.

Словом, наши пути переплетались, мы встречались и расходились, довольные друг другом, а главное, беседами о литературе. Миша — вакх, златоуст, мягкий и внимательный ко всякому слову, служил тем, чьё творчество перевозносил.

Его общение с Анной Ахматовой и Марией Петровых было сплавом поэзии и быта. Об этом он писал в воспоминаниях о Марии Сергеевне.

Я никогда не слышала и не читала его стихов, только переводы.

Он никогда не заводил разговора о себе.

Я не знала, сколько всего он напереводил за свою по сегодняшним меркам недолгую жизнь.

Мало того, живя с 1990 года в Иерусалиме, я не знала, что семья Ландманов живёт в Хайфе.

Не знала, что Миша умер в 1997 году.

А сейчас читаю воспоминания о нём и его стихи:

Экспресс времён пришёл на первую платформу.
Я взял себе билет до станции «Забудь».

*Софья и Михаил Ландманы.
Хайфа, начало 1990-х годов*

Потрёпанная книга Весоса, подаренная мне Мишей, стоит на книжной полке.

Не буду говорить, что все, пришедшие поздравить меня с восемнадцатилетием, отошли в мир иной. Тут никакой загадки. А вот то, что я в возрасте 70 лет наконец-то обратилась к творчеству Михаила Ландмана и через его стихи и воспоминания смогла опознать в них того, настоящего Мишу – поэта, который любил Катутла и всех, кого любила я, – это огромное приобретение. Несмотря на утрату.

2022 год
Хайфа, Израиль

Софья и Михаил Ландманы. Конец 1950-х годов

ФОТОАЛЬБОМ

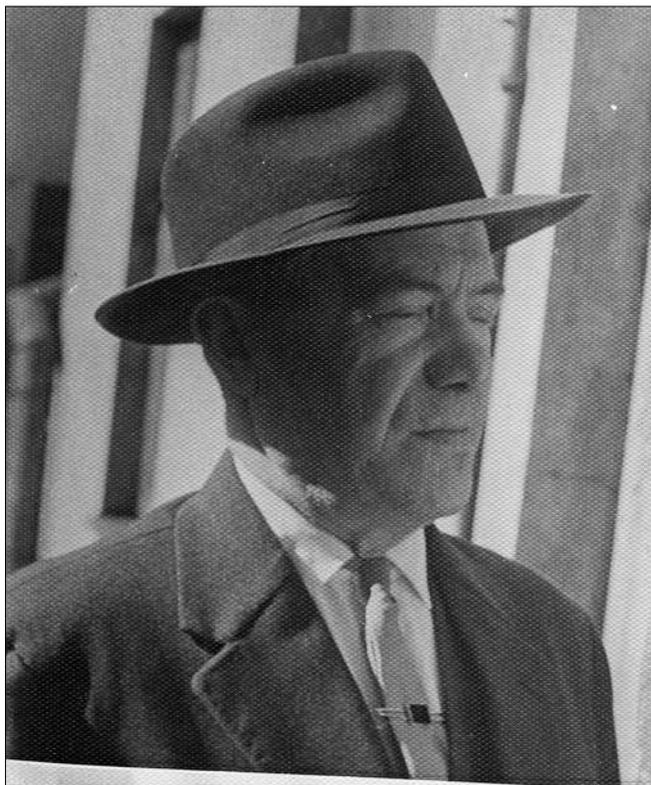

*Родители Михаила Ландмана —
Полина Самойловна и Хаим Абрамович Ландмань.
Вильнюс, 1957 год*

*Мише Ландману два года и семь месяцев. Единственная его
фотография, уцелевшая с довоенных времён.
Подволочиск, июнь 1934 года*

*Хаим Абрамович Ландман, отец Михаила Ландмана.
Вильнюс, 1963 год*

*Полина Самойловна Ландман, мать Михаила Ландмана.
Вильнюс, 1963 год*

Михаил Ландман с родителями. Вильнюс, 1953 год

*На фото — участники молодёжной литературной студии при Доме профсоюзов Вильнюса. В верхнем ряду первый слева Артур Креслов, в центре Алексей Дадьянов. Сидят: второй слева Владимир Велутис, в центре руководительница студии Мария Фёдоровна Садовская, справа от неё — Михаил Ландман и Галина Бальчюнене. Имена остальных выяснить не удалось.
Вильнюс, конец 1940-х — начало 1950-х годов*

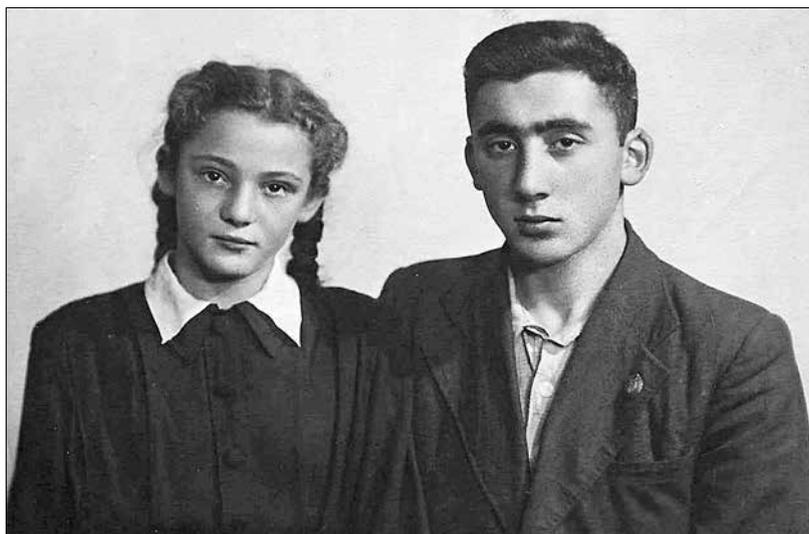
*Михаил Ландман и Леонид Миль (справа).
Начало 1950-х годов*

*Михаил Ландман и Артур Креслов (справа).
Начало 1950-х годов*

*Софья Ландман, урождённая Анбиндер,
жена Михаила Ландмана.
Вторая половина 1950-х годов*

Софья Анбиндер с братом Адольфом. Москва, 1951 год

*Михаил Ландман с матерью Полиной Самойловной Ландман.
Вильнюс, май 1953 года*

Софья Ландман. Москва, середина 1950-х годов

Софья Ландман. Вильнюс, 1958 год

*Софья Ландман (справа) с родителями мужа –
Полиной Самойловной и Хаимом Абрамовичем Ландманами.
Вильнюс, конец 1950-х годов*

В Литературный Институт
им. Горького

Светлов М. А.

Знаю тов. Ландмана М. как
способного молодого поэта.
Рекомендую его заочником
в Лит. Институт

22/V 54. М. Светлов

Рекомендательное письмо, написанное Михаилом Светловым
в Литературный институт им. А.М. Горького. 22 мая 1954 года

СССР
Министерство
промышленности
мясных и молочных продуктов

ГЛАВМЯСОМОЛСТРОЙ

Трест Молпромстрой

СТРОИТЕЛЬНО-МОНТАЖНОЕ
УПРАВЛЕНИЕ № 4

19. 05 1955 г.

№ 407

СПРАВКА

Дана настоящая тов. Ландман
Михаилу Михайловичу

в том, что он действительно работает
в СМУ-4 в должности ректора

Справка дана для представления в
Литературный институт им. Горького

Начальник
Отдела кадров

ОТДЕЛ
КАДРОВ
СМУ
Трест «Молпромстрой»

663

Справка, выданная Михаилу Ландману для представления
в Литературный институт им. А.М. Горького. 19 мая 1955 года

*Семья Ландманов – Михаил, Софья, Полина Самойловна
и Хаим Абрамович. Вильнюс, 1958 год*

Софья и Михаил Ландманы. Вильнюс, 1958 год

Софья Ландман. Вильнюс, 1957 год

Домашний Новый год. Слева направо: младший брат Полины Ландман Михаил (Хуне) Фурман, его жена Анна Фурман, их сын Володя, Полина и Хайм Ландманы, дочь Анны Фурман Нинель. Вильнюс, 1960 год

Софья Ландман. Вильнюс, 1958 год

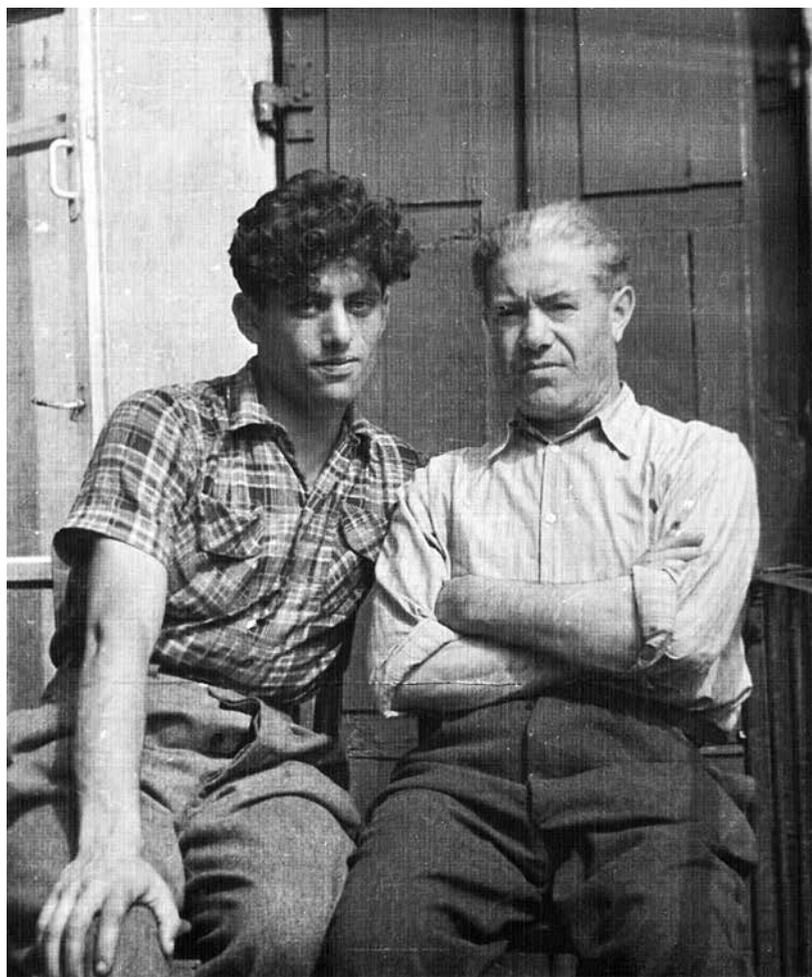
*Михаил Ландман с двоюродной сестрой Юней Вайс.
Вильнюс, 1959 год*

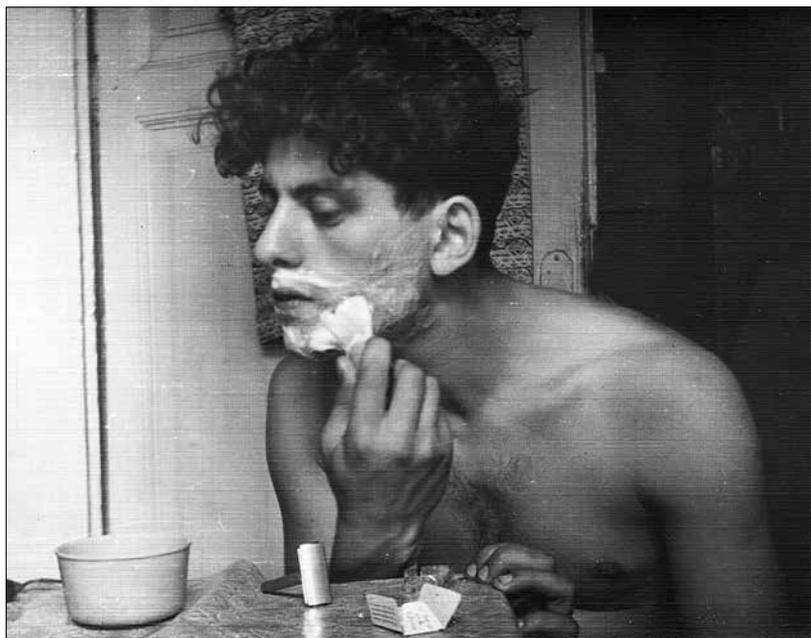
*Михаил Ландман с тётёй Беллой Самойловной Франк.
Вильнюс, 1959 год*

*Галина Бальчюнене (слева), Володя Фурман
и Софья Ландман. Начало 1960-х годов*

*Михаил Ландман с отцом Хаимом Абрамовичем Ландманом.
Вильнюс, 1957 год*

Михаил Ландман. Вильнюс, 1957 год

Михаил Ландман и Галина Андреева. Москва, 1962 год

Софья Ландман с собачкой Лиской. 1960-е годы

Михаил Ландман с собачкой Лиской. 1960-е годы

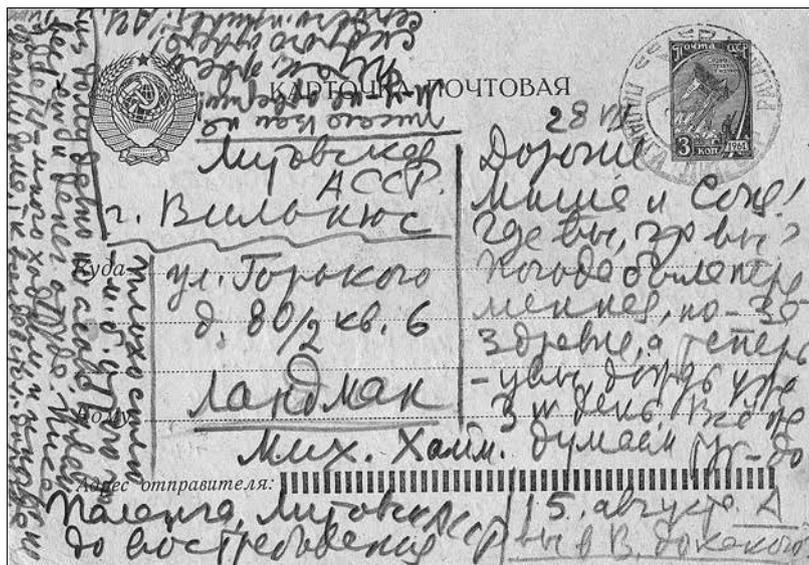
*Слева направо: Михаил Ландман, Галина Андреева, Виталий Корзин,
Софья Ландман, за ней, предположительно, Михаил Ярмуш.
Москва, 1962 год*

*Стоят: Юрий Григорьев (слева) и Виталий Корзин. Сидят:
Галина Андреева (слева), Михаил Ярмуш и Софья Ландман.
Москва, 1962 год*

Софья и Михаил Ландманы. 1960-е годы

Почтовая открытка от Анастасии Цветаевой, адресованная Михаилу Ландману. Середина 1960-х годов

*Полина Самойловна и Хаим Абрамович Ландманы.
Вильнюс, первая половина 1960-х годов*

*Полина Самойловна и Хаим Абрамович Ландманы.
Вильнюс, 1959 год*

*Полина Самойловна и Хаим Абрамович Ландманы.
Вильнюс, 1965 год*

*Михаил Ландман с матерью Полиной Самойловной Ландман.
1971 год*

*Михаил Ландман с дочерью Аней и матерью Полиной Самойловной
Ландман. Начало 1970-х годов*

*Семья Ландманов – София, Полина Самойловна, Аня и Михаил.
Начало 1980-х годов*

*Семья Ландманов – Софья, Михаил, Аня и Полина Самойловна.
Друскининкай, 1984 год*

Слева направо: Юдифь Каган, Софья Каган, Борис Мессерер, Анастасия Цветаева, Белла Ахмадулина, Наталья Макарова. Надпись на обороте рукою Юдифи Каган: «Ок. 20 сент. 1984 г. Дорогим Соне и Мише от всех нас на память. Юдя»

Стихи к Чехии

Сентябрь

1

Полон и просторен
Край. Одно лишь горе:
Нет у чехов — моря.
Стало чехам — море

Слёз: не надо соли!
Затаедем на чужде!
Тридцать лет неволи
Двадцать лет свободы.

На беддельной, ймилкей —
Боткей, геловекей.
Двадцать лет великы,
Двадцать лет нарочит
Всех — на луном поле
Одного на роду.

Тридцать лет неволи
Двадцать лет свободы.

— Всем. Огнь и дола —
Всем. Цурь, наука —
Всем. Музда — любому —
Миль — да боли руки.

на поле и в школе —
Мель — каике веходы!
Тридцать лет неволи
Двадцать лет свободы.

Подтвердите не, востит
Чешские, все вместе:
Сельсь — всеи хорстью,
Стрмилсь — всеи чешью.

Два десятилетия
(Да и то не целых!)
Как нигде на свете
Ружалось и белось.

1
Посред от боли
Стихит Влтавы воды:
— Тридцать лет неволи
Двадцать лет свободы.

На орлиных скалах
Как орёл расевинсь —
Тито' с тобою сталоь,
Край мой, рай мой чешский?

Юрт — откоропи,
Оттимури — воды ...
... Тридцать лет неволи,
Двадцать лет свободы.

В сёлах — срастие тилоь
Красным, синим, пёстрым.
Тито' с тобою сталоь,
Чешский лев двухвостый?

Миль поборопи
Леса востоду!
Тридцать лет неволи
Двадцать лет свободы!

Слушай камерным орувом,
Лес, и слушай, Влтава!
Лев рифицет с чешом,
Ну, а Влтава — слава.

Миль на гас — не боле —
Всё тивоь невзора!
Цурь да нерь неволи —
Белый день свободы!

(Ильине, 32, ВРПастер
12го ноября 1938 г.)

а прилив (Тридцать лет!!!) и другие
стихи: посред от боли ... были чтеы
в сентябре, в те самые дни, все ходила
и повторила, а осталась — милая.)

«Стихи к Чехии» Марины Цветаевой. Автограф, подаренный
Михаилу Ландману Анастасией Цветаевой

*Михаил Ландман с матерью Полиной Самойловной Ландман.
Хайфа, 1994 год*

Михаил Ландман с дочерью Анной. Хайфа, 1995 год

Михаил Ландман с внуком Даней. Хайфа, начало 1997-го года

ПЕСЕНКА

Бежала маленькая песенка,
И забежала в шумный двор,
И подхватили эту песенку
Кусты, деревья и забор.

Голосики свистели
и жужжали

Она звенит и разливается,
И вверх и вниз и вдаль и вширь,
Но вдруг на гвоздик натывается
И лопается, как пузырь.

Она звонко лопается

шпрб
шрб
Фпрб
Сшпрб
шпрб
кшпрб
мшпрб
лшпрб
ншпрб
тшпрб
ншпрб
сшпрб
жшпрб
хшпрб
цшпрб

Ландман
Доктор Фачеттунди

Водило стадо
70 автобусов

Машинопись стихотворения Михаила Ландмана «Песенка»
с рисунками автора

Приложение

Михаил Ландман. 1980 год

О Михаиле Ландмане

Краткая биографическая справка

Михаил Хаимович Ландман родился 7 ноября 1931 года в городе Подволочиске Тарнопольского воеводства (Польша) в бедной еврейской семье.

Мать Полина Самойловна Ландман, урождённая Фурман, в молодости играла в любительском театре, где ставились пьесы современных еврейских авторов, пишущих на идиш. Отец Хаим Абрамович Ландман интересовался литературой, много читал*.

При рождении мальчика назвали Шмуэль**. Разговорным языком в семье был идиш, в детстве Михаил Ландман обучался также ивриту, учился читать по-польски, ведь ему предстояло посещать польскую школу. В сентябре 1939 года советские войска захватили Подволочиск, и город оказался в составе СССР.

В июне 1941 года, в первые дни войны Мише вместе с матерью и её сестрой Беллой удалось покинуть город***.

---

* Из воспоминаний Полины Самойловны Ландман: «Отец Миши, мой муж, увлекался литературой, у нас было очень много книг на идиш, он подписывался и получал литературный журнал, мы получали из Варшавы книги — переводы русских, французских и немецких авторов на идиш и на польском». (Здесь и далее цитируются неоконченные автобиографические записки П.С. Ландман, хранящиеся в семейном архиве Ландманов.)

** Из воспоминаний П.С. Ландман: «Мы его назвали по памяти моего отца Шмуэль — Милек уменьшительно. Ему не нравилось имя Милек. Когда мы были в эвакуации, записался: Миша Ландман».

*** Из воспоминаний П.С. Ландман: «Наша с Мишей эвакуация получилось неожиданно. К нам зашёл сосед из Харькова, он работал на железной дороге, инженер по фамилии Трахтенберг, и сказал: «Соседка, собери немножко вещей для себя и для Миши. У меня есть вагон, и для вас хватит места, лучше вам уехать». Мой муж работал на макаронной фабрике. Его начальник не отпустил.

Затем вся семья перебралась на Урал. Отца призвали в армию, он воевал, был контужен. После войны Ландманы поселились в Вильнюсе.

Писать Михаил Ландман начал в ранней юности. Свои стихи 1948–1952 годов собрал в машинописный сборник «Древесный уголь». Вильнюсские друзья, вместе с которыми он посещал молодёжное литературное объединение при Доме профсоюзов, остались его друзьями на всю жизнь.

Попытка поступления в Литературный институт имени Горького в Москве оказалась неудачной, но он остался в столице, первое время работая и ночуя, где придётся. «Неучёба» в Литинституте тем не менее подарила ему новые дружеские и литературные связи. Он познакомился и подружился со многими талантливыми поэтами и переводчиками своего поколения. Неофициально посещал семинары преподавателей Литинститута Михаила Светлова и Льва Озерова.

Главным же его учителем стала Мария Сергеевна Петровых. Общение с ней не ограничивалось только участи-

---

→ И мы с Мишей уехали 24 июня 1941 года в Россию. В город Харьков мы не попали, нас привезли в Белгород. Оказалось, что немцы бомбили Харьков. Недолго мы оставались в Белгороде. Я с Мишей часто ходила на вокзал и в один день, когда я стояла и наблюдала, увидела своего мужа, он стоял в товарном вагоне поезда, в котором было очень много людей из Польши. Вот так случайно мы встретились. Оказалось, что он ушёл из Подволочиска вместе с отступающими войсками Красной армии. Судьба нас соединила, не забыли мы с Мишей это счастье и эти минуты встречи.

Скоро начались налёты, и мы все вместе уехали из Белгорода в Курск. Попали в самый страшный налёт немецких самолётов. На вокзале лежали, сидели люди, женщины с детьми, а уехать не могли. Мой муж ходил по всему вокзалу — оказалось, на одном пути стоял эшелон, в котором везли известь. Нам проводник сказал, что он следует на Куйбышев, и мы решили сесть на известь, а это очень опасно было, и двинулись дальше от фронта».

ем в переводческом семинаре при Союзе писателей, который она вела вместе с Верой Звягинцевой и Давидом Самойловым. Ландман был частым гостем в доме Марии Петровых, у неё же познакомился с Анной Ахматовой. Дружба с Марией Сергеевной продолжались многие годы, её фотография всегда стояла в квартире Ландмана на видном месте.

Всю жизнь он продолжал писать стихи (в 1963 году выпустил ещё один машинописный сборник), но никогда их не публиковал — писал «в стол».

Переводил поэзию и прозу современных авторов с чешского, польского, румынского и некоторых других языков. Детские стихи Франтишека Грубина, сказка Корнеля Макушинского «Пан Ниточка» в переводе Михаила Ландмана издавались не один раз. Его блестящий перевод сказки Яна Бжехвы «Академия пана Кляксы» печатался многократно (последнее издание — в 2019 году). Ландман был автором сценария более трёх десятков диафильмов, выпущенных студий «Диафильм» Госкино СССР.

В 1991 году вместе с семьёй репатриировался в Израиль, жил в Хайфе. Работал сначала уборщиком на фабрике, затем — разнорабочим в библиотеке Хайфского университета. Перевёз из Москвы значительную часть своей библиотеки, архив и даже чистую бумагу — чтобы было на чём писать, без этого не мыслил себя. С появлением компьютера стал набирать свои стихи и дневниковые записи, писал воспоминания. Хотел составить книгу, но не успел...

17 октября 1997 года Михаил Ландман скончался от скоротечной тяжёлой болезни. В памяти друзей он остался ярким, неординарным человеком, влюблённым в литературу, обладавшим и редким даром слова, и даром дружбы.

Книга Михаила Ландмана, которую вы сейчас держите в руках, — отчасти исполнение его собственного замысла. Замыслы, как и рукописи, не горят.

Список переводов Михаила Ландмана

Сидши:

Иосиф Керлер. Стихи (1963);
Гирш Ошеревич. Стихи (1963).

С литовского:

Алдона Лёбите. «Медвежья избушка», пьеса-сказка (1959).
Перевод выполнен совместно с Феликсом Дектором.

С молдавского:

Николае Русу. «Гологоц», повесть (1986).

С польского:

Юлиан Тувим. Афоризмы (1964); стихи (1965);
Ян Бжехва. «Академия пана Кляксы», сказка (1966, переиздания: 1991, 1992, 1993, 1994, 1997, 2016, 2017, 2019);
Станислав Ежи Лец. Афоризмы (1967);
Ядвига Рутковска. Юморески (1967);
Ванда Пшибыльская. Из дневника (1967);
Людвиг Ежи Керн. Стихи для детей (1972, 1994);
Корнель Макушинский. «Пан Ниточка», сказка (1971, переиздание: 1973);
Ян Парандовский. «Маленький Коперник», рассказ для детей (1973);
Ярослав Ивашкевич. Статьи и эссе (1973, 1980, 1987);
Ганна Ожоговская. «Чудо-юдо, Агнешка и апельсин», повесть для детей (1974). Главы I–XII – перевод Михаила Ландмана, главы XIII–XXI – перевод Ю. Киселёва;
Элиза Ожешко. «В провинции», роман (1977, переиздания: 1978, 1991, 1993). Часть I – перевод Тамары Лурье, часть II – перевод Михаила Ландмана.
Ганна Янушевская. «Завещание сказочника», пьеса для детей*.

---

* Перевод не был опубликован. См.: Российский государственный архив литературы и искусства, фонд 2905, опись 1, ед. хр. 891.

С румынского:

Соня Лариан. «Цветной материк», повесть-сказка (1969). Перевод выполнен совместно с Л. Левиным;

Раду Чобану. «Сумерки», роман (1983). Перевод выполнен совместно со Светланой Флоринцевой;

Тудор Аргези. Рассказы (1984);

Фэнуш Нягу. Рассказы (1985);

Захария Станку. Повести (1985);

Павел Дан. Рассказы (1986);

Теодор Мазилу. «Эта смешная неземная любовь», рассказ (1987);

Ливиу Ребряну. «Лес повешенных», роман; «На весах справедливости», новелла (1987).

Ион Славич. «Лесовичка», повесть; новеллы (1988);

Георге Брэеску. Юмористические рассказы (1989);

Гортензия Пападат-Бенджеску. «Тайный путь», роман (1990).

С французского:

Клод Авелин. «Дерево Тик-Так» (1970), «История про льва, который любил только клубнику», сказки (1972).

С чешского:

Иржи Шотола. Стихи* (1961, 1963). Перевод выполнен совместно с Михаилом Ярмушем;

Франтишек Грубин. Стихи для детей** (1965, 1970, 1974, 1975, 1976, 1980, 1992, 1993, 1998, 1999);

Витезслав Незвал. Стихи*** (1959, 1960, 1964, 1968, 1972, 1988).

---

* Перевод опубликован под псевдонимом М. Обручев.

** В 1965, 1970 и 1975 гг. — под псевдонимом М. Обручев.

*** В 1960, 1964 и 1968 гг. — под псевдонимом М. Обручев.

Благодарность

Работа над этой книгой была для меня захватывающе интересной, полной невероятных открытий и чудесных совпадений, о которых можно было бы написать ещё одну, отдельную книгу. Я познакомилась со столькими прекрасными людьми — и ныне живущими, и теми, кто нас уже покинул, но остался в памяти друзей и родных, в текстах и фотографиях... За всё это я бесконечно благодарна Анне и Софье Ландман, доверившим мне создание этой книги.

Огромное спасибо моей сестре Зое Халтуриной, без чьей постоянной, деятельной и разносторонней помощи моя работа была бы просто невозможна. Хотелось бы особо поблагодарить Татьяну и Дмитрия Кузовкиных и Габриэля Суперфина за ценные замечания и консультации — не было вопросов, на которые они не смогли бы дать мне ответ. Благодарю также Наталию Можевитину за помощь в подготовке иллюстраций к печати.

Спасибо всем моим друзьям, родным и друзьям друзей, помогавшим мне:

Алексею Аксакову,
Ирине Андреевой,
Елене и Сергею Артёмовым,
Нази Арутюнян,
Светлане Ахметдиновой,
Ивану Ахметьеву,
Кате Белоусовой,
Янне Вайсборд и Носону Вершубскому,
Инге и Анатолию Величко,
Елене Глухой,
Анастасии Головкиной,
Иосифу Жеребкеру,
Анри Кетегату,
Анне Козновой (Дом-музей Б.Л. Пастернака в Переделкине),

Шаулю Котлярскому,
Леониду Ландману,
Герману Лукомникову,
Алене Махониновой,
Марине Поливановой,
Вячеславу Попову,
Софье Сарьян (Дом-музей М. Сарьяна в Ереване),
Анне Сергеевой-Клятис,
Роману Тименчику,
Тимуру Фишелю,
Виктории Фридман,
Илье Фурману,
Ольге Халтуриной,
Шуламит Шалит,
Далии Эпштейн,
Софье Ямпольской.

Special thanks to:
Masha Brengauz,
Brice Brill,
Yuval Lirov,
Ewelina Pilarczyk,
Tartu People Community.

Буду рада откликам, замечаниям и дополнениям, которые постараюсь учесть в электронном издании книги.

Мая Халтурина,
редактор-составитель

2024 год
Нокдим, Израиль

Комментарии

Стихи разных лет

Стихи Михаила Ландмана не издавались при жизни автора. Впервые они были опубликованы в самиздатском «Альманахе для своих» (Вильнюс, 2001. — С. 66, 123–135), выпущенном в количестве 49 экземпляров группой его друзей во главе с социологом Сергеем Рапопортом.

Шуламит Шалит включила некоторые стихи Ландмана в свои статьи 2001–2005 годов, посвящённые ему*, а в 2017 году опубликовала в интернете подборку из десяти его стихотворений**.

Стихотворение «Давай уедем к чёрту на кулички!..» в 2007 году было опубликовано Романом Тименчиком в именном указателе к «Записным книжкам» Ахматовой***,

---

* Шуламит Шалит. «Ко мне вернулся старый друг...»: Памяти поэта Михаила Ландмана // Вестник (Балтимор, США). — 2001. — № 2, 3 (16 января, 30 января).

Шуламит Шалит. Билет до станции Забудь // Иерусалимский журнал: журнал современной израильской литературы на русском языке. — 2002. — № 10. — С. 212–219.

Шуламит Шалит. «Сиреневый туман» и его автор // Еврейская старина: сетевой альманах: приложение к сетевому журналу «Заметки по еврейской истории». — 2004. — № 13. — URL: <https://berkovich-zametki.com/AStarina/Nomer13/Shalit1.htm>

Шуламит Шалит. Билет до станции Забудь: (Михаил Ландман, 1931–1997) // Шуламит Шалит. На круги свои... Литературные страницы на еврейскую тему. — Иерусалим: Филобиблон, 2005. — С. 328–342.

** Шуламит Шалит, Меир Сайтанов. Без Миши стало темнее в этом мире! // Семь искусств: интернет-журнал. — 2017. — № 10. — URL: <https://7i.7iskusstv.com/2017-nomer10-shalit/>

*** См.: Роман Тименчик. Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник. — Выпуск 5. — Симферополь: Крымский архив, 2007. — С. 167–169.

где Ландман значился адресатом дарения поэмы «Реквием»*.

Стихотворение «Дятел» опубликовал Александр Бабёнышев в послесловии к книге стихов Юрия Григорьева «Ликейский свет в исчезнувшей стране» (Москва, 2013. — С. 198).

Стихи «Дятел» и «По городу брожу? Нет, кратеру!..» были напечатаны в антологии «Здесь всё — Литва. Поэтический облик нашего края» (Вильнюс: Логос, 2018. — С. 213–214).

В интернет-версию антологии «Русские стихи 1950–2000 годов»** вошли стихи Ландмана «Внезапно проснулся...» и «Одуванчик уходит из жизни...».

Большинство стихотворений, включённых в эту книгу, печатаются впервые.

Все датировки стихов сделаны автором.

Притаённая в тени. *О Марии Сергеевне Петровых*

Текст публикуется впервые. В семейном архиве Ландманов сохранился компьютерный файл, набранный самим автором, и несколько бумажных вариантов (распечаток) текста. Михаил Ландман начал писать эти воспоминания в Израиле, куда он переехал весной 1991 года, и, по-видимому, продолжал работать над ними до лета 1997 года, но завершить не успел.

---

* См.: Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). — Москва; Torino: Giulio Einaudi editore, 1996. — С. 271.

** См.: Русские стихи 1950–2000 годов: антология: [интернет-версия] / составители Иван Ахметьев, Георгий Квантришвили, Герман Лукомников, Владимир Орлов, Андрей Урицкий. — 1-я часть содержания (авторы, родившиеся до 1938 года включительно). — URL: <https://lukomnikov-1.livejournal.com/1058344.html>

В настоящем издании текст публикуется в литературной редакции М. Халтуриной, с добавлением мемуарных заметок об Анне Ахматовой, написанных в то же время и связанных с основным корпусом текста по смыслу и хронологически (Ландман познакомился с Ахматовой в доме Марии Сергеевны Петровых).

В качестве эпиграфа автор взял строки известного стихотворения Осипа Мандельштама, посвящённого Марии Петровых:

Марья Сергеевна, мне ужасно хочется
Увидеть вас старушкой-переводчицей,
Неутомимо с головой трясущейся
К народам СССР влекущейся,
И чтобы вы без всякого предстательства
Вошли к Шенгели в кабинет издательства
И вышли, нагружённая гостинцами —
Полурифмованными украинцами*.

Примечательно, что воспоминания Ландмана в одной из ранних версий были озаглавлены по-другому: «Обряжённая переводчицей». На распечатке этого текста есть рукописная пометка автора:

«М.С. как-то прочла мне стихотворение, которое в эпиграфе, и, если мне не изменяет память, там вместо напечатанного были строки:

Марья Сергеевна, мне ужасно хочется
Вас обрядить старушкой-переводчицей.

Потому я назвал так воспоминания. Это бы очень подошло к моему замыслу, но... Нужно уточнить. И если

---

* Осип Мандельштам. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. — Т. 1: Стихотворения. — Москва: Прогресс-Плеяда, 2009–2011. — С. 336.

нет, напишу просто — „Петровых“ или сочиню новый заголовок».

В дальнейшем автор оказался от этой идеи (очевидно, не найдя подтверждения, что такой вариант стихов Мандельштама существовал) и дал своим воспоминаниям то заглавие, которое используется в настоящем издании, — «Притаённая в тени».

Между тем Мария Сергеевна Петровых действительно помнила (вероятно, со слов Осипа Мандельштама) другой вариант стихотворения, именно его она прочла Льву Шилову, известному «звукоархивисту»*.

Магнитофонная запись, сделанная Шиловым в 1978 году, воспроизведена на грампластике «Вероника Тушнова. Мария Петровых. Стихотворения» («Мелодия», 1986), где первые две строчки звучат так:

Марья Сергеевна, мне ужасно хочется
Вас нарядить старушкой-переводчицей**.

---

* «В моей четвертьвековой практике литературного звукоархивиста я не мог тогда припомнить другого поэта, который бы так долго (но так мягко, деликатно) уклонялся от встречи с моим микрофоном. В конце концов в октябре 1978 года мне всё же удалось записать её чтение». (Лев Шилов. *Голоса, зазвучавшие вновь: Записки звукоархивиста-шестидесятника*. — Москва: Альдаон, 2004. — С. 353.)

** «В один из дней мне удалось уговорить Марию Сергеевну не только начитать на мой магнитофон свои стихи (через много лет по этой записи была сделана единственная её пластинка), но и воспроизвести почти никому не известный шуточный экспромт Мандельштама, связанный с началом её переводческой деятельности». (Лев Шилов. «Я слышал по радио голос Толстого...»: *Очерки звучащей литературы*. — Москва: Искусство, 1989. — С. 209.)

Второй эпитафия, выбранный М. Ландманом, — «Смысл жизни не в благоденствии, а в развитии души» — отсылает к записи Петровых, напечатанной в её книге «Избранное» в 1991 году*.

Небольшие отрывки из воспоминаний Ландмана были опубликованы в очерках Шуламит Шалит о Марии Петровых**. С полным текстом читатель знакомится впервые.

---

* Мария Петровых. Избранное: Стихотворения; Переводы; Из письменного стола. — Москва: Художественная литература, 1991. — С. 366.

Похожее высказывание есть и у А.И. Солженицына: «И что бы тогда сказать о наших явных мучителях; почему не наказывает судьба их? почему они благоденствуют? (Это решилось бы только тем, что смысл земного существования — не в благоденствии, как все мы привыкли считать, а — в развитии души. С такой точки зрения наши мучители наказаны всего страшней: они свинеют, они уходят из человечества вниз.)» См.: Александр Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956: Опыт художественного исследования. — Часть 3–4. — Екатеринбург: У-Фактория, 2007. — С. 498.

** Шуламит Шалит. «Я домолчалась до стихов»: О Марии Петровых, поэте и переводчике // Чайка (США): интернет-журнал. — 2001. — № 11 (1 октября). — URL: <https://www.chayka.org/node/3932>

Шуламит Шалит. «Назначь мне свиданье на этом свете...»: О поэте Марии Петровых // Еврейская старина: сетевой альманах: приложение к сетевому журналу «Заметки по еврейской истории». — 2004. — № 14 (10 февраля). — URL: <https://berkovich-zametki.com/AStarina/Nomer14/Shalit1.htm>

Вспоминая Мишу... *Друзья – о Михаиле Ландмане*

Софья Ландман. Мы познакомились в библиотеке
Публикуется впервые.

Шуламит Шалит. Билет до станции «Забудь»

Текст был впервые опубликован в журнале «Вестник» (Балтимор, США) в 2001 году, затем, с небольшими авторскими изменениями и дополнениями, – в «Иерусалимском журнале» (2002, № 10), в сетевом альманахе «Еврейская старина» (2004, № 13) и в книге Шуламит Шалит «На круги свои... Литературные страницы на еврейскую тему» (2005).

Меир Сайтанов. Без Миши стало темнее в этом мире!

Текст был опубликован в интернет-журнале «Семь искусств» (2017, № 10).

Сергей Рапопорт. МХЛ продолжит пребывание

Публикуется впервые по машинописи, хранящейся в семейном архиве Ландманов.

Виктор Лифов. О друге

Публикуется впервые по рукописи, хранящейся в семейном архиве Ландманов.

Далия Эшттейн. Миша жил стихами

Публикуется впервые.

Александр Бабёнышев. «Только слух не исчез...»

Текст был опубликован в качестве послесловия в книге стихов Юрия Григорьева «Ликейский свет в исчезнувшей стране» (Москва, 2013).

Валентина Пазилова. Время вдруг отступило

Текст был опубликован в «Альманахе для своих» (Вильнюс, 2001).

Виктория Фридман. Про Мишу. Для своих

Текст в первоначальной версии был опубликован в «Альманахе для своих» (Вильнюс, 2001).

Елена Макарова. Станция «Помни»

Публикуется впервые.

Иллюстрации

Большинство иллюстраций, представленных в этой книге, хранится в семейном архиве Ландманов в Хайфе, в том числе работы Артура Креслова, Изабеллы Биндлер, Владимира Лемпорта. Мы полагаем, что почти все фотографии, датированные периодом с начала 1950-х годов и до начала 1990-х, сняты Михаилом Ландманом (за исключением тех, на которых изображен он сам). В подписях под такими фото не даётся никаких указаний. Источники остальных фотографий указаны в подписях к ним.

Фотография Анны Ахматовой и Марии Петровых, сделанная Ландманом (см. стр. 82 настоящего издания), была впервые напечатана — без указания автора снимка — в ежегоднике «День поэзии» в 1980 году, а затем в 2018 году в сборнике «О, какая Родина вокруг!..», посвящённом Марии Петровых*. Эту, а также несколько других фотографий из семейного архива Ландманов опубликовала Шуламит Шалит в своих статьях о Михаиле Ландмане и о Марии Петровых в 2001–2017 годах.

Все остальные фотографии, иллюстрации и документы публикуются впервые.

Фотография на стр. 2: Михаил Ландман, 1969 год. Фото Альфреда Шульмана.

Примечания

Подстрочные примечания, отмеченные звёздочкой, сделаны редактором-составителем (кроме нескольких специально оговорённых случаев).

---

* «О, какая Родина вокруг!..»: материалы литературно-краеведческих чтений (Ярославль, 21 марта 2018 года): к 110-летию со дня рождения поэта Марии Петровых (1908–1979). — Ярославль: Академия 76, 2018.

Именной указатель

В настоящий указатель включены имена всех реальных лиц, упомянутых на страницах этой книги, за исключением тех, чьи имена встречаются только в разделе «Благодарность» (стр. 288-289). Упоминания Михаила Ландмана также не включены в указатель.

Имена общеизвестные, такие, как Пушкин, Ахматова, Чуковский, а также те, информация о которых легко доступна в интернете, снабжены самыми краткими сведениями. Более подробные сведения мы постарались дать о лицах, не столь широко известных, но значимых для главного героя этой книги – Михаила Ландмана.

В аннотации курсивом выделены имена, которые представлены в настоящем указателе отдельной статьёй.

В тех случаях, когда в книге опубликованы фотографии того или иного лица, мы указали также номера страниц, на которых расположены фото.

Обширные справки об авторах мемуаров вынесены за рамки именного указателя и предваряют мемуарные тексты.

Авелин, Клод (1901–1992), французский писатель еврейского происхождения – 287

Адуев, Николай Альфредович (1895–1950), поэт, драматург – 149

Адуева, Вера Исааковна, урождённая Кельман (1905–1992), пианистка-концертмейстер. Жена *Николая Адуева* – 149

Айги, Геннадий (Геннадий Николаевич Лисин) (1934–2006), поэт, писавший на чувашском и русском языках, переводчик. Учился в Литературном институте им. А.М. Горького – 26, 160

Айхенвальд, Юрий Александрович (1928–1993), поэт, переводчик, театровед, историк русской культуры – 88

Александра Фёдоровна, императрица (1872–1918), жена Николая II – 114, 115

Алигер, Маргарита Иосифовна (1915–1992), поэтесса, переводчица. Мать *Татьяны Макаровой* – 99

Анбиндер, Адольф Ушерович (1932–2018), брат *Софьи Ландман* – фото 245

Анбиндер, Мария (Мирьям) Иосифовна, урождённая Гойзман (1905–1980), мать *Софьи Ландман* и *Адольфа Анбиндера* – 162

Андреева, Галина Петровна (1933–2016), поэтесса, переводчица, редактор. Жена *Виталия Корзина* – 88; фото 261, 264, 265

Антокольский, Павел Григорьевич (1896–1978), поэт, драматург, переводчик – 125

Аргеzi, Тудор (1880–1967), румынский поэт – 287

Ардов, Виктор Ефимович (1900–1976), писатель-сатирик, драматург, публицист. Муж *Нины Ольшевской* – 99, 125

Аронов, Александр Яковлевич (1934–2001), поэт, журналист, педагог – 126

Асеев, Николай Николаевич (1889–1963), поэт, переводчик, сценарист – 131

Асмус, Валентин Фердинандович (1894–1975), философ, историк, литературовед – 98, 125

Ахмадулина, Белла Ахатовна (1937–2010), поэтесса. Жена *Бориса Мессерефа* – 114; фото 275

Ахматова, Анна Андреевна (1889–1966), поэт – 90, 95, 99–101, 103–125, 128, 129, 144, 147, 148, 166, 167, 177, 182, 193–195, 232, 285, 290–292, 296, 297; фото 82, 99, 114, 120

Ахметьев, Иван Алексеевич (род. 1950), поэт, литературный редактор, публикатор и исследователь неофициальной поэзии и прозы советского времени – 291

Бабёнышев, Александр Петрович (псевдоним Сергей Максудов) (род. 1938), историк, социолог, демограф, геолог и правозащитник. Сын *Сарры Бабёнышевой*. Автор мемуаров о Михаиле Ландмане – 153, 200, 204, 205–209, 291, 295; фото 204

Бабёнышева, Инна Петровна (Инайка, псевдоним Инна Андреева) (род. 1932), журналистка, литературовед. Дочь *Сарры Бабёнышевой* – 153, 177, 206, 207

Бабёнышева, Сарра Эммануиловна (1910–2007), критик, преподавательница Литературного института им. А.М. Горького в Москве, правозащитница. Мать *Инны Бабёнышевой* и *Александра Бабёнышева* – 153, 177

Багрицкий, Эдуард Георгиевич (1895–1934), поэт – 123, 172, 193

Бальчюнене, Галина Иосифовна, урождённая Танаевская (1930–1990), искусствовед. Посещала молодёжное литературное объединение при Доме профсоюзов в Вильнюсе. В 1968 г. окончила Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина (ныне – Санкт-Петербургская академия художеств имени И.Е. Репина). Автор работ о Микалоюсе Чюрлёнисе (1875–1911), Юрисе Балтрунасе (1923–2012), *Изабелле Биндлер* и других литовских художниках. Член Союза художников Литвы. Жила и работала в Вильнюсе. Один из авторов «Альманаха для своих» (Вильнюс, 2001) – 77, 172, 223; фото 227, 241, 258

Батюшков, Константин Николаевич (1787–1855), поэт – 103

Баумволь, Рахиль Львовна (1914–2000), поэтесса, писавшая на идиш и на русском языке – 139

Бах, Иоганн Себастьян (1685–1750), немецкий композитор – 124

Белинков, Аркадий Викторович (1921–1970), прозаик, литературовед. Муж *Натальи Белинковой* – 130

Белинкова (Яблокова), Наталья Александровна (род. 1930), литератор, журналист. Жена *Аркадия Белинкова* – 130

Берггольц, Ольга Фёдоровна (1910–1975), поэтесса, писательница – 119

Бетховен, Людвиг ван (1770–1827), немецкий композитор – 19

Бжехва, Ян (1898–1966), польский поэт, писатель, переводчик. Наибольшую популярность ему принесли детские сказки про пана Кляксу – 160, 162, 176, 191, 285, 286

Биндлер, Изабелла Григорьевна (1932–2003), литовская художница. Родилась во Владивостоке. Училась на отделении графики Государственного художественного института Литовской ССР (ныне – Вильнюсская художественная академия). Помимо графики работала также в технике акварели, пастели, гравюры, монотипии. Автор экслибрисов и плакатов. С 1963 г. – член Союза художников СССР. Начиная с 1982 г. в Литве прошло несколько её персональных выставок. В 1986 г. литовское издательство «Vaga» выпустило альбом о её творчестве. Работы Изабеллы Биндлер выставлялись на коллективных выставках и в галереях Австралии, Англии, Германии, Израиля, Италии, Кубы, Литвы, России и Франции. Картины представлены в музеях и частных коллекциях многих стран мира. Написала портрет *Софьи Ландман*, который хранится в семейном архиве Ландманов (см. заднюю сторону обложки настоящего издания) – 296

Блаватская, Елена Петровна, урождённая фон Ган (1831–1891), религиозный философ, основательница теософского направления, путешественница, писательница – 210

Блок, Александр Александрович (1880–1921), поэт – 15, 105, 128, 129, 220

Бобров, Сергей Павлович (1889–1971), поэт, литературный критик – 134

Богатырёва, Софья Игнатьевна, урождённая Бернштейн (род. 1932), историк литературы, мемуаристка. Дочь *Александра Ивчи* – 135

Боккаччо, Джованни (1313–1375), итальянский писатель и поэт – 20

Бокштейн, Илья Вениаминович (1937–1999), поэт, художник, переводчик, эссеист, диссидент. В 1961 г. осуждён на пять лет лагерей за антисоветскую пропаганду. В 1972 г. репатриировался в Израиль. Печатался в литературной периодике Израиля и за рубежом. Единственная прижизненная книга – факсимильный сборник стихов «Блики волны» (Бат-Ям, 1986) – 166

Бондарчук, Сергей Фёдорович (1920–1994), актёр, кинорежиссёр – 117

Борисов (Борухович), Исаак Борисович (1923–1972), поэт, спортивный очеркист – 139

Брики – Осип Максимович Брик (1888–1945), писатель, литературный критик, стиховед, один из теоретиков русского авангарда, и его жена Лиля Юрьевна Брик, урождённая Лили Уриевна Каган (1891–1978), хозяйка литературного салона, адресат любовных стихов *Владимира Маяковского* – 113

Бродский, Иосиф Александрович (1940–1996), поэт – 177, 206, 207

Брэеску, Георге (1871–1949), румынский писатель – 287

Бунин, Иван Алексеевич (1870–1953), писатель – 102, 154

Бухарин, Николай Иванович (1888–1938), революционер, партийный и государственный деятель – 116

Вайс, Юня Моисеевна, урождённая Франк (род. 1946), двоюродная сестра Михаила Ландмана, дочь *Беллы Франк* – фото 256

Велутис, Владимир, друг Михаила Ландмана – 174; фото 241

Верлен, Поль (1844–1896), французский поэт – 74

Весос, Тарей (1897–1970), норвежский поэт и прозаик. Его роман «Птицы» написан в 1954 г., на русском языке издан в 1983 г. – 231, 233

Войнович, Владимир Николаевич (1932–2018), писатель, поэт, драматург – 126

Волькер, Иржи (1900–1924), чешский поэт – 197, 198, 200–202

Воронский, Александр Константинович (1884–1937), революционер, писатель, литературный критик и редактор – 116

Вронский, Юрий Петрович (1927–2008), поэт, прозаик, переводчик – 88

Высоцкий, Владимир Семёнович (1938–1980), поэт, актёр, автор и исполнитель собственных песен – 189, 194

Вышинский, Андрей Януарьевич (1883–1954), советский государственный деятель. Генеральный прокурор СССР в 1935–1939 гг. Выступал как государственный обвинитель на политических процессах в эпоху сталинского террора. Входил в состав секретной комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) по судебным делам, которая утверждала все приговоры о смертной казни в СССР – 127

Габбе, Тамара Григорьевна (1903–1960), детская писательница, переводчица, редактор – 125

Галич, Александр Аркадьевич (1918–1977), поэт, драматург, автор и исполнитель собственных песен – 194

Галкин, Самуил Залманович (1897–1960), еврейский поэт и драматург, писавший на идиш, переводчик. Принимал активное участие в работе Еврейского антифашистского комитета. В 1949 г. во время государственной антисемитской кампании был арестован, отбывал срок в инвалидном лагере. В 1955 г. реабилитирован. Его стихи на русский язык переводили Анна Ахматова и Мария Петровых – 121, 131, 139

Гелескул, Анатолий Михайлович (1934–2011), поэт-переводчик, эссеист, автор статей о русской и зарубежной поэзии – 177

Гёте, Иоганн Вольфганг фон (1749–1832), немецкий поэт, мыслитель, учёный – 13

Гинзбург, Лев Владимирович (1921–1980), переводчик, публицист – 92

Глен, Ника Николаевна (1928–2005), переводчица, редактор, литературный секретарь и друг Анны Ахматовой – 100, 125

Глибаускайте, Марите (род. 1931), литовская переводчица – 174

Головачёв, Виталий Дмитриевич (1908–1942). Вторым мужем Марии Петровых, к нему обращены многие её стихи. Родился в Москве в дворянской семье. Его мать содержала частную гимназию, а отец преподавал в ней. После окончания школы Виталий Головачёв учился на Высших литературных курсах, где и познакомился с Марией Петровых. Знал несколько иностранных языков, глубоко интересовался историей, философией, психологией, экономикой. Был несколько раз арестован, первый раз – в 1928 г. за участие в подпольной студенческой группе «Борьба», последний раз – в 1937 г. Погиб в лагере – 127

Головачёва, Арина Витальевна (1937–2015), переводчица, автор исследований по славянской филологии, кандидат филологических наук. Дочь *Марии Петровых* и *Виталия Головачёва*. После смерти матери была (вместе с *Никой Глен*) составителем сборников её стихов – 54, 89, 92, 99–101, 108, 109, 127, 139, 143, 144, 146, 147, 151–155, 229–231; фото 138, 152

Головин, Евгений Всеволодович (1938–2010), поэт, прозаик, переводчик, литературовед, автор песен, филолог, культуролог – 88

Голубенко, Галина Борисовна (1940–2018), журналистка, преподавательница русского языка и литературы – 200

Гольдберг, Анатолий Максимович (1910–1982), британский журналист, обозреватель Русской службы радиостанции Би-би-си – 126

Горбаневская, Наталья Евгеньевна (1936–2013), поэтесса, переводчица, активная участница диссидентского движения в СССР, в том числе – демонстрации 25 августа 1968 г. на Красной площади против ввода советских войск в Чехословакию – 119, 120, 126

Городецкий, Сергей Митрофанович (1884–1967), поэт, переводчик – 145

Горская, Нателла Всеволодовна (1928–2008), поэтесса, переводчица – 88, 89

Горький, Максим (1868–1936), писатель – 116

Гютхарт, Натан Львович (1923–2008), морской инженер, автор воспоминаний об *Анне Ахматовой* – 115

Гребнев, Наум Исаевич (1921–1988), поэт, переводчик – 125

Григорьев, Юрий Александрович (род. 1937), поэт, переводчик, эссеист. Учился в Литературном институте имени

А.М. Горького в Москве. Автор поэтических книг «Август» (Вильнюс, 1968), «Кошкина азбука» (Вильнюс, 1976; стихи для детей), «Ликейский свет в исчезнувшей стране» (Москва, 2013) и сборника статей, рассказов и эссе «Сова среди развалин» (Вильнюс, 2020). Работал в библиотеке Виленского Свято-Духова мужского монастыря. Один из авторов «Альманаха для своих» (Вильнюс, 2001) — 171, 172, 197, 198, 200, 206–212, 216, 217, 220, 291, 295; фото 265

Гриезане, Мара (1950–1985), поэтесса, переводчица. Родилась в Латвии, владела двумя языками — русским и латышским. Жила в Москве. Стихи на русском языке публиковались в центральных газетах, в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь». Была литературным консультантом в «Огоньке». Переехала в Аскания-Нова, а затем в посёлок Стрежевой Томской области, где была музыкальным работником в доме культуры. Выпустила два поэтических сборника — «Вот какое утро в Латвии бывает» (Москва: Детская литература, 1971) и «Совершеннолетие» (Москва: Советской писатель, 1976). Рукописный сборник «Календарь», в который вошли стихи последних лет, остался неизданным — 124

Гроссман, Василий Семёнович (1905–1964), писатель, журналист — 98

Грубин, Франтишек (1910–1971), чешский поэт, прозаик — 285, 287

Гудзий, Николай Калининович (1887–1965), литературовед — 146, 147

Гумилёв, Николай Степанович (1886–1921), поэт — 111–115, 193, 194

Гуревич, Иосиф Гилярович (1905–1966), переводчик, литературный редактор — 144

Дадыанов, Алексей Тихонович (1924–1994), инженер-строитель, поэт. Родился в Орле. Во время немецкой оккупации был угнан в Германию на принудительные работы. После

войны вернулся на родину, окончил Вильнюсский техникум железнодорожного транспорта, работал на железной дороге. Умер в Москве. Стихи публиковались в периодической печати, вошли в антологию художественных произведений о Великой Отечественной войне «Венок славы» (Москва, 1985, том 8), а также в книгу Виктора Андриянова «Архипелаг OST. Судьба рабов „Третьего рейха“ в их свидетельствах, письмах и документах» (Москва, 2005) – 77, 172, 194; фото 227, 241

Дан, Павел (1907–1937), румынский писатель – 287

Данилова, Инна, переводчица – 88

Данте, Алигьери (1265–1321), итальянский поэт, мыслитель, богослов – 22, 124

Даррелл, Лоуренс (1912–1990), британский поэт и прозаик, автор цикла романов «Александрийский квартет» – 215

Дектор, Феликс Адольфович (1930–2020), переводчик, журналист, редактор. Учился на историко-филологическом факультете Вильнюсского университета и в Литературном институте им. А.М. Горького в Москве. В 1975 г. был исключён из Союза писателей СССР за создание и распространение самиздатского еврейского культурно-просветительского журнала «Тарбут». В 1976 г. репатриировался в Израиль, где продолжил журналистскую и издательскую деятельность – 286

Делла-Вос-Кардовская, Ольга Людвиговна, урождённая Делла-Вос (1875–1952), художница. Жена *Дмитрия Кардовского* – 111

Дельвиг, Антон Антонович (1798–1831), поэт, издатель – 182

Дикий, Алексей Денисович (1889–1955), актёр, театральный режиссёр – 146

Диккенс, Чарльз (1812–1870), английский писатель – 223

Доценко, Сергей Николаевич (род. 1958), эстонский литературовед – 145

Емельянова, Ирина Ивановна (род. 1938), литературный редактор, мемуаристка. Дочь Ольги Всеволодовны Ивинской (1912–1995), подруги *Бориса Пастернака* – 109

Есенин, Сергей Александрович (1895–1925), поэт – 77, 111, 114–117, 122

Жданов, Андрей Александрович (1896–1948), советский партийный и государственный деятель. Один из главных сподвижников *Иосифа Сталина* в эпоху террора. В 1946 г. по поручению Сталина возглавил идеологическую кампанию, призванную ужесточить партийный контроль в области искусства и литературы – 106, 107

Жигавичене, Нинель (род. 1946), падчерица *Михаила Фурмана* – фото 254

Жирмунская, Тамара Александровна (1936–2023), поэтесса, переводчица, литературовед. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького в Москве – 88

Звягинцева, Вера Клавдиевна (1894–1972), поэтесса, переводчица – 86, 87, 89, 96, 127, 146, 154, 285; фото 87

Зошенко, Михаил Михайлович (1894–1958), писатель – 106, 107, 192

Ибрагимов, Алев Шакирович (1925–1999), поэт, переводчик, старший редактор издательства «Художественная литература» – 106

Иванов, Вячеслав Всеволодович (1929–2017), лингвист, переводчик, семиотик, культурный антрополог. Сосед *Бориса Пастернака* по Переделкину – 90

Иванов, Вячеслав Иванович (1866–1949), поэт-символист, философ, переводчик – 145

Иванов, Георгий Владимирович (1894–1958), поэт, прозаик, публицист, мемуарист, переводчик – 115

Ивашкевич, Ярослав (1894–1980), польский поэт, прозаик, переводчик – 286

Ивич, Александр (Игнатий Игнатьевич Бернштейн) (1900–1978), писатель. Отец *Софьи Богатырёвой* – 135

Иосиф (в миру – Иван Семёнович Петровых) (1872–1937), епископ Русской православной церкви, митрополит Ленинградский (с 1926 г.), богослов, духовный писатель. Двоюродный дед *Марии Петровых*. Не принял Декларацию 1927 г. о безусловной лояльности Церкви к советской власти и открыто возглавил оппозицию, называемую иосифлянством. Несколько раз был арестован. Последний раз – в 1937 г. Обвинён в контрреволюционной деятельности. Расстрелян 20 ноября 1937 г. Канонизирован Русской православной церковью за границей в 1981 г. – 127

Каган, Софья Исааковна (1902–1994), геолог. Близкая подруга *Анастасии Цветаевой*, мать *Юдифи Каган* – фото 275

Каган, Юдифь Матвеевна (1924–2000), литературовед, переводчица с латыни, преподавательница, автор книг о *Марине Цветаевой* и её отце Иване Владимировиче Цветаеве (1847–1913). Дочь *Софьи Каган* – 177; фото 275

Казакевич, Эммануил Генрихович (1913–1962), поэт, прозаик, переводчик, киносценарист – 101, 125.

Казьмин, Николай Дмитриевич (1904–1963), советский партийный деятель. В 1949–1955 гг. – секретарь Ленинградского областного комитета ВКП(б) – КПСС – 107

Каминская, Анна Генриховна (1939–2022), искусствовед. Дочь *Ирины Пуниной* – 110

Карабчиевский, Юрий Аркадьевич (1938–1992), поэт, прозаик, литературный критик – 111, 192

Кардовский, Дмитрий Николаевич (1866–1943), график, педагог. Муж *Ольги Делла-Вос-Кардовской* – 111

Катулл, Гай Валерий (примерно 87–54 г. до н. э.), римский поэт – 229, 230, 233

Квантришвили, Георгий Тодикович (род. 1968), поэт, литературный критик, историк и краевед – 291

Керлер, Иосиф Борисович (1918–2000), еврейский поэт, писавший на идиш. В 1950 г. арестован и приговорён к десяти годам лагерей, в 1956 г. – реабилитован. В 1971 г. репатриировался в Израиль – 286

Керн, Людвиг Ежи (1920–2010), польский поэт, прозаик, автор детских стихов и книг о псе Фердинанде – 286

Кетегат, Анри Абрамович (род. 1936), литератор, один из авторов «Альманаха для своих» (Вильнюс, 2001) – 184

Киселёв, Ю., переводчик – 286

Клюев, Николай Алексеевич (1884–1937), поэт – 111, 115–117

Книпович, Евгения Фёдоровна (1898–1988), литературовед, критик, редактор, мемуаристка. Близкая знакомая *Александра Блока* в последние годы его жизни – 128–130

Копелев, Лев Зиновьевич (1912–1997), публицист, литературовед-германист, критик, переводчик, правозащитник – 90

Коржавин (Мандель), Наум Моисеевич (1925–2018), поэт, прозаик, переводчик, драматург, мемуарист – 119

Корзин, Виталий Александрович (1939–2007), композитор и шахматист. Родился в Москве. Мастер спорта, участник чемпионата Москвы по шахматам (1961 г.), выступал за клуб «Буревестник». В 1963 г. окончил Московскую консерваторию по классу оперного и симфонического дирижирования,

в 1970 г. — Институт им. Гнесиных по классу композиции. В 1964–1979 гг. — редактор издательства «Советский композитор». Сын пианиста и музыкального педагога Александра Львовича Иохелеса (1912–1978). Второй муж *Галины Андреевой*, автор музыки на её стихи — фото 264, 265

Корин, Григорий Александрович (1926–2010), поэт, переводчик. Отец *Елены Макаровой* — 228–231

Корнилов, Владимир Николаевич (1928–2002), поэт, прозаик, литературный критик — 90

Костельцев, Юрий Петрович (род. 1926), художник — 174

Крашенинникова, Екатерина Александровна (1918–1997), историк, библиограф, мемуарист. Близкая знакомая *Бориса Пастернака* в 1940–1950-е гг. — 133

Креслов, Артур Сергеевич (род. 1928), художник. Родился в Коломне. В юности жил в Вильнюсе, посещал молодёжное литературное объединение при Доме профсоюзов. Окончил Государственный художественный институт Литовской ССР (ныне — Вильнюсская художественная академия). Во время учёбы нарисовал карандашный портрет Михаила Ландмана, который хранится в семейном архиве Ландманов (см. стр. 6 настоящего издания). Преподавал в художественном училище в Симферополе. Участвовал в Осенней выставке художников Крыма (Симферополь, 1955 г.) и Юбилейной художественной выставке Украинской ССР, посвящённой 40-летию Октябрьской революции (Киев, 1957 г.) — 6, 172, 296; фото 241, 243

Кублицкая-Пиоттух, Александра Андреевна, урождённая Бекетова (1860–1923), мать *Александра Блока* — 129

Кузмин, Михаил Алексеевич (1872–1936), поэт, прозаик, драматург, переводчик, литературный критик, композитор — 111, 194

Кулиев, Кайсын (1917–1985), балкарский поэт, журналист – 131

Куликова, Нина Сергеевна (1905–1998). Первая жена Семёна Липкина – 229

Кульбак, Моше (Моисей) Соломонович (1896–1937), еврейский поэт, драматург, романист, писавший на идиш. Арестован и расстрелян как враг народа – 199

Ландман, Анна Михайловна (род. 1971), дочь Михаила Ландмана – 179, 224, 226, 232; фото 78, 180, 272–274, 278

Ландман, Даниил Леонидович (1996–2010), внук Михаила Ландмана, сын *Анны Ландман* – фото 279

Ландман, Полина Самойловна (Поля Самуиловна), урождённая Фурман (1903–2003), мать Михаила Ландмана – 151, 160, 167, 171, 198, 223, 283, 284; фото 152, 167, 236, 239, 240, 246, 249, 251, 254, 268–274, 277

Ландман, Софья Ушеровна, урождённая Анбиндер (род. 1937), вдова Михаила Ландмана. Автор мемуаров о Михаиле Ландмане – 142, 158, 159–163, 167, 173, 175, 191, 198, 199, 202, 211, 212, 215–217, 224, 226, 232, 275, 295; фото 10, 158, 161, 163, 168, 179, 203, 216, 227, 233, 234, 244, 245, 247–249, 251–253, 255, 258, 262, 264–266, 273, 274

Ландман, Хаим Абрамович (1899–1966), отец Михаила Ландмана – 151, 160, 167, 283, 284; фото 236, 238, 240, 249, 251, 254, 259, 268–270

Лариан, Соня (1931–2016), румынская писательница еврейского происхождения – 142, 287

Лёбите, Алдона (1915–1985), литовская актриса, писательница, переводчица – 286

Левик, Вильгельм Вениаминович (1907–1982), поэт-переводчик, литературовед, художник – 92

Левин, Григорий Михайлович (1917–1994), поэт, создатель и руководитель литературного объединения «Магистраль» – 126

Левин, Л., переводчик – 142, 287

Левитан, Исаак Ильич (1860–1900), художник – 138

Лемпорт, Владимир Сергеевич (1911–2001), скульптор, художник. Один из участников творческого союза ЛеСС, который был назван так по первым буквам фамилий трёх художников – Лемпорта, Вадима Сидура (1924–1986) и Николая Силиса (1928–2018). Портрет Михаила Ландмана работы Лемпорта хранится в семейном архиве Ландманов (см. обложку настоящего издания) – 296

Леонидов, Леонид Миронович (1873–1941), актёр, режиссёр, педагог – 116

Лермонтов, Михаил Юрьевич (1814–1841), поэт – 102, 205

Лесков, Николай Семёнович (1831–1895), писатель – 102

Лец, Станислав Ежи (1909–1966), польский поэт, философ, писатель-сатирик – 191, 286

Липкин, Семён Израилевич (1911–2003), поэт, переводчик – 102, 131, 229–231

Лиров, Виктор Петрович (1927–2019), поэт, библиограф, доктор филологических наук. Автор мемуаров о Михаиле Ландмане – 187, 188, 189–195, 295; фото 179, 188, 190, 227

Лирова, Шуламит Хаимовна, урождённая Гордон (1927–2022). Родилась в Литве. Во время нацистской оккупации Литвы два года находилась в Каунасском гетто. В 1943 г. ей удалось бежать. Спасти её помогли литовские герои, признанные Праведниками мира: Эяна Куторгене (1888–1963), Викторас Куторга (1920–1991), Эльзе Барбора Минётене (1903–1951) и Повилас Якас (1908–1968). После войны Шула-

мит изучала библиотечное дело в Москве, где познакомилась *Виктором Лифовым*. Они приехали в Вильнюс в 1952 г. и поженились. Работала в Литовском дворце книги. В 1973 г. семья репатриировалась в Израиль. Все годы до выхода на пенсию Шуламит работала библиотекарем в Бар-Иланском университете — фото 179, 190, 193

Лисин, Геннадий Николаевич — см. *Айги, Геннадий*.

Лиснянская, Инна Львовна (1928–2014), поэтесса, писательница. Мать *Елены Макаровой* — 154, 228–231

Лифшиц, Михаил Александрович (1905–1983), философ, литературовед, историк культуры — 125

Лозинский, Михаил Леонидович (1886–1955), поэт, переводчик — 111

Лорка, Федерико Гарсиа (1898–1936), испанский поэт — 46

Лукомников, Герман Геннадьевич (род. 1962), поэт, прозаик, переводчик, составитель антологий — 200, 202, 206, 207, 291

Лурье, Тамара Нояховна (1911–1990), переводчица с идиш и польского — 286

Лутохин, Долмат Александрович (1885–1942), критик, публицист, издатель — 116

Львов, Алексей Евгеньевич (1850–1937), князь, действительный статский советник. С 1892 г. — секретарь Совета Московского художественного общества. В 1894–1896 гг. — инспектор, а в 1896–1917 гг. — директор Московского училища живописи, ваяния и зодчества — 135–137

Мазилу, Теодор (1930–1980), румынский писатель — 287

Макарова, Елена Григорьевна (род. 1951), писатель, историк, куратор выставок, арт-терапевт. Дочь *Инны Лиснянской*

и *Григория Корина*. Автор мемуаров о Михаиле Ландмане – 228, 229–233, 295; фото 228

Макарова, Наталья Владимировна, родственница *Юдифи Каган* – фото 275

Макарова, Татьяна Константиновна (1940–1974), поэтесса, переводчица, автор детских сказок. Дочь *Маргариты Алигер* и композитора Константина Дмитриевича Макарова-Ракитина (1912–1941). Родилась в Москве. Вскоре после её рождения отец погиб на фронте. С детства писала стихи. По её сказкам сняты два известных мультфильма – «Заветная мечта» (1972) и «Всё наоборот» (1974). Переводила книжки американского детского писателя Доктора Сьюза (Теодора Сьюза Гайсела; 1904–1991). Умерла от острого лейкоза. Постмртно вышел сборник её детских стихов, сказок и переводов «Тайный маленький дом» (Москва: Детская литература, 1980) – 50, 70

Макушинский, Корнель (1884–1953), польский поэт, прозаик – 285, 286

Мандельштам, Осип Эмильевич (1891–1938), поэт – 85, 95, 112, 113, 123, 124, 193, 194, 292, 293

Мар, Сусанна Георгиевна (1900–1965), поэтесса, переводчица – 177

Маркарян, Маро (1915–1999), армянская поэтесса, переводчица – 97

Маркиш, Перец Давидович (1895–1952), еврейский поэт и прозаик, писавший на идиш. Руководитель Еврейской секции Союза писателей СССР, член президиума Еврейского антифашистского комитета. В 1949 г. во время государственной антисемитской кампании арестован и в 1952 г. расстрелян – 139

Маршак, Самуил Яковлевич (1887–1964), поэт, переводчик – 103

Матвеева, Новелла Николаевна (1930–2016), поэтесса, автор и исполнительница собственных песен – 95, 175

Махонинова, Алена (род. 1980), чешский филолог-славист, исследовательница русской и чешской литературы, переводчица – 201, 202

Маяковский, Владимир Владимирович (1893–1930), поэт – 111–114, 172, 192

Мессерер, Борис Асафович (род. 1933), театральный художник, сценограф. Муж *Беллы Ахмадулиной* – фото 275

Миль, Леонид Соломонович (1938–1992), переводчик с армянского и литовского языков. Родился в Литве. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького в Москве – фото 242

Миних, А., автор рецензии на книгу «Цветной материк» в переводе Михаила Ландмана – 142

Мориц, Юнна Петровна (род. 1937), поэтесса. Жена *Леона Тоома* – 121, 122, 175

Мрожек, Славомир (1930–2013), польский драматург, прозаик, эссеист – 191

Музиль, Роберт (1880–1942), австрийский прозаик, драматург и эссеист, автор знаменитого романа «Человек без свойств», который впервые был издан на русском языке в 1984 г. – 223

Найман, Анатолий Генрихович (1936–2022), поэт, прозаик, переводчик – 145

Незвал, Витезслав (1900–1958), чешский поэт, переводчик – 287

Нейгауз, Галина Сергеевна, урождённая Яржембская (1927–1998), редактор, мемуаристка. Жена *Станислава Нейгауза* – 133

Нейгауз, Станислав Генрихович (1927–1980), пианист, педагог. Пасынок *Бориса Пастернака*, муж *Галины Нейгауз* – 90

Нейман, Юлия Моисеевна (1907–1994), поэтесса, переводчица – 101, 144

Нерис, Саломея (1904–1945), литовская поэтесса – 85

Нягу, Фэнуш (1932–2011), румынский писатель – 287

Образцов, Сергей Владимирович (1901–1992), актёр и режиссёр театра кукол – 149

Ожешко, Элиза (1841–1910), польская писательница – 286

Ожоговская, Ганна (1904–1995), польская поэтесса и писательница – 286

Озеров, Лев Адольфович (1914–1996), поэт, переводчик, критик, литературовед. Преподаватель Литературного института им. А.М. Горького в Москве – 172, 173, 284

Озерская, Татьяна Алексеевна (1907–1991), переводчица, жена *Арсения Тарковского* – 229

Озур (Озурас), Давид Семёнович (род. 1932), инженер, поэт, художник. Родился в Литве. В юности жил в Вильнюсе, посещал молодёжное литературное объединение при Доме профсоюзов. В 1973 г. вместе с семьёй репатриировался в Израиль. Работал на военном заводе. Выпустил в Израиле две книги – «Признание. Стихи разных лет» (1990) и «Жизнь семьи Мендельсон. Поэзия, живопись, проза» (2013). Здесь же состоялись три выставки его картин – 172; фото 227

Окуджава, Булат Шалвович (1924–1997), поэт, прозаик, автор и исполнитель собственных песен – 126, 194

Олев, Наум Миронович (1939–2009), поэт-песенник, журналист, переводчик, киноактёр и галерист – 88, 93

Ольшевская, Нина Антоновна (1908–1991), театральная актриса. Близкий друг *Анны Ахматовой*. Жена *Виктора Ардова* – 99, 125

Орлов, Владимир Игоревич (1964–2021), историк литературы, редактор, публикатор и издатель, выпускавший преимущественно книги неофициальных поэтов советского времени – 291

Орловская, Дина (Аля) Григорьевна (1925–1969), переводчица. Племянница *Самуила Маршака* – 88

Островский, Александр Николаевич (1823–1886), драматург – 102

Ошерович, Гирш Шоломович (1908–1994), еврейский поэт, писавший на идиш и на литовском. Уроженец Литвы. В 1949 г. арестован и приговорён к 10 годам лагерей, в 1956 г. реабилитирован. В 1971 г. репатриировался в Израиль – 286

Пазилова, Валентина Павловна, урождённая Фомина (1938–2009), историк философии, художница. Автор мемуаров о Михаиле Ландмане – 210, 211–212, 295; фото 210

Пападат-Бенджеску, Гортензия (1876–1955), румынская писательница – 287

Парандовский, Ян (1895–1978), польский писатель, переводчик, публицист – 286

Пастернак, Александр Леонидович (1893–1982), инженер, архитектор, преподаватель. Брат *Бориса Пастернака* – 134, 136

Пастернак, Борис Леонидович (1890–1960), поэт – 15, 89, 90, 92, 95, 105, 109, 117, 118, 130–136, 144, 173, 193

Пастернак, Евгений Борисович (1923–2012), военный инженер, историк литературы. Сын и биограф *Бориса Пастернака*. – 90, 134

Пастернак, Елена Владимировна, урождённая Вальтер (1936–2020), филолог, публикатор материалов о жизни и творчестве *Бориса Пастернака*. Жена *Евгения Пастернака* – 134

Пастернак, Жозефина Леонидовна (1900–1993), поэтесса, переводчица. Сестра *Бориса Пастернака* – 134, 136

Пастернак, Леонид Борисович (1938–1976), физик. Сын *Бориса Пастернака* – 90

Пастернак, Леонид Осипович (1862–1945), художник. Отец *Бориса Пастернака* – 133–138

Пастернак, Розалия Исидоровна, урождённая Кауфман (1868–1939), пианистка. Мать *Бориса Пастернака* – 133, 134

Пастернак-Слейтер, Лидия Леонидовна, урождённая Пастернак (1902–1989), биохимик, поэтесса, переводчица. Сестра *Бориса Пастернака* – 134, 136

Пашнев, Эдуард Иванович (1933–2021), писатель. Учился в Литературном институте им. А.М. Горького в Москве. После 2001 г. жил в США – 90

Петрарка, Франческо (1304–1374), поэт – 20, 166

Петровых, Иван Семёнович – см. *Иосиф*.

Петровых, Мария Сергеевна (1908–1979), поэт, переводчик. Близкий друг *Анны Ахматовой*. Адресат любовной лирики *Осипа Мандельштама*. Единственное прижизненное издание стихов – сборник «Дальнее дерево» (Ереван, 1968). Руководила переводческим семинаром, оказала большое влияние на молодых переводчиков, начинавших профессиональный путь в 1960-е гг. – 54, 76, 83–155, 166, 177, 179, 182, 195, 229–232, 284, 285, 291–294, 296; фото 82, 84, 87, 120, 132

Платонов, Андрей Платонович (1899–1951), писатель – 102

Поливанов, Константин Михайлович (род. 1959), литературовед, профессор Высшей школы экономики в Москве — 134

Поликарпов, Сергей Иванович (1932–1988), поэт, переводчик — 88

Полонская, Вероника Витольдовна (1908–1994), актриса. Подруга *Владимира Маяковского* в последние годы его жизни — 113

Полонская, Галина Георгиевна (1927–2021), редактор, переводчица, сотрудница испанской редакции издательства «Художественная литература». Родилась в Москве. Окончила филологический факультет МГУ (кафедра классической филологии, 1950). В ноябре 1950 г. была арестована вслед за своим отцом Георгием Моисеевичем Полонским, врачом. Отбывала ссылку в Красноярском крае. В 1954 г. вернулась в Москву. В 1975 г. репатрировалась в Израиль, жила в Хайфе, работала в библиотеке Хайфского университета. Автор двухтомника воспоминаний «Так мы жили: очерки жестокого времени» (Хайфа, 2005) — 128, 130, 154; фото 179

Превьер, Жак (1900–1977), французский поэт, кинодраматург — 93

Пруайяр де, Жаклин (1927–2019), французская славистка, одна из переводчиц романа «Доктор Живаго». В 1957 г. познакомилась в Москве с *Борисом Пастернаком* и передала экземпляр рукописи романа во французское посольство для публикации на Западе. Была поверенной Пастернака в делах его изданий за границей — 133, 134

Пунина, Ирина Николаевна (1921–2003), искусствовед. Дочь искусствоведа Николая Николаевича Пунина (1888–1953), мужа *Анны Ахматовой* — 110

Пушкин, Александр Сергеевич (1799–1837), поэт — 95, 102, 103, 108, 110, 113, 146, 172, 176, 181, 205, 297

Пшибыльска, Ванда (1930–1944), польская школьница, погибшая от рук нацистов в 1944 г. в городе Повисле. Во время войны вела дневник, который в последствии был переведён на многие языки и издан в разных странах под заголовком «Дневник Ванды» и «Частица моего сердца» – 286

Рабле, Франсуа (1494–1553), французский писатель, богослов, врач, учёный – 192

Рапопорт, Сергей Самуилович (1934–2017), социолог. Автор мемуаров о Михаиле Ландмане – 73, 184, 185–187, 194, 217, 219, 221–223, 290, 295; фото 184, 190, 193

Рашковская, Мария Аркадьевна (1944–2023), архивист – 134

Ребряну, Ливиу (1885–1944), румынский писатель – 287

Рембрандт, Харменс ван Рейн (1606–1669), голландский художник – 88, 124

Рильке, Райнер Мария (1875–1926), поэт, писавший на немецком, французском и русском языках – 46

Рихтер, Святослав Теофилович (1915–1997), пианист – 91

Родионов, Николай Сергеевич (1889–1960), литературовед, исследователь творчества и биографии *Льва Толстого*, один из редакторов Полного собрания сочинений Толстого в 90 томах (Москва, 1928–1958) – 136

Русу, Николае (Николай Петрович) (род. 1948), молдавский писатель – 286

Рутковска, Ядвига (1919–2004), польская писательница – 286

Рыбаков, Анатолий Наумович (1911–1998), писатель – 98

Садовская, Мария Фёдоровна, руководительница молодёжной литературной студии при Доме профсоюзов Вильнюса в конце 1940-х – начале 1950-х годов – фото 241

Садовской, Борис Александрович (1881–1952), поэт, критик, литературовед – 115

Сайтанов, Меир (Владимир Аркадьевич) (род. 1948), лингвист, литературовед, исследователь иудаики. Автор мемуаров о Михаиле Ландмане – 180, 181–183, 290, 295; фото 180

Салиев, Анатолий, поэт. В юности жил в Вильнюсе, посещал молодёжное литературное объединение при Доме профсоюзов. Учился в мореходном училище. Погиб в тюрьме в возрасте 22 лет – 172

Самаев, Марк Евсеевич (1930–1986), поэт, переводчик – 88

Самойлов, Давид Самуилович (1920–1990), поэт, переводчик – 86, 88, 89, 92–94, 285

Сарьян, Мартирос (1880–1972), армянский художник – 97

Сафо (Сапфо) (примерно 630–570 до н.э.), древнегреческая поэтесса – 44

Светлов, Михаил Аркадьевич (1903–1964), поэт, драматург, журналист. Преподаватель Литературного института им. А.М. Горького в Москве – 120, 121, 123, 172, 177, 182, 193, 195, 250, 284

Сельвинский, Илья Львович (1899–1968), поэт, прозаик, драматург, теоретик стиха. Преподаватель Литературного института им. А.М. Горького в Москве – 172, 177, 193

Сергеев, Андрей Яковлевич (1933–1998), поэт, прозаик, переводчик. Муж *Людмилы Сергеевой* – 88

Сергеева, Людмила Георгиевна, урождённая Ельцова (род. 1935), филолог, редактор, мемуаристка. Жена *Андрея Сергеева* – 119

Сергей Александрович (1857–1905), великий князь, сын Александра II. В 1891–1904 гг. – московский генерал-губернатор. Согласно Уставу Московского художественного

общества и состоящего при нем Училища живописи ваяния и зодчества, был председателем Общества и попечителем Училища. Имел репутацию антисемита. В бытность его московским генерал-губернатором, в 1891–1892 гг., в соответствии с высочайшими распоряжениями императора из Москвы было выселено около 25-30 тысяч еврейского населения – 137

Славич, Ион (1848–1925), румынский писатель – 287

Слущкий, Борис Абрамович (1919–1986), поэт, переводчик – 119, 140, 141

Смирнов, Дмитрий Александрович (1870–1940), священник Русской православной церкви. Дядя *Марии Петровых* со стороны матери. Несколько раз был арестован. Последний раз – в 1938 г. Обвинён в контрреволюционной деятельности и приговорён к пяти годам ссылки в Казахстан. В 1940 г. был повторно осуждён на 10 лет лишения свободы. Семье сообщили, что он умер в Усть-Каменогорской тюрьме 26 июня 1940 г. Место захоронения неизвестно. Канонизирован Русской православной церковью в 2001 г. – 127

Смирнова, Светлана Валентиновна, ярославский краевед, библиотекарь – 127

Солженицын, Александр Исаевич (1918–2008), писатель, публицист, общественный и политический деятель – 92, 126, 153, 154, 294

Сталин, Иосиф Виссарионович (1878–1953), советский партийный и государственный деятель, создатель тоталитарного государства в СССР, фактически единоличный диктатор, управлявший страной с 1924 по 1953 г. – 107

Станку, Захария (1902–1974), румынский писатель – 287

Степанов, Евгений Евгеньевич (1945–2019), литературовед, исследователь биографии и творчества *Николая Гумилёва* – 112

Степанов, Николай Леонидович (1902–1972), литературовед – 98

Сулейменов, Олжас (род. 1936), казахский поэт, пишущий на русском языке. Учился в Литературном институте им. А.М. Горького в Москве. Литературовед, дипломат, общественный и государственный деятель Казахстана – 176

Танаевская, Галина – см. *Бальчюнене, Галина*.

Тарасова, Марина Борисовна (род. 1939), поэтесса, писательница, переводчица – 88

Тарковский, Арсений Александрович (1907–1989), поэт, переводчик – 92, 95, 102, 131, 229

Твардовский, Александр Трифонович (1910–1971), поэт, прозаик, журналист. Главный редактор журнала «Новый мир» в 1950–1960-е гг. – 125

Тименчик, Роман Давидович (род. 1945), литературовед, профессор Еврейского университета в Иерусалиме – 290

Тихонов, Николай Семёнович (1896–1979), поэт, прозаик, публицист, общественный деятель – 121

Толстая, Софья Андреевна, урождённая Берс (1844–1919), жена *Льва Толстого* – 117

Толстой, Алексей Константинович (1817–1875), писатель, поэт, драматург – 198

Толстой, Алексей Николаевич (1882–1945), писатель, общественный деятель, лауреат трех Сталинских премий – 154

Толстой, Лев Николаевич (1828–1910), писатель – 117, 136, 293

Тоом, Леон Валентинович (1921–1969), переводчик, поэт, литературный критик. Окончил Литературный институт им. А.М. Горького в Москве. Муж *Юнны Морлиц* – 121, 122

Трахтенберг, сосед Ландманов в Подволочиске – 283

Троцкий, Лев Давидович (1879–1940), революционер, политический и партийный деятель – 115, 116

Тувим, Юлиан (1894–1953), польский поэт, прозаик, переводчик и журналист еврейского происхождения – 140, 141, 177, 178, 191, 199, 231, 286

Туманян, Ованес (1869–1923), армянский поэт, прозаик, переводчик, публицист – 145

Тургенев, Иван Сергеевич (1818–1883), писатель – 102

Тушнова, Вероника Михайловна (1911–1965), поэтесса, переводчица – 293

Тынянов, Юрий Николаевич (1894–1943), писатель, драматург, литературовед – 130

Улановская, Майя Александровна (1932–2020), писательница, переводчица. В 1951 г. была арестована за участие в подпольной антисталинской молодёжной организации и приговорена к 25 годам лагерей. Освобождена по амнистии в 1956 г. В 1973 г. репатрировалась в Израиль. Жена *Анатолия Якобсона* – 152

Ундина – см. *Ландман, Софья*.

Урицкий, Андрей Наумович (1961–2021), прозаик, литературный критик – 291

Ушаков, Дмитрий Николаевич (1873–1942), лингвист, лексикограф, один из составителей и редактор «Толкового словаря русского языка» в 4-х томах, который впервые был издан в 1935–1940 гг., затем неоднократно переиздавался – 102

Фадеев, Александр Александрович (1901–1956), писатель и общественный деятель. В 1946–1954 гг. – генеральный секретарь и председатель правления Союза писателей СССР – 128

Файвуш, Ася Владимировна, урождённая Нейман (1932–2018). Родилась в Каунасе. Библиотекарь. Работала в библиотечном коллекторе в Вильнюсе. В 1971 г. репатрировалась в Израиль, работала в библиотеке Хайфского университета — фото 179

Фёдоров, Николай Фёдорович (1829–1903), религиозный философ — 210

Фет, Афанасий Афанасьевич (1820–1892), поэт — 229

Фигурнова, Марина Викторовна, литературовед — 101

Фигурнова, Ольга Сергеевна, литературовед, критик, архивист — 101

Флейшман, Лазарь Соломонович (род. 1944), литературовед, профессор Стэнфордского университета — 134, 135

Флоринцева, Светлана Хуановна, переводчица — 287

Фолкнер, Уильям (1897–1962), американский писатель — 231

Франк, Белла Самойловна, урождённая Фурман (1907–1991), тётя Михаила Ландмана, сестра *Полины Ландман* — 283; фото 257

Фридман, Виктория, редактор, переводчица. Автор мемуаров о Михаиле Ландмане — 187, 214, 215–226, 295; фото 214

Фурман, Анна Сергеевна (1921–2014), жена *Михаила Фурмана* — фото 254

Фурман, Владимир Михайлович (род. 1955), двоюродный брат Михаила Ландмана, сын *Михаила Фурмана* — фото 254, 258

Фурман, Михаил (Хуне) Самойлович (1909–1979), дядя Михаила Ландмана, брат *Полины Ландман* — фото 254

Халтурин, Иван Игнатъевич (1902–1969), редактор, журналист, литературный критик, библиограф, историк детской литературы и составитель книг для детского чтения – 135

Харджиев, Николай Иванович (1903–1996), искусствовед, коллекционер – 113

Хлебников, Велимир (Виктор Владимирович) (1885–1922), поэт, прозаик – 98

Ходасевич, Владислав Фелицианович (1886–1939), поэт, мемуарист – 95, 115, 116, 146, 154, 193

Хрущёв, Никита Сергеевич (1894–1971), партийный и государственный деятель, первый секретарь ЦК КПСС (1953–1964), председатель Совета министров СССР (1958–1964) – 87, 92, 113

Цветаева, Анастасия Ивановна (1894–1993), писательница, мемуаристка. Сестра *Марины Цветаевой* – 177, 267, 276; фото 275

Цветаева, Марина Ивановна (1892–1941), поэт – 110, 111, 147, 177, 193, 194, 276

Цетлины – Михаил Осипович Цетлин (1882–1945) и его жена Мария Самойловна Цетлина, урождённая Тумаркина (1882–1976). Литературные редакторы, издатели, активные участники революции 1905 г. После 1917 г. эмигрировали из России во Францию, затем в США. Меценаты, культурные деятели русской эмиграции. После смерти М.О. Цетлина его вдова подарила государству Израиль собранную им библиотеку и коллекцию живописи – 164

Чарный, Марк Борисович (1901–1976), журналист, прозаик, литературовед. Был корреспондентом ТАСС за рубежом – 145

Чобану, Радуга (род. 1935), румынский писатель – 287

Чёрный, Саша (1880–1932), поэт – 192

- Чехов, Антон Павлович (1860–1904), писатель — 117
- Чуковская, Лидия Корнеевна (1907–1996), редактор, прозаик, публицист. Дочь *Корнея Чуковского* — 90, 108–110, 128, 129
- Чуковский, Корней Иванович (1882–1969), писатель, литературовед — 91, 92, 124, 129, 169, 173, 195, 297
- Шагинян, Мариэтта Сергеевна (1888–1982), поэтесса, журналистка — 125
- Шаламов, Варлам Тихонович (1907–1982), поэт, прозаик — 98
- Шалит, Шуламит (род. 1939), прозаик, эссеист, радиожурналист. Автор мемуаров о Михаиле Ландмане — 164, 165–179, 290, 294–296; фото 164, 179
- Шантырь, Инга Александровна (род. 1934), актриса театра и кино, поэтесса, журналистка — 88
- Швейцер, Виктория Александровна (род. 1932), историк литературы, исследователь биографии *Марины Цветаевой*. Эмигрировала из СССР в США в 1978 г. — 177
- Шенгели, Георгий Аркадьевич (1894–1956), поэт, переводчик, критик, стиховед — 102, 292
- Шилов, Лев Алексеевич (1932–2004), искусствовед, архивист, собиратель аудиозаписей голосов писателей — 293
- Шотола, Иржи (1924–1989), чешский поэт, прозаик — 287
- Штейнберг, Аркадий Акимович (1907–1984), поэт, переводчик, художник — 92, 102, 123, 141
- Шток, Исидор Владимирович (1908–1980), драматург, актёр — 149
- Штоки — *Исидор Шток* и его жена Александра Николаевна Кононова (1914–2005), актриса театра «Ромэн» — 149

Шульман, Альфред Матвеевич (1931–2018), преподаватель, журналист, фотограф. Родился в Витебске в еврейской семье. Во время войны был в эвакуации на Урале, после 1945 г. жил в Вильнюсе. Окончил русское отделение историко-филологического факультета Вильнюсского государственного университета. Участвовал в подпольном студенческом издании «Фиговый листок», которое подверглось резкой критике партийного руководства. После окончания университета преподавал в школе, сотрудничал в местной прессе. Совершил несколько мотопробегов с литовским журналистом и путешественником Эдуардасом Гирчисом (1933–2010), об этом у них вышли документальные книги. (См.: E. Girčys, A. Šulmanas. Vidurinės Azijos respublikų kelias Leidykla. Vilnius: Mintis, 1965; E. Girčys, A. Šulmanas. Nemunas – Volga. Vilnius: Mintis, 1966.) Вместе со своим младшим братом Валерием Пановым (род. 1938), известным артистом балета, добивался возможности отъезда в Израиль, за что преследовался властями. Летом 1974 г. агенты КГБ даже пытались отравить братьев, о чём писала зарубежная пресса (The New York Times. – 1974. – June 2. – P. 58). В начале 1975 г. вместе с семьёй ему удалось эмигрировать из СССР. Жил в Канаде – сначала в Монреале, затем в Торонто. Работал в фотолабораториях, занимался коммерческой фото- и видеосъёмкой. Был одним из авторов «Альманаха для своих» (Вильнюс, 2001). Умер в Торонто – 185, 187, 296; фото 227

Щипачёв, Степан Петрович (1898–1980), поэт, прозаик, редактор. Член правления Союза писателей СССР – 131

Эмин, Геворг (1919–1998), армянский поэт, переводчик – 146

Эпштейн, Даля (род. 1937), эссеист, прозаик, переводчик. Автор мемуаров о Михаиле Ландмане – 196, 197–199, 200, 295; фото 196

Эфрон, Елизавета Яковлевна (1885–1976), режиссёр, театральный педагог. Сестра Сергея Яковлевича Эфрона (1893–1941), мужа *Марины Цветаевой* – 146

Якобсон, Анатолий Александрович (1935–1978), поэт, переводчик, автор работ о русской литературе, правозащитник, редактор «Хроники текущих событий». В 1973 г. репатриировался в Израиль. Муж *Майи Улановской* – 88, 89, 147, 150, 152, 153, 177

Якобсон, Роман Осипович (1896–1982), лингвист, литературовед, исследователь русского авангарда. Друг *Владимира Маяковского* – 113

Якушева, Ада (Ариадна Адамовна) (1934–2012), поэтесса, автор и исполнительница собственных песен, радиожурналистка, писательница – 220

Янов, Александр Львович (1930–2022), историк, политолог, публицист. Профессор, доктор исторических наук. Эмигрировал в США, где с 1975 года преподавал русскую историю и политические науки в Техасском, Калифорнийском и Мичиганском университетах, а также в Городском университете Нью-Йорка – 126

Янушевская, Ганна (1905–1980), польская писательница – 286

Ярмуш, Михаил Юрьевич (1932–2008), врач-психиатр, поэт, переводчик с испанского и польского языков. Родился в Вильнюсе. С начала 1960-х гг. жил в Москве. Автор сборника стихов «Тень будущего» (Москва: Весть, 1994) – 16, 88, 89, 91, 147, 153, 160, 172, 174, 176, 194, 220, 287; фото 227, 264, 265

Marie – Кун, Мари (m-me Marie), гувернантка двоюродных братьев *Александра Блока* – Кублицких-Пиоттух; часто навещала Блока в последние годы его жизни – 129

Summary

This book is the first to introduce the reader to the poetry and memoir prose of the famous translator Michael Landman (1931–1997). In his youth he lived in Vilnius (Lithuania) and then in Moscow. In 1991 Landman emigrated to Israel with his family.

Landman translated poems and prose of Polish, Romanian and Czech authors to Russian. His translation of the children's story, "Academy of Mr. Kleks", by Polish author Jan Brzechwa, has been published many times, the latest in 2019. Landman's own poems hadn't been published during his lifetime.

In this book Michael Landman's memories about the outstanding Russian poetess and translator Maria Petrovykh are being published for the first time. Landman had been friends with Maria Petrovykh for many years; in her house he had been meeting with Anna Akhmatova. In his memoir Landman also speaks about his meetings with Akhmatova.

A special section of the book is dedicated to his friends' recollections of him. In addition to an impression of this bright, talented man's personality, here one may also find a portrait of the time – from "The Khrushchev Thaw" to the "Perestroika".

The book is illustrated with many photographs from the Landman family archive.

תמצית

בספר זה מוצגים לראשונה שירתו וזכרונותיו של המתרגם המפורסם מיכאל לנדמן (1931-1997). בנעוריו לנדמן התגורר בוילנא (ליטא), לאחר מכן עבר למוסקבה. בשנת 1991 עלה לישראל. לנדמן תרגם לרוסית שירה ופרוזה של סופרים פולנים, רומנים וצ'כים. תרגומו של סיפור הילדים של הסופר הפולני יאן בז'וה יצא לאור פעמים רבות, פעם אחרונה בשנת 2019. את שירתו שלו לנדמן לא פרסם מעולם. בספר הזה מתפרסמים לראשונה זכרונותיו של מיכאל לנדמן על המשוררת והמתרגמת הרוסית היוצאת מן הכלל מריה פטרוביך. הידידות בין לנדמן למריה פטרוביך נמשכה שנים רבות. בביתה הוא פגש את המשוררת הידועה אנה אחמטובה, שעל המפגשים איתה הוא מספר בספרו גם כן. חלק מיוחד בספר מוקדש לזיכרונותיהם של חבריו של מיכאל לנדמן אודותיו. בזכרונות אלו נשקפות לא רק אישיותו של אדם מבריק ומוכשר זה, אלא גם דמותה של התקופה — מההפשרה של חרושצ'וב עד לפרסטרויקה. הספר מאויר בתצלומים רבים מהארכיון המשפחתי.

Содержание

СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

I

НА ЯЗЫКЕ ТРАВЫ

«Мне бы сына — да возьмут в солдаты...» 7

Ландман тоскует по родине 8

Гимн 11

«Живи, как скрипка...» 12

Пролог 13

II

ПОЕЗДА И СУДЬБЫ

Экспресс времён 16

Мандарины 18

ПЛЕННИКИ МУЗ

1. Два Бетховена 19

2. Старый художник 20

3. Завещание 20

4. «...Беатриче! Беатриче!..» 21

«Между мной и тобой, между мной и тобой...» 23

«Брось, огорчаться не надо!..» 24

«Как много странствий ждёт тебя. Тем более...» 25

«...Устало, недоверчиво, чужо...» 26

Осенний сквер 28

Письмо без единой слезы 29

МЕЖДУ ДОМОВ И ЗВЁЗД

1. «Моей гранитный берег влага...» 30

2. «По городу брожу? Нет, кратеру!..» 30

3. «Я у Чистых прудов с нечистотами рядом...» 31

- «Палач устал. Провёл он десять пыток...» 32
«Я тоскую в Москве по глазам твоим кротким...» 33

Восьмистишия. Цикл первый

1. «Мелкий дождик в раю умывает цветы...» 34
2. «Полжизни сон — то детства, то любви...» 34
  3. «Душе моей плоть надоела...» 35
  4. «Ум взыскал бы, да душа простит...» 35
  5. «Леса переживут меня и вас...» 35

III

НЕЗРИМЫЕ СНЫ

- «В начале было...» 37
«Старость входит в мои покои...» 38
«Ночь заблудилась в развалинах...» 40
Российский повеса 42
«Душа забивается глубже в тело...» 43
«Когда ещё спят и пловцы, и пловицы...» 44
Дятел 45
«Давай уедем к чёрту на кулички!..» 46
«Об этом рассказывать даже неловко...» 48
Словарь 49
«А вдруг искусство в нас заговорит...» 50
«На окнах налёт тополиного пуха...» 51

ОСЕННИЕ ВОРОТА

1. «Ах, осень, уймись, Бога ради!..» 52
  2. «Лучше в пекло! Лучше в Тартар!..» 52
  3. «Да это ж не осень, а шайка ворюг!..» 53
  4. «Шутка, что ли? Мелким бесом...» 54
  5. «Куда ведут осенние ворота?..» 55
- «Немилосердна Муза... Пиши!..» 57
Смерть 58
«Внезапно проснулся...» 59

Восьмистишия. Цикл второй

1. «В ладонях непонятливая глина...» 60
2. «Эскалаторы – в рай. Эскалаторы – в ад...» 60
  3. «Баллада прячется за сучья...» 60
  4. «На всё запрет, как палец на губах...» 61
  5. «Нас всех порастрясло и укачало...» 61

IV

ОТШЕЛЬНИК НЕНУЖНЫХ ИСКУССТВ

Циркуляр 63

НЕОБЯЗАТЕЛЬНЫЕ ЗАРИСОВКИ

1. «Улица самых высоких балконов...» 64
  2. «У пивного ларька алкаши...» 64
  3. «В разгаре лета от жары...» 65
  4. «К воротам Тишинского рынка...» 65
- «Опущены шторы. Задвинут затвор...» 67
«Не думай, что будет иначе...» 68
«Я плыл по берегу в тумане серебристом...» 69
- ##### Гамбринус 70
- «Ну высмей, ну высмей...» 72
«Неужто – ты думал – такое...» 73

Из воспоминаний о Вильне

1. «За костёлом Анны был ли, нет ли – снег...» 74
2. «В кафедральную плоскую мыльницу...» 74

ПРОЩАНИЕ

1. «Рукой усталой проведу...» 76
2. Плач о камне 77
3. «Он был соткан из голоса свежего...» 77

«Заплаканные эти числа...» 79

ВОСЬМИСТИШИЯ. ЦИКЛ ТРЕТИЙ

1. «Погаснет свет. Замрут часы...» 80
2. «Одуванчик уходит из жизни...» 80
3. «Будто печаль, будто в доме знакомом утрата...» 81
4. «Проклятая привычка жить...» 81
5. «Вернуться бы в город бульжных и сумрачных улиц...» 81

ПРИТАЁННАЯ В ТЕНИ.

О МАРИИ СЕРГЕЕВНЕ ПЕТРОВЫХ 83

ВСПОМИНАЯ МИШУ...

ДРУЗЬЯ — О МИХАИЛЕ ЛАНДМАНЕ

- Софья Ландман.* Мы познакомились в библиотеке 159
Шуламит Шалит. Билет до станции «Забудь» 165
Меир Сайтанов. Без Миши стало темнее в этом мире! 181
Сергей Рапопорт. МХЛ продолжит пребывание 185
Виктор Лифов. О друге 189
Далия Эпштейн. Миша жил стихами 197
Александр Бабёнышев. «Только слух не исчез...» 205
Валентина Пазилова. Время вдруг отступило 211
Виктория Фридман. Про Мишу. Для своих 215
Елена Макарова. Станция «Помни» 229

ФОТОАЛЬБОМ 235

ПРИЛОЖЕНИЕ

- О Михаиле Ландмане. Краткая биографическая справка 283
Список переводов Михаила Ландмана 286
Благодарность 288
Комментарии 290
Именной указатель 297
Summary (English) 330
Summary (Hebrew) 331

Редактор-составитель Мая Халтурина
Дизайнер Раиса Гершзон
Ответственный за выпуск Владимир Ерохин
Корректор Наталья Лескис

На обложке портрет Михаила Ландмана
работы Владимира Лемпорта.
Бумага, масляная пастель. 28×40 см

На задней стороне обложки портрет Софьи Ландман
работы Изабеллы Биндлер. 1977 год.
Бумага, акварель. 40×53 см

На форзаце экслибрисы Михаила Ландмана

ISBN 978-5-903505-77-7

Полиграфические услуги Студия Клик, Иерусалим.
www.clickbook.co.il
Иерусалим 2024

Jan 09 VI 25

